

МОСКОВСКИЙ ДОМ
Современная московская проза

ВОДОВОРОТЫ

МОССАЛИТ
2010

УДК 82-3.161.1
ББК 84 (2Рус)6
М52

ISSN 2078-0230

**Издательский проект «Московский Дом»
Московского Салона Литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru**

Составители сборника
*Ольга Грушевская
Светлана Сударикова
Ольга Моисеева*

Предисловие
Игоря Бурдонова

© Московский Салон Литераторов, 2010
© Авторы сборника, 2010

Вместо предисловия...

Водоворот событий, водоворот проблем, водоворот чувств и даже удовольствий, или, наоборот, водоворот горестей и лишений. Водокруть, водоверть – времени, жизни и смерти. Водоворот миров, водокруть истории, водоверть души. В водовороте мегаполиса спускаешься в водоворот метро и попадаешь в водоворот толпы, где тебя затягивает водоворот одиночества.

– Остановись, поговорим. – Ой, не могу, меня закрутил водоворот дел.

Едва родившись, человек попадает в водоворот. Двигается всё – природа, люди вокруг, вещи его, сам воздух, которым человек дышит. Потом он сам вертится в водоверти учёбы, работы, семьи. И что-то кружится внутри него: мысли, чувства, то радость – то горе. По кругу, по кругу, всё ближе к центру, всё глубже. Что в центре? Что в глубине? Говорят, если не получается выбраться из водоворота, если тебя затягивает в центр и вглубь всё сильнее, нужно просто набрать в лёгкие побольше воздуха и нырнуть. Искать под водой такое течение, которое не закручивает по кругу, а выбрасывает наружу, такое есть – обязательно, и в восходящем потоке вынырнуть за пределы водоворота. Чтобы тут же оказаться в следующем.

От ворот рождения до ворот смерти. Сколько до ворот? Что до ворот? Кто до ворот? Во-до-ворот.

Что же такое водоворот?

Для индейцев зуни это прародитель жизни. Её зародыш скрывается в индусском водовороте. Там водятся китайские водяные драконы. Оттуда выплывает шумерская морская змея. Афродита выходит из водоворота, который затягивает Одиссея. Водоворот Дао на стенах даосских монастырей всё кружит и кружит свои инь-ян.

Водовороты сознания: мысли бегут по кругу, чувства затягивают вглубь, даже сны повторяются и в водоверти настроений ты и сам не поймёшь, кто ты: весёлый – грустный, умный – глупый, добрый – злой, парящий – ползущий. Движущийся по кругу.

Водовороты реальности: вещи, люди, события кружат вокруг человека, сжимают со всех сторон, даже воздух не протолкнуться. Человек кружит вокруг вещей, людей и событий, его несёт или он сам несётся – неразлично, куда? с какой целью?

Водовороты города: выйдя из водоверти метро, попадешь в водокруть улиц и площадей, машин и людей. Твои родные и близкие, твои дела и развлечения, твои любовь и разлука разбросаны по карте мегаполиса – соедини эти точки линиями, получится спираль водоворота.

Водовороты игры: актёры в костюмах водоворотов изображают водоверти людей в водокрути их жизни. Зеркальны водовороты искусства как отражения водоворотов реальности и сознания. Они даже крутятся в другую сторону, чтобы хоть на мгновение подарить покой души и судьбы на стыке двух водоворотов, в наложении-совмещении жизни и театра.

Под обложкой этой книги собрались водовороты прозы, но вы не бойтесь – авторы-лоцманы уверенно проведут по спиральям водовертей, нырнут вместе с вами в самую глубину и вы вместе с ними выплывете из водокрути слов. И, может быть, вам будет немного легче и понятней смысл водоворота и водоворот смысла.

Игорь Бурдонов

СОДЕРЖАНИЕ

ВОДОВОРОТЫ СОЗНАНИЯ

Ольга Моисеева	6
Скалы	7
Сон	26
Игорь Бурдонов	41
Гарь	42
Грибы должны пахнуть грибами	45

ВОДОВОРОТЫ РЕАЛЬНОСТИ

Стефания Солис	67
Осень	68
Мари Веглинская	119
Водовороты	119
Дядя Володя	141
Владимир Борисов	155
Побег	155

ВОДОВОРОТЫ ГОРОДА

БастЭт Нуар	210
Джинн	210
Мария Сидлер	218
Я и Город	218

ВОДОВОРОТЫ ИГРЫ

Иван Мазилин	227
Кухня	227
Алёна Чубарова	251
Чисто женская история	252
Ирина Егорова	289
Букет куриной слепоты	290

ВОДОВОРОТЫ СОЗНАНИЯ

Ольга Моисеева

Родилась и живу в Москве, окончила английскую спецшколу, потом Московский Авиационный Институт. В поиске себя сменила несколько профессий: инженер, переводчик с английского, менеджер, преподаватель художественной резьбы по дереву, преподаватель английского языка.

Увлекаюсь разными видами творчества, но писательство неизменно остаётся самым любимым способом выйти за привычную грань нашего мира.

Пишу с 1997 года – поначалу душа всё требовала стихов, а теперь как-то больше выходят прозаические произведения, правда, на ту же тему, потому что вопросы по-прежнему остаются без ответов... Какие вопросы? Да всем известные, космически глобальные: о том, что значат жизнь и смерть, и где кончается одно и начинается другое; о тайнах разума и своём месте во Вселенной...

Печаталась в журналах «Если», РБЖ «Азимут», «Знание - сила. Фантастика», «Лауреат»; сборнике «Звёзды ВнеЗемелья» и первом выпуске альманаха «Московский Дом».

Член союза писателей «Новый Современник».

Скалы

Кристофер шагал через луг, намеренно забирая много правее, чем вчера. Он ходил здесь каждый вечер и всякий раз старался идти другим маршрутом, чтобы не протоптать тропинку. Нет, он не боялся, что кто-то повторит его путь, просто таково было свойство натуры Кристофера – прикасаться ко всему осторожно, по возможности не оставляя следов, словно в этом мире он только гость. Порой про него так и говорили: «Не от мира сего». Отчужденный и неразговорчивый, Кристофер казался холодным и замкнутым человеком.

На работе его считали букой и давно уже не пытались вовлечь в неформальное общение. Даже очаровательная секретарша шефа Мэй, которая строила глазки всем мужчинам подряд и практически любой объект в брюках считала «душкой», разочаровалась в Кристофере через неделю после знакомства. Тогда, в обеденный перерыв, все живо обсуждали суперскандальный фильм, показанный накануне вечером одной из телекомпаний. Кристофер, как обычно, молчал, не принимая участия в общей дискуссии.

– А ты что думаешь, Крис? – спросила Мэй, кокетливо поддев вилкой кусочек огурца.

– Я ничего не думаю, – ответил Кристофер, – я не смотрел этот фильм.

– Были другие дела? – не унималась Мэй.

– У меня нет телевизора.

– Ах, – протянула Мэй, вздыхая, – как тебе не повезло, такое кино! А с телевизором-то что? Сломался?

– Он не сломался, у меня его вообще нет.

Мэй застыла, открыв рот. В ее хорошенькой головке не укладывалась мысль о том, что у кого-то может не быть телевизора. Как это? А что ж он его не купит? Зарплата у него приличная, а телевизор стоит совсем недорого. Двинутый какой-то!

Кристофер спокойно доел рисовый пудинг и, пожелав всем приятного аппетита, поковылял из столовой, опираясь на трость.

Некоторые из сослуживцев поначалу пытались наладить с ним приятельские отношения, приглашая вечером пропустить по стаканчику в соседнем баре, но неизменно получали вежливый и твердый отказ.

Каждый день, как только заканчивалось рабочее время, Кристофер, аккуратно прибравшись на своем столе, вставал, говорил «до свидания» и шел к выходу из здания так быстро, как только мог – его правая нога была короче левой на четырнадцать сантиметров и имела повернутую вправо негнущуюся стопу. На улице он садился в припаркованный возле самого входа старенький, выдавший виды автомобиль и уезжал.

Он жил в небольшом поселке, в доме, стоявшем на отшибе. Дорога на машине отнимала примерно час, но у него никогда не возникало желания перебраться поближе к городу. Во-первых, потому что здесь было тихо, а он очень ценил тишину и не любил, когда она заполнялась чем попало, а во-вторых, именно здесь находилось то место, где его всегда ждали, и он чувствовал себя по-настоящему счастливым.

В двух километрах от его дома раскинулась гористая местность. Начиналась она с шести небольших, но довольно крутых остроконечных скал, стоявших перед склоном настоящего исполина, словно стайка цыплят, жавшаяся к ногам наседки. Именно туда, к этой группке, держал свой путь Кристофер.

Луг кончился, и Кристофер ступил на усеянную мелким камнем сухую голую землю. Он шел, радуясь прикосновению легкого ветра, и ему казалось, что, по мере приближения к цели, воздух становится каким-то иным, особенным, он ни за что не смог бы объяснить, что именно в нем меняется, как невозможно описать, чем отличается вкус и аромат чистой родниковой воды от обычной. Кристофер несколько раз с наслаждением вдохнул, да так глубоко, что на мгновение закружилась голова. Он остановился и посмотрел на небо. Последние закатные отблески чуть золотили редкие перистые облака, и полупрозрачной скобкой проступал бледный и неуверенный, словно спросонья, месяц. Скоро зажгутся первые звезды. Кристофер улыбнулся и быстро зашагал дальше, энергично выбивая тростью маленькие фонтанчики пыли.

В первый раз он открыл это место случайно, попав сюда после одного из самых трагических событий в своей жизни.

У него был друг – мохнатый ньюфаундленд Фил. Они прожили вместе почти десять лет. Все эти десять лет Крис считал, что у него есть семья, хоть и состояла она из одного только Фила. Отца своего Кристофер не знал, а мать умерла, когда ему было двадцать. К счастью, она сумела обеспечить сыну хорошее образование и оставила в наследство дом, а также небольшой счет в банке. Кристофер с детства проявлял способности к техническим наукам и по

окончании университета уже имел два авторских свидетельства, поэтому у него практически не было проблем с поисками места, дающего достаточно средств к существованию.

Одно время он встречался с девушкой по имени Мария и всерьез думал о том, что, возможно, когда-нибудь она станет его женой, но неожиданно ей предложили работу в другой стране, и Мария без долгих раздумий согласилась. И хотя она уверяла, что обязательно сообщит свой новый адрес и телефон, ее глаза говорили Крису обратное...

Брать с собой пятимесячного Филли Мария не захотела, решив сбавить его Кристоферу на попечение.

Щенок, казалось, только того и ждал. Он так и льнул к новому хозяину, изо всех сил виляя хвостом и заглядывая в глаза, однако когда Кристофер собрался отвести его к машине, щенок вдруг нырнул под кровать и так долго оттуда не показывался, что Марии пришлось лезть за ним. Нащупав щенячью попку, девушка ухватила Филли за задние лапы и вытащила на свет божий. Вслед за щенком из-под кровати выехал темно-коричневый кожаный мешочек, стянутый черным шнурком. Попытки Марии вытащить его из зубов Филли успехом не увенчались, и, устало вздохнув, девушка сказала: «Слушай, а забирай-ка ты его вместе с этим мешком. Там вроде бы индейское украшение... или амулет... из меха, а может, из перьев, я уж позабыла... Его мне дядя подарил, привез откуда-то... не помню... Короче, я все равно такие вещи не ношу, и мешок этот с собой тащить не собираюсь. Возьми, может, тебе на что сгодится». Кристофер кивнул, и Филли прямо с «добычей» в зубах погрузили в машину.

Приехав на новое местожительство, щенок выпустил свой «трофей», и принялся быстро обнюхивать все вокруг. Пока Филли изучал комнату,

Кристофер, усевшись на диване, достал из мешочка «вроде бы индейское украшение или амулет». К ремешку, свитому из черных и серых полосок кожи, был приделан также кожаный, сантиметров шесть в диаметре, круг. По краю его украшали черные, голубые и рыжие птичьи перья, а в середине мелкие разноцветные кусочки кожи составляли замысловатый, но четкий и строго симметричный, мозаичный узор. Кристофер долго и с удовольствием разглядывал тонкую работу искусного мастера, потом надел украшение на шею. «Ну как, Филли? – спросил он щенка. – Тебе нравится? По-моему, очень красиво!» Филли бросил свои исследования, подбежал к дивану и запрыгнул новому хозяину на колени, отчаянно крутя хвостом. «Вижу, что нравится! – улыбнулся Кристофер. – Значит, наши вкусы совпадают. Это хорошо, потому что отныне мы с тобой, малыш, будем жить вместе, – он взъерошил густую черную шерсть. – И знаешь, что? Давай договоримся, что уж мы-то с тобой никогда друг друга не бросим, идет?» В ответ Филли не спеша, с расстановкой вылизал лицо Кристофера. С тех пор Крис и помыслить не мог, что Фила когда-нибудь не окажется рядом, пока не наступила роковая суббота.

Обычно по выходным Кристофер любил отсыпаться и вставал поздно, но в то утро пробудился неожиданно рано от ощущения какого-то смутного беспокойства. Все то время, пока он маялся, пытаясь снова задремать, Филли, поняв, что хозяин проснулся, бродил около кровати и шумно вздыхал. Наконец, к неописуемому восторгу Фила, Кристофер встал, открыл дверь и выпустил пса на улицу. Погода стояла прекрасная. В такие, залитые солнцем, дни настроение у Криса всегда поднималось, но сегодня определенно что-то было не так. Он никак не мог взять в толк, что именно. «Может, я заболел? – подумал Крис. – Да нет, вроде чувствую себя

совершенно нормально. Странно, в чем же дело?» В компании, где он трудился, пока никаких неприятностей не предвиделось. Минули первые две недели службы на новом месте, и он радовался, что сумел устроиться на интересную и хорошо оплачиваемую работу. Кристофер почистил зубы и принял душ. Тревога не покидала его.

– Филли! Иди есть! – крикнул он в окно.

Пес бросил гонять по дорожке какого-то незадачливого жука и устремился в дом, к своей миске.

– Как ты считаешь, малыш, может нам развезься и съездить за продуктами? – сказал Кристофер за завтраком. – Купим чего-нибудь вкусенького тебе и мне, а?

Филли ничего не имел против: он любил кататься на машине.

В городе Кристофер остановился у одного из супермаркетов. Недалеко от входа стоял большой рекламный щит. В связи с узостью тротуара, щит был укреплен на одной-единственной короткой ноге, поддерживающей его со стороны проезжей части. К этой ноге и привязал Кристофер Фила. Вообще-то, Филли не нуждался в подобном ограничении свободы, он и так стоял бы послушно и ждал и уж точно никуда не ушел бы без Криса, но людям, посещавшим магазин, совсем не нравились собаки без намордников, без присмотра болтавшиеся на улице, пусть даже и очень культурные.

Кристофер уже продвигался к выходу, когда услышал визг тормозов и грохот. Здоровый джип, управляемый юнцом (как видно под кайфом) на большой скорости вылетел из переулочка и, не вписавшись в поворот, со всего размаху врезался в опору, к которой был привязан Филли. Опора согнулась, и щит со скрипом стал медленно клониться

к земле. Пес испуганно задергался. Громкий лай с жалобным поскуливанием заполнил пространство.

Кристофер, увидев произошедшее в окно, метнулся к дверям, забыв, что не может нормально бегать, трость вылетела из рук, и он упал, увлекая за собой груды металлических продуктовых корзинок, за которые схватился, пытаясь удержать равновесие. Безжалостно истекали драгоценные секунды. Все-таки он сумел кое-как подняться и, крича, бросился вперед. Он уже пересек порог, когда под тяжестью накренившегося щита покалеченная опора оторвалась от нижнего крепления и вся конструкция обрушилась. Филли перебило позвоночник.

В тот вечер Кристофер напился. Напился, что называется, до свинского состояния. Он лил и лил в себя спиртное в надежде затушить пожирающий его изнутри пожар отчаяния, но ничего не получалось: каждый выпитый стакан только добавлял масла в огонь. Облегчение не приходило, напротив, становилось все хуже. Без конца Крис прокручивал в голове, как он, если бы был физически нормальным человеком, в три прыжка достигнув двери, следующим рывком оказался бы возле Филли, быстрым движением отстегнул карабин поводка от ошейника... и каждый раз, словно острая игла, в сознание впивалась невыносимая мысль, что он валялся, как последний идиот, на полу среди корзинок, когда его беспомощный друг доживал последние мгновения...

Крис с трудом дополз до ванной. Его тошнило, а слезы текли и текли. Он так и уснул на кафельном полу, вернее, не уснул, а провалился в забытие, полное кошмарных видений.

– Как ты мог не успеть? – говорил ему лежащий в луже собственной крови Филли. – У меня был только ты один, и ты позволил мне умереть...

Вдруг появилась Мария.

– Правильно я от тебя ушла, мне не нужен в мужья калека, который не может даже уследить за моим псом!

– Он давно уже не твой, ты бросила его точно так же, как и меня.

– Теперь он и не твой... – Мария отвернулась и стала топтаться на месте, приседая на одну ногу. Переваливаясь из стороны в сторону, она изображала походку Кристофера.

– Прекрати! – он схватил ее за плечо, развернул лицом к себе и увидел, что это уже не Мария, а его мать.

– Мама? – Крис отступил назад, руки его безвольно повисли вдоль тела. – Мама... зачем ты меня такого родила?

Она не ответила, а только тихо заплакала. Слезы капали на землю, образуя лужицу, которая постепенно превратилась в лужицу и наконец в озеро. Кристофер плавал на его поверхности, и вода казалась ему мучительно ледяной. Он очнулся. Пол и правда был очень холодным. Кристофер с трудом поднялся, кое-как умылся, разделся и лег в постель.

Утром он подошел к месту, где всегда спал Филли, и тоска навалилась с новой силой. Захотелось быстрее скатать в рулон пустующий собачий коврик и убрать куда-нибудь подальше. Кристофер наклонился, и тут что-то мягко стукнуло его по спине и упало на пол. Это был индейский амулет. Давным-давно, не зная, что с ним делать, Кристофер повесил его на стену в качестве украшения интерьера. Подумав, что, наверное, выпал гвоздь, Кристофер не стал его искать, а просто поднял амулет и прошел на кухню. Там он позавтракал, механически пережевывая и почти не ощущая вкуса еды, а потом весь день просидел в оцепенении, глядя на амулет и думая о собственной никчемности.

Ближе к вечеру Кристофер вышел на свежий воздух и побрел куда глаза глядят. От вчерашнего ушиба в колене проснулась противная ноющая боль. «Ну и пусть! – Крис с остервенением продолжал шагать, не сбавляя темп. – Так мне и надо, уроду проклятому. Вот буду идти, пока не отвалится эта дурацкая нога!»

В конце концов он приковылял к горам. Нога онемела и почти не слушалась, так что при каждом шаге он усилием воли перекидывал ее всю от бедра, как чужеродное тело. Кристофер рухнул на землю, привалившись спиной к одной из скал. «Как же я дойду обратно?» – вяло подумал он и отчего-то рассмеялся.

И вдруг услышал, что вместе с ним смеется кто-то еще. Кристофер быстро огляделся и справа, в метре от себя, увидел птицу, размером чуть меньше голубя, с голубыми крыльями, черным хвостом и рыжей спинкой. Птица сидела на обломке скалы и, похоже, нисколько не боялась человека. Нежные перья на ее горлышке трепетали, и до слуха, словно издалека, доносилось негромкое курлыканье, напоминавшее человеческий смех. Заметив, что Кристофер на нее смотрит, птица замолчала и принялась чистить перья. С минуту она спокойно занималась собственным туалетом, потом встряхнулась, и неведь откуда взявшийся резкий порыв ветра взрыхлил птичьи крылья, пронесся над человеком и исчез, оставив кружиться в воздухе голубое перышко.

Кристофер подставил руку и, когда небесный лоскуток птичьего наряда тихо опустился ему на ладонь, с изумлением обнаружил у себя на груди индейский амулет. Кристофер совершенно не помнил, как, в какой момент и зачем его надел. Внимательно рассматривая амулет, Кристофер увидел, что перо на его ладони выглядит точно так же, как те, что вшиты в край кожаного круга. Кроме голубых перьев, там были

еще черные и рыжие, очевидно, взятые с хвоста и спинки такой же птицы, как сидела сейчас рядом и хитро поблескивала удивительно смысленным светлок-карим глазом.

Какое-то время человек и птица смотрели друг на друга, потом Кристофер перевел взгляд на амулет и заметил, что перья чередуются в строгом порядке. За голубыми идут рыжие, за рыжими – черные, затем снова голубые и так далее по всему краю круга – всего шесть пучочков по три перышка одного цвета. И только в одном месте вместо трех было два. Кристофер взял подаренное ветром голубое перо и аккуратно воткнул, восстанавливая точную последовательность.

На миг ему почудилось, что картинка в центре круга пришла в движение, но он едва успел это осознать, тут же захваченный новым ощущением, что скала за спиной исчезла, и он, лишившись опоры, падает назад. Кристофер оторвал взгляд от амулета и увидел, как земля медленно отодвигается вниз, а камни и кусты становятся все меньше, словно он поднимается вверх, но при этом казалось, что он летит в бездонную пропасть. Этому острому чувству невесомости совершенно не соответствовало то, что он видел, и Кристофер закрыл глаза, стараясь побороть накатившую дурноту. Справа, возле самого уха, курлыкала птица.

Кристофер не мог сказать, сколько длилось это невообразимое подъем-падение, потому что понятие времени начисто стерлось из его сознания, да и само сознание изменилось настолько, что его вряд ли можно было назвать человеческим.

Казалось, его физическое тело исчезло, а взамен Кристофер получил нечто совершенно иное: текучее, безразмерное и всеобъемлющее. Единый, бесконечный поток связывал его со всем, что только существует, и настолько раздвигал границы

восприятия, что теперь человек чувствовал сразу весь мир. Кристофер захотел увидеть себя самого, но его новый взгляд выхватил только тоненькую блестящую полоску. Это была трость, брошенная у подножия скалы, и он глядел на нее откуда-то сверху, будто находился на очень большой высоте. «Где же я?» – растерянно подумал Кристофер и вдруг услышал уже знакомый смех.

Расправив голубые крылья, Птица легко лавировала в потоках воздуха. Сначала Кристофер по старой привычке думал, что просто следит за Птицей взглядом, пока внезапно не осознал, что летит вместе с ней, но совсем не так, как это делают пернатые. Он не имел крыльев и не прилагал никаких усилий для управления полетом, а просто растворился в воздухе и стал частью одного из ветров. Их было много вокруг – сильные и слабые, низкие и высокие, – и Кристофер мог выбирать любой, чтобы, слившись с ним, следовать, куда он только пожелает...

Очнулся он глубокой ночью у себя в комнате. В какой-то момент, путешествуя вместе с ветром, он увидел свой дом и понял, что пора возвращаться. И тут же почувствовал, как его захватывает новая мощная сила. Она тянула его, как магнит скрепку, увлекая в направлении тонкого блестящего металлического предмета. Кристофер попытался разглядеть, что это такое, и спустя мгновение увидел гвоздь. Он торчал из стены, мягко поблескивая в свете Луны. Оглянувшись по сторонам, Кристофер обнаружил, что находится дома, на том месте, где раньше спал Филли. Сквозь незашторенное окно в комнату втекали лунные лучи, делая все предметы призрачными и бесцветными.

Кристофер неподвижно стоял, привыкая снова чувствовать свое тело. С ним опять была его трость, как всегда, зажатая в правой руке. Через несколько минут он окончательно пришел в себя, снял с шеи

индейский амулет и повесил его на серебрившийся в темноте гвоздь. Потом задернул шторы и зажег люстру.

В ярком электрическом свете амулет приобрел краски, и Кристофер заметил, что рисунок в центре круга изменился. Он по-прежнему имел такие же, как и раньше, цвета и оставался строго симметричным, но все же был иным, словно кто-то передвинул калейдоскоп, создав из тех же самых мозаичных лоскутков кожи совершенно новую картинку. Голубых перьев везде было ровно по три штуки, Кристофер подергал каждое из них – все сидели крепко, так что определить вставленное сегодня никак не удавалось. А существовало ли оно вообще? Может, все это ему только приснилось?

Нет, не приснилось, с уверенностью подумал Кристофер, и дело даже не в том, что он ясно и отчетливо помнил каждый момент своего невероятного путешествия, а в том, как разительно оно изменило его взгляд на вещи, насколько по-другому заставило себя чувствовать. Он полностью исцелился от депрессии, и разрывающая сердце скорбь по Филу сменилась тихой грустью. Ему было жаль, что он лишился друга, но теперь он твердо знал, что Филли ушел туда, куда должен был уйти, и тогда, когда настало для этого время. Съедавшее Кристофера чувство вины исчезло, ушло вместе с ощущением одинокой инородности в этом мире.

Это ощущение преследовало его всегда, с той поры, когда, из-за проблем с ногой, подвижные игры со сверстниками, а позже дискотеки и походы неизменно оставались за бортом его корабля. Он приспособился почти не думать об этом, привыкая проводить время наедине с собой, книгами и мыслями, в то время как ему страстно хотелось закружиться в чувственном танце с девушкой или пуститься бегом так, чтобы ветер свистел в ушах...

Он давно свикся со своим вечным одиночеством и потерянностью, даже не догадываясь, что виной тому вовсе не его физический недостаток. И только сегодня у скал, когда он смог почувствовать мир как единое целое, на Кристофера вдруг снизошло ясное осознание, что его телесный недуг – не причина, а, наоборот, следствие того, что, оказывается, в этом мире он занимает не свое место. Кристофер не знал, почему так получилось, но был уверен: перед ним наконец-то открылась возможность исправить эту ошибку.

С тех пор по вечерам Кристофер надевал индейский амулет и отправлялся в путешествие по потоку бытия, в надежде понять, кто же он есть на самом деле.

Путешествуя вместе с ветрами, он побывал в каждом уголке суши; струясь вместе с водой, достиг дна самых глубоких океанских впадин; проникая в землю, смог добраться туда, где билось горячее сердце планеты... и все же так и не сумел отыскать свое место. Тогда, обуреваемый жаждой новых знаний, он научился растворяться в лунном свете, любясь красотой и хрупкостью земного шара из космоса, а потом сумел влиться в солнечные лучи и исследовать всю Солнечную систему, но и этого оказалось недостаточно...

Чем дольше Кристофер ходил к скалам, тем больше отдалялся от людей, и они платили ему тем же. Друзей-приятелей у него не было, и на работе давно уже никто не проявлял к нему никакого интереса, пока однажды в компанию не пришла Элен – стройная, по-мальчишески коротко стриженная шатенка, со вздернутым носиком и чуть раскосыми светло-кариими глазами.

Все молодые мужчины в отделе, естественно, не остались равнодушны к появлению столь

симпатичной особы женского пола, всячески стараясь привлечь ее внимание. Все, кроме Кристофера, что удивило и даже позабавило Элен. Сначала это только слегка задевало ее, но чем больше она присматривалась к Кристоферу, тем острее ее ранило безразличие этого человека. В его спокойных серых глазах было что-то такое, чего Элен никогда раньше не встречала, что-то особенное, немного пугающее и в то же время невероятно притягательное. Ей казалось, что весь облик Кристофера излучает какую-то тайну, и то, что ему никто никогда не звонит по телефону, а сотрудники считают, что у него «не все дома», только еще сильнее подогревало ее интерес.

Один раз она предприняла попытку расшевелить Криса. Подсев к нему, Элен, тыча наманикюренным тонким пальчиком в экран компьютера, попросила кое-что растолковать, как бы невзначай касаясь Кристофера локтем и коленкой. Кристофер обстоятельно объяснил ей то, что Элен и так прекрасно понимала.

– Большое спасибо, – нежно произнесла она, преумножая восхищение во взгляде, – без вас я бы ни за что не сумела разобраться.

– Пожалуйста, – ответил Крис и, не глядя на нее, тут же углубился в работу.

Старая как мир, но оттого не перестающая безотказно действовать на мужчин уловка впервые не сработала. Элен почувствовала себя круглой душой и поклялась выкинуть Кристофера из головы. Она старалась не думать о нем, но вместо этого все яснее осознавала, что ее увлечение растет, и она с каждым днем влюбляется все больше. Она смотрела на его профиль, и дыхание перехватывало, а возбуждение пронизывало каждую клеточку ее тела. Элен страдала, но гордость не позволяла ей открыться Кристоферу. Уходя с работы, она видела, как он торопится уехать, и

мысль, что он спешит на свидание с другой, сводила Элен с ума.

Пытаясь узнать как можно больше о Кристофере, Элен, подавляя в себе раздражение от глупости Мэй, стала частенько болтать с ней, ведь секретарши, как правило, самые осведомленные люди. Оказалось, Мэй известно, что у Кристофера собственный дом за городом и родственников у него нет. Она дружила с Линси из отдела кадров, и после того, как Крис сказал, что у него нет телевизора, они вместе посмотрели его анкету, так просто, ради любопытства.

– И далеко он живет? – невинно поинтересовалась Элен.

Мэй назвала район.

– О, у меня там подруга снимает дом, может они соседи?

Мэй наморщила лобик. Хотя она и не отличалась сообразительностью, но памятью обладала отменной, и шеф ее очень ценил. Она никогда не путала даты, вовремя напоминала о встречах и большинство телефонов знала наизусть, что позволяло ей мгновенно соединять шефа с абонентом, не тратя время на поиски номера. Вот и сейчас она почти сразу назвала адрес.

– Нет, моя знакомая живет в другом месте. Ох, что-то заболтались мы с тобой, а мне надо сегодня отчет доделать, я, пожалуй, побегу.

Садясь за свой рабочий стол, Элен думала: «Ну, и для чего я вытянула из Мэй адрес Криса? Не могу же я нагло заявиться к нему в гости! Нет, я еще не совсем потеряла стыд».

В тот же вечер, надев самое лучшее платье и самое тонкое белье (на всякий случай), Элен мчалась по шоссе в сторону заветного поселка. «Я только взгляну издали», – твердила она, не веря самой себе.

Заметив припаркованную машину Кристофера, Элен остановилась за деревьями, наблюдая за домом и размышляя, что предпринять дальше.

Дверь открылась, и на пороге появился Крис со своей тростью. На груди его виднелось что-то яркое. Элен хотела выйти из укрытия, но ноги словно свинцом налились, она пыталась заставить себя окликнуть его, но мешало сердце, колотившееся где-то в горле. Пока она собиралась с духом, Кристофер прошел вдоль стены и, обогнув угол, скрылся из поля зрения. Элен заперла машину, пробежала вперед по дороге и увидела его удаляющуюся фигуру. Ругая себя последними словами, она двинулась за ним, сохраняя приличную дистанцию.

Сегодня Кристофер шел к скалам в особо приподнятом настроении. Вчера, под самый конец своего пребывания в потоке, он сумел примкнуть к звездным лучам, но тут время вышло, и гвоздь притянул его домой. Теперь ему не терпелось продолжить начатое. В груди томилось приятное ожидание встречи с новыми, неизведанными мирами, и Кристофер уже с утра чувствовал, что именно сегодня случится то самое важное, к чему он так долго готовился. А вечером предчувствие превратилось в твердую уверенность.

Кристофер надел амулет и направился к двери, как вдруг услышал тихое, мелодичное звяканье. Он обернулся и увидел, что гвоздь, на котором всегда висел амулет, исчез. Кристофер нагнулся и долго изучал пол, но гвоздя так и не нашел. Потом внимательно осмотрел стену: в ней не осталось никакой, даже мельчайшей, дырочки – абсолютно гладкая и ровная поверхность, так что даже невозможно было точно определить место, где еще недавно торчал гвоздик.

Это могло означать только одно: конец путешествий. От волнения Кристоферу стало жарко, и он расстегнул две верхних пуговицы на рубашке. Гвоздь всегда исполнял роль возвратного механизма, а теперь его нет, и, следовательно, если Кристофер сейчас уйдет, то, скорее всего, больше никогда сюда не вернется. Пока у него еще есть выбор: продолжить свой путь или остаться дома...

Кристофер усмехнулся, хлопнул ладонью по стене и решительно двинулся к входной двери. Выйдя на улицу, он зашагал к скалам и за всю дорогу ни разу не обернулся.

Элен следовала за Кристофером все дальше и дальше. Он прошел через луг, но не напрямик, а зачем-то описав довольно широкую дугу, потом ненадолго остановился и задрал голову, разглядывая небо. Элен метнулась за единственный поблизости чахлый куст, присела и замерла. «Я веду себя безобразно, как дешевая шпионка, – думала она, глядя на Кристофера сквозь тонкие редкие ветки, – может повернуть назад? Но я уже столько протопала. Кажется, он направляется к горам, Господи, что ему там понадобилось?» Она покинула свое ненадежное убежище и тихонько двинулась дальше.

Вдруг Кристофер вытянул руку, и тут же откуда-то из кустов вылетела небольшая птица с голубыми крыльями и опустилась ему на ладонь. Кристофер аккуратно пересадил ее себе на голову и продолжил свой путь. «Любитель животных? – удивилась Элен. – Но зачем так далеко ходить, чтобы приручить какую-то птицу? Их же везде полным-полно... Может, это какой-нибудь редкий вид?» Заинтригованная, она смотрела, как Кристофер подходит к группе остроконечных скал. Он приблизился вплотную к одной из них и встал спиной к Элен. Птица слетела с его головы и пару минут кружила рядом, а потом

вдруг устремила к вершине скалы, и тут... случилось невероятное! Кристофер бросил трость, ухватился руками за скальные выступы и стал взбираться наверх с потрясающей быстротой и ловкостью обезьяны!

Элен зачарованно следила, как он повторяет танец гордых линий утеса, и внезапно отчетливо осознала, насколько сильно любит его. Она что есть мочи побежала к горам. Острый камешек попал в туфлю и больно втыкался, раздирая стопу в кровь, но это не имело никакого значения. В голове пульсировала только одна мысль: «Я хочу, я должна быть рядом с ним!»

– Кристофер! – громко позвала она, не желая больше сдерживаться. – Кри-и-и-с! Подожди меня! Пожалуйста!

Кристофер был уже метрах в двадцати от вершины, когда крик острым лезвием вонзился в сознание. Он вздрогнул и почувствовал, как это лезвие безжалостно вырезает его из струящегося мирового потока, как лопаются тонкие нити, будто моллюска отрывают от родной раковины и мягкого и беспомощного выбрасывают на холодный, неживой берег. Кристофер увидел перед собой твердую серую поверхность скалы и понял, что висит на огромной высоте, отчаянно цепляясь за жесткий кустик, примостившийся в расщелине. «Как... как я здесь оказался?!» Нога потеряла опору, вниз посыпались камни, и Кристофер почувствовал, что соскальзывает. От страха у него перехватило дыхание. «Боже, я сейчас разобьюсь! Почему?»

Перед мысленным взором замелькали события его жизни. Детство, школа, университет, смерть матери, смерть Фила – сплошные серо-черные кадры... и вдруг яркие краски заполнили эфир – то были цвета последнего счастливого года.

Цвета, подаренные шестью скалами! Только теперь Кристофер понял, что именно скалы являлись источником мудрости. День за днем он приходил к ним учиться, и каждая из них открывала ему свое неповторимое знание! Ветер, вода, земля, лунные лучи, солнечный свет и лучи звезд – шесть удивительных способов слиться с единым потоком бытия...

Амулет на груди вспыхнул новыми красками, в последний раз изменяя рисунок, – щелкнул, поворачиваясь, последний ключ. Рядом послышалось курлыканье, и Кристофер увидел, как птица, взмахнув сильными крыльями, рванулась вверх, увлекая за собой его взгляд. Острой голубой стрелой она рассекала воздух, устремляясь все выше и выше, в самую сердцевину неба – туда, где ярким светом вспыхнула первая звезда, протягивая земному миру свои лучи.

Их сияние отразилось в зрачках Кристофера, и яркий неземной блеск распахнул ворота в самую бесконечность. Перед глазами развернулся вселенский калейдоскоп беспредельного числа измерений, приглашая в нескончаемое путешествие по невообразимому количеству миров. Где-то далеко, в одном из них, слышался радостный лай – такой знакомый и родной...

Звездный поток рекой лился на скалы, и шесть точеных вершин тонули в серебристом свете, сливаясь с небом. Кристофер глубоко вдохнул напоенный лучами воздух и без сожаления отпустил кустик, навсегда растворяясь в бескрайних просторах вечности. Он наконец нашел свое место.

Элен резко остановилась, словно натолкнулась на невидимую стену. Фигурка на скале дернулась и, беспомощно взмахнув руками, полетела вниз, ударяясь о выступы. Девушка задрожала и как

подкошенная рухнула на колени. Имя, безумным воплем вырвавшееся из ее груди, шесть раз повторило эхо. Элен сжалась в комок и неподвижно сидела, пока звук ее голоса не растаял вдали.

В наступившей тишине она слышала тихое курлыканье. Элен подняла голову и увидела птицу с голубыми крыльями. Описав над девушкой круг, птица поднялась выше и полетела к горам. Элен проводила ее взглядом и вдруг почувствовала, что держит какой-то предмет. Она посмотрела на свои руки. Яркий кожаный круг лежал на раскрытой ладони, и легкий ветерок шевелил разноцветные перья.

* * *

– Смотри, как близко друг к другу стоят эти утесы, будто у них собрание, – смеясь, сказала девушка держащему ее за руку молодому человеку.

– Да, дружная семейка из раз, два... семи скал, – юноша улыбнулся.

– Семь – счастливое число! – заметила его спутница.

– Точно! – ответил парень, поцеловал ее семь раз подряд и рассмеялся: – за каждую скалу в отдельности!

Сон

*Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Не сон оно, не бдение...*

Баратынский Е.А.

Вера сидела на берегу чистого голубого озера. Вокруг ни души. Вода была тихой, прозрачной и неправдоподобно голубой. Ни ветерка, ни звука,

деревья вокруг озера застыли, так же как и их отражения, не тронутые ни малейшей рябью.

Вере захотелось нарушить эту мёртвую тишину и неподвижность – вскочить и громко крикнуть, но воздух обжигал лёгкие холодом, не позволяя глубоко вдохнуть, а студёная вода, казалось, едва сохраняла напряжённое равновесие, при котором малейшее движение грозило и ей, и всему остальному лавинообразным оледенением.

Правда, когда над озером вдруг само собой возникло трепетание, никакого мгновенного и всеобщего замерзания не случилось. Воздух просто стустился в светлое пятно, которое некоторое время висело на месте, набирая плотность, а потом скользнуло в сторону берега, и Вера ясно различила белую как снег птицу. Клюв ее тоже был белым, а глаза поражали всё той же нереальной голубизной, яркой, как вода в озере, и смотрели с не птичьей осмысленностью и пристальным вниманием. Птица вытянула шею, открыла клюв и крикнула, протяжно и пронзительно, потом еще раз и еще...

«Все-таки будильник – самое мерзопакостное изобретение человечества», – не открывая глаз, Вера со стоном высвободила из-под одеяла руку и принялась шарить по тумбочке у кровати. «Попался, гад!» – она торжествующе стукнула по кнопке, и писк оборвался.

Вера была стопроцентной «совой», и пробуждение в семь пятнадцать утра всегда было очень мучительным: веки наливались свинцом, а мысли желчью. «Какого черта я должна себя истязать, вот плюну и не пойду никуда!» – она набросила одеяло на голову. «Перестань, прекрасно знаешь, что пойдешь, – ехидно сообщил тоненький внутренний голосок (и откуда только брался такой противный!), – ты же обязательный человек, ты не сможешь вот так забить болт на работу». – «Да пропади она пропадом,

эта долбаная работа! – злобно огрызнулась Вера. – И зачем я туда таскаюсь каждое растреклятое утро?»

Перед мысленным взором возникла телевизионная студия. Ведущий игры «Кто хочет стать миллионером» говорил:

– Внизу на мониторе вы видите четыре варианта ответа:

А. Чтобы заработать деньги; В. Чтобы быть полезным обществу;

С. Чтобы самореализоваться; D. Чтобы получить порцию общения с себе подобными.

Выбирайте, Вера Анатольевна. Ах, вы в замешательстве, ну что ж, используйте подсказку! Пятьдесят на пятьдесят? Хорошо, попросим компьютер убрать два заведомо неверных ответа.

Динь! С и D исчезли, теперь вместо них пустые черные строчки.

– Итак, чего же вы больше хотите: быть полезной обществу или заработать деньги? Вы все еще в сомнениях? Тогда, может быть, стоит позвонить другу?

«А друг не ходит на работу, он – свободный художник!» – Вера показала ведущему язык.

«И вообще, друг ли он мне? Большой вопрос. Да ладно, наплевать! Какая разница, друг мне Витька или не друг и зачем я хожу на работу? Надо думать о хорошем – сегодня пятница, и завтра я отосплюсь! К тому же мне вовсе не хочется трепать себе нервы, пускаясь в погоню за автобусом и молотя в бешеном темпе каблуками эскалатор в метро, так что хватит валяться! Одеядо в сторону и бегом в ванную!»

Бегом, конечно, не вышло, но Вере удалось встать и доплестись до ванной.

«Боже, что это? – она отшатнулась, с ужасом глядя, как жидкость цвета медного купороса закручивается вокруг сливного отверстия раковины. Вспомнилось озеро из сна, Вера вздрогнула и закрыла

кран. Постояв с минуту в нерешительности, она снова открыла его и вздохнула с облегчением: в белый фаянс ударила самая обычная чистая вода. «Галлюцинации... – прошептал тот самый противный внутренний голосок. – Догадываешься, что это значит?»

– Ничего это не значит! – сказала вслух Вера. – Спросонья померещилось, вот и все!

Сварив себе большую кружку крепкого сладкого кофе, она присела за стол и включила телевизор.

– А теперь о погоде.

Вера подняла глаза на экран и застыла.

– На Голубом Озере сегодня, как всегда, ясно и холодно. Ветра нет, а цифровое значение температуры не имеет смысла, – говорила ведущая за кадром, а из телевизора на Веру смотрело озеро из сегодняшнего сна. Все точь-в-точь: кусочек смешанного леса на другом берегу подходит вплотную к воде, с левой стороны три темно-зеленые ели, справа высокий холм, поросший какими-то кудрявыми кустиками с красными ягодами, а на переднем плане камень, возле которого она сидела, только нет ни ее, ни птицы.

– Однако, – как ни в чем не бывало продолжала ведущая, – будьте внимательны, сегодня ожидается сильный выброс града.

«Опять!» – ехидно произнес внутренний голосок. Вера зажмурилась и вскочила, расплескав кофе.

– ...скве солнечно, осадков не ожидается, ветер...

Она открыла глаза. В телевизоре на фоне вида Москвы висела табличка: ночью +5+7, днем +13+15.

– ...к полудню воздух прогреется до 15 градусов выше нуля...

Никакого озера, никаких странных слов.

Прогноз погоды закончился, и появилась рекламная заставка. Вера выключила телевизор. Руки дрожали. Стараясь ни о чем не думать, она убрала

чашку в раковину и вытерла со стола кофейное пятно. Внутри стало как-то пусто, даже надоедливый голосок молчал.

В метро Вера почти уверила себя в том, что, присев за стол, она на несколько секунд задремала, и прогноз погоды на Голубом Озере, закончившийся загадочным словосочетанием «выброс града», ей просто приснился. Вот тут внутренний голосок появился вновь, отчаянно вопя, что невозможно заснуть, когда пьешь горячий кофе, и проснуться стоя, да еще и с чашкой в руке. «Да брось, – возражала Вера, – я читала, что даже долгий сон на самом деле длится всего несколько секунд, а на этот бред по телевизору достаточно, наверное, и четверти секунды. Так что вскочила я, уже проснувшись». – «И ты считаешь, что это нормально – вот так внезапно вырубаться за едой, а потом путать сон с явью?» – «Просто сегодня пятница, а я всю неделю зверски не высыпалась». – «Можно подумать, ты в предыдущие недели высыпалась... Никогда раньше не было у тебя таких глюков, и купорос из крана не тек!» – «Сам ты купорос! Отвали от меня, надоел».

Вера окинула взглядом вагон, стараясь переключить мысли на что-нибудь другое. Напротив сидела женщина с белыми, протравленными до полного омертвления волосами, сильно начесанными и уложенными в сооружение, очень похожее на сахарную вату. «Как можно решиться на такое издевательство над собственными волосами? – поразила Вера. – Они же могут в один прекрасный день просто отвалиться!» Она представила себе, как женщина встает утром с постели, а «сахарная вата» остается лежать на подушке. Женщина, ничего не заметив, зевая и потирая глаза, идет в ванную, открывает дверь, заходит, поворачивается к зеркалу... Мадам Сахарная Вата в упор посмотрела на Веру

недобрым взглядом под названием «Что пялишься, дура?», и та отвела глаза.

Пройдя к выходу, Вера повернулась лицом к дверям и чуть не вскрикнула, изо всей силы вцепившись в поручень. За тонким стеклом простиралось Озеро из сна. Оно полностью поглотило черноту туннеля и заглядывало в вагон огромным голубым глазом. Упершись взглядом в надпись: «не прислоняться», Вера заставила себя составлять слова из букв, содержащихся в этой надписи: слон, сон. Слово «сон» опять выдвинуло Озеро на первый план. Вера упрямо сжала губы и продолжила, стараясь представить себе все, что называет: рис (индийский длиннозерный), нить (белая капроновая), тир (зеленая палатка в Парке культуры), соль (на кухне в деревянном бочонке), рот (с розовой помадой), нос (греческий прямой), тон (язвительный), село (домики с огородами и яблонями)...

Поезд въехал на станцию, двери открылись, и Вера вышла. После борьбы с видением накатил усталость, и идти по перрону с каждым шагом становилось все труднее и труднее. «Что со мной творится? – в растерянности спрашивала себя Вера. – Да я просто с ног валюсь». Добравшись до лестницы, ведущей на выход в город, она в изнеможении опустилась на ступеньку. Люди шли мимо, совершенно не обращая на нее внимания. «Никому и дела нет, что я тут умираю, – Вера попыталась подняться, но не смогла пошевелиться. На глаза навернулись слезы. – Кошмар, наваждение какое-то». Рядом остановился высокий мужчина в синей куртке и стал сосредоточенно рыться в кармане, звеня мелочью. Одна монетка выскользнула и, отскочив от ступеньки, упала девушке на колени. Мужчина наклонился и поднял ее так, как будто Веры не существовало, словно монетка просто упала на пол. «Он не видит меня! – с ужасом осознала Вера. – И все

остальные тоже! Сейчас кто-нибудь на меня наступит!» Слезы стояли в глазах, а непослушные веки не могли сморгнуть их избыток. Все вокруг расплылось, потеряв очертания. И тут ее вдруг осенило: «Стоп! Что я впадаю в панику? Это, наверное, сон. Ну конечно! Очень реалистичный, очень подробный, но все-таки сон! Он снова меня настиг, и теперь надо просто проснуться!»

Вера открыла глаза и увидела у себя перед носом поверхность рабочего стола. Она подняла голову. «О Господи! Я уснула на работе, жуть какая! А если начальник заходил?! – Вера потеряла виски. – Нет, если бы он зашел, то, не стерпев такого безобразия, живо растолкал бы меня. Сколько же я проспала?» Она взглянула на часы: 14:30. «Наверное, недолго, обеденный перерыв еще не кончился. А какой странный сон мне приснился! Сон про то, как я проснулась... Надо будет девчонкам рассказать. А кстати, где они? Черт, все в голове перемешалось...»

Вера услышала приближающиеся шаги и голоса. Дверь в комнату открылась, и вошли Валя с Наташей. Одна несла пакет с апельсиновым соком, а другая – картонную коробку.

– Ну как ты? Голова прошла? – спросила Валя.

– Да вроде... Я тут вздремнула, пока вас не было.

– О! Правильно! Сон – лучшее лекарство, – сказала Наташа.

А Вера подумала: «Нет, спасибо, мы, пожалуй, без лекарств обойдемся как-нибудь!» Рассказывать сон почему-то совсем расхотелось.

– А мы тебе пиццу купили. – Наташа положила на стол перед Верой коробку и открыла крышку. – Вот!

В центре лежал большой треугольный кусок пиццы. Выглядел он очень аппетитно. Вера вспомнила, что не завтракала, и сглотнула слюну.

– Спасибо, девчонки! – она повернулась на стуле, сняла свою сумку с подоконника и достала кошелек. – Сколько с ме...

– Вер, ты чего? – обеспокоилась Наташа.

Вера молча показала пальцем в коробку. Девушки нагнулись, внимательно изучая пиццу.

– Пахнет хорошо, – отметила Валя, – свежая.

– Тепленькая еще, – согласилась Наташа.

– Три, – с трудом выговорила Вера.

– Чего три? – не поняла Наташа.

– Три куса.

Наташа и Валя переглянулись.

– Так и нас трое, – Валя озадаченно смотрела на Веру, – да что с тобой, в самом деле?

– Всего секунду назад я точно видела всего один кусок, – произнесла Вера, но, тут же пожалев о сказанном, торопливо добавила: – Ну, то есть так мне показалось.

– Ага, забавно. Ты ешь, а мы сидим и смотрим, – попыталась разрядить обстановку Валя. Но никто не засмеялся.

– Да ладно, не обращайтесь внимания, – Вера переложила свой кусок на тарелку и отдала коробку подругам, – когда вы пришли, я просто еще не совсем проснулась.

Она поднесла пиццу ко рту, и тут вдруг что-то случилось. Откусить никак не получалось. Раз за разом она брала с тарелки кусок, поднимала его вверх, но когда до рта оставалось чуть-чуть, время словно останавливалось, и преодолеть эти последние несколько сантиметров становилось невозможным, да и рот будто запечатывало. Она могла сколько угодно открывать его заранее, но в самый последний момент он сам собой неожиданно оказывался закрытым.

Судорожно сглотнув, Вера аккуратно положила нетронутый кусок обратно на тарелку. Внизу живота свернулся тугой и холодный ком. Мысли заскакали:

«Кончилась моя дееспособная жизнь... Я спятила... Гоголь умер от голода, потому что перестал есть. А вдруг с ним произошло то же, что сейчас происходит со мной?.. Пойти к психиатру... Я не хочу умереть от голода... Нет!.. Лежать в психбольнице, где меня будут кормить внутривенно, я не хочу еще больше... А может, это снова сон? Господи, великий и всемогущий, сделай так, чтобы это был сон! Ну пожалуйста, пусть это будет сон!»

– Вера, Вер! – услышала она далекий, словно из другого измерения, голос. – Ты меня слышишь?

Кто-то тряс ее за плечо. Это была Валя. Вера оторвала взгляд от пиццы и посмотрела на девчонок. Встревоженные, они стояли возле ее стола.

– Вер, ты чего не откликаешься? – Валя отпустила Верино плечо. – Слушай, ты такая бледная, почти зеленая, тебе плохо?

Вера молча кивнула.

– Ну так иди домой, – сказала Наташа, – мы тебя прикроем.

– Правильно, – поддержала ее Валя, – иди, а если шеф появится, хотя, – она взглянула на часы, – сегодня это уже маловероятно, скажем, что ты платежки в банк понесла.

– Сегодня пятница – банк только до обеда, – механическим голосом ответила Вера.

– Да что он, помнит, что ль? Не смей!

– Ладно. Я, пожалуй, и правда, пойду, – Вера встала, стараясь не смотреть на тарелочку с пиццей. – Поймаю такси и поеду домой. Вы уж меня извините.

– За что? О Боже, топай давай, – махнула рукой в сторону двери Наташа.

Вера оделась, взяла сумку и направилась к выходу. На пороге она обернулась:

– Ой, а я чашку свою не помыла.

– Слушай, уйдешь ты когда-нибудь? – Валя зашуршала бумагами. – Двигай, не мешай работать.

Улица встретила девушку ярким солнцем. Когда она шла на работу, было облачно, и вот – такая приятная перемена. «Как хорошо, – она постояла, чувствуя ласковое тепло солнечного луча на лице, – пожалуй, пройдусь немного». Весной солнце всегда особенно ослепительно, Вера еще в детстве удивлялась этому. Став взрослой, она поняла, что так только кажется, потому что листьев еще нет и ничто не рассеивает и не закрывает лучей поднимающегося с каждым днем все выше светила, от чего отвыкли за зиму наши глаза. А ребенком она искренне полагала, что Солнце просто устает сиять и выгорает за лето, как бабушкина косынка, забытая на ветке старой груши. Многие чудеса ушли вместе с детством, но волшебство солнечной погоды осталось с Верой, всегда исправно и быстро поднимая настроение. Неприятный инцидент с едой постепенно отошел на второй план и уже не казался таким страшным. Она расстегнула куртку и ускорила шаг. Идти было легко и приятно. «Все будет хорошо, просто слегка распалились нервы», – думала она, шагая по бульвару. «Ничего себе «слегка»! Да ты не в себе!» – неожиданно возник внутренний зануда. «Замолкни, только тебя еще мне не хватало», – попыталась прогнать его Вера. «Пора в психбольницу», – тоненько пропел голосок на мотив известной песни «Пора в путь-дорогу». «Вот тебе туда и пора, там тебе самое место», – разозлилась Вера. «Так я часть тебя, дуреха», – хихикнул голосок. «Сам дурак, заткнись».

– Девушка, купите цветочки, – бабуля в светлом плаще и белом платочке протягивала ей ярко-синий букетик. Вера остановилась:

– Какие красивые, что это за цветы?

– Дак синятки же, милая!

– Никогда не видела таких. – Вера рассматривала крупные венчики, состоящие из шести совершенно

круглых плотных синих лепестков. Серединки синятки на солнце отливали бирюзой. – Это дикие цветы, или вы их выращиваете?

Старушка засмеялась:

– Господь с тобой, как же их можно выращивать?

Сами они появляются!

– Где? В Подмоскowie?

– Нет, милая, на Голубом Озере. Бери, их всего один букетик, для тебя специально принесла.

До Веры не сразу дошел смысл сказанного.

– Что-что?

– На Го-лу-бом О-зе-ре, – тщательно выговорила бабуся, голубые глаза ее пристально смотрели в Верины. Девушка не могла отвести взгляд, круглые и яркие, эти глаза притягивали ее, и было в них что-то странное и в то же время очень знакомое.

– Как... Кто вы?

Лицо старушки стало вытягиваться вперед и бледнеть.

– Куда же ты, милая? – её голос изменился, слова зазвучали отрывисто, резко и пронзительно. – Возьми свои синятки!

Вера попятилась. Страх окатывал её жаркими волнами, она силилась оторвать взгляд от белого лица с синими глазами, но оно словно гипнотизировало. Навалилась неодолимая слабость, и Вера опустилась на землю, беспомощно следя, как нос старушки вырастает вперед белым клювом, а платочек превращается в перья.

– Твооии сииняатки, – протяжно выкрикнула полуженщина-полуптица, вытягивая длинную шею по направлению к девушке.

– Где поворачивать-то? Эй, проснитесь!

Вера открыла глаза:

– А? Что?

Таксист улыбнулся:

– Тяжелый выдался день?

– Угу, – Вера облегченно вздохнула: жуткая птицебабка со своими дурацкими цветами оказалась всего-навсего кошмарным сном. Слава Богу! Это же надо – уснуть в такси по дороге домой!

– Так, где поворачивать?

– У следующего светофора направо.

Через несколько минут показался Верин дом.

– Здесь остановите, пожалуйста.

Вера открыла сумку, чтобы достать кошелек, и остолбенела. Из сумки весело глядели синятки, издевательски поблескивая бирюзовыми серединками. Она зажмурилась на несколько секунд, потом открыла глаза. Цветы были на месте. Вера затошнило, в голове что-то болезненно запульсировало, и затылок мгновенно налился тяжестью. Девушка скосила глаза на таксиста. Он тактично отвернулся и смотрел в окно. Самый обычный мужчина. Стараясь не коснуться синятки, она осторожно вынула кошелек и расплатилась.

Подойдя к своей квартире, Вера остановилась. «Надо достать ключи». Она с неприязнью посмотрела на сумку и, поколебавшись с минуту, открыла «молнию».

– Ну, ничего другого я и не ожидала, – сказала она вслух, глядя на цветы.

«Даже не помялись, такие свежие, словно только-только сорваны... Минуточку! – Вера вдруг пронзила мысль. – А что, собственно, такого страшного в этих синятках? Ведь я могла купить их у самой обычной женщины, потом сесть машину и там уснуть! Ну конечно, так все и было!» Вера достала ключи и открыла дверь. «Да, но тогда почему я не помню ни этой женщины, ни когда именно их купила? Сколько они стоили? И где я поймала такси?»

Вера ожидала язвительных замечаний знакомого отвратного голоска, но он молчал. «Ну, что скажешь, зануда?» Голосок не отвечал. «Чего молчишь?.. Эй!.. Куда пропал?.. Ну и черт с тобой».

Не выпуская синяток из рук, Вера сняла куртку, сбросила туфли и прошла в комнату.

«Итак, что я помню? – она упала в кресло. – Проснувшись утром, испугалась купоросной струи, потом пила кофе и услышала невероятный прогноз погоды. До метро доехала на автобусе, в метро вышла из поезда, почувствовала себя плохо, доплелась до лестницы... Оп! Здесь Затемнение. до того момента, как я очнулась за столом в офисе. Значит, то, как я встала утром и ехала на работу, было сном. Сном, в котором мне приснилось Голубое Озеро. А как же я попала в офис? Не знаю... Да и была ли я там? Ведь то, как пицца не лезла в рот, прогулка по улице и птицебабка с синятками тоже оказались сном, увиденным в такси... Выходит, каждый раз, просыпаясь, я снова оказывалась во сне, только в другом. Просто матрешки какие-то!.. А что же тогда было на самом деле, в реальности?! Так, спокойно! Вчера был четверг и я хорошо помню всё, что делала, вплоть до того момента, как легла ночью спать, а после этого были только сны... Но не могла же я проспать весь день, ведь сейчас уже вечер пятницы? Или могла?.. Боже, как болит голова... Надо выпить таблетку».

Вера встала, собираясь пойти на кухню, но остановилась. «А если не получится выпить таблетку, как было на работе? А вдруг я не дома, а снова во сне? Вот ужас! Где же я тогда на самом деле сейчас нахожусь?! Бред какой-то... устала... голова сейчас лопнет просто... Нет, не буду пить таблетку, лучше прилягу».

Вера легла на диван, цветы оставались в руке. Она закрыла глаза и тут же увидела, что сидит на

берегу Голубого Озера, держа синий букетик и ощущая прохладу чистого воздуха. Вера посмотрела на синятки, улыбнулась и разжала пальцы. Цветы вылетели из руки, словно бабочки, закружились в воздухе, играя друг с другом, а потом опустились на землю. Через мгновение стебельки приросли к грунту и подняли синие венчики вверх. Вера знала, что так и должно быть. Она облегченно вздохнула и почувствовала, как с каждым миготом, с каждым вдохом становится все холоднее, и это было очень приятно. Она набрала полную грудь ледяного острого воздуха и выпустила на волю крик, громкий и долгий. Вера кричала, наслаждаясь собственной отрешенностью и свободой от всего на свете, кричала, пока легкие не взорвались тысячью ледяных градин, и в вихре этих градин она расправила белые крылья, подняла белый клюв к небу и устремилась навстречу непостижимому...

– Знаешь, Валь, я до сих пор не могу прийти в себя после похорон, – сказала Наташа, – мы же совсем недавно вот так же шли вместе с ней с работы к метро.

– Да, такая молодая, двадцать пять лет всего, – Валя вздохнула, – моложе меня... Кто бы мог подумать? В четверг на работе сидела как обычно: с утра злая, после обеда веселая, все нормально было... А в ночь на пятницу скончалась. Дикость какая-то!

– Слушай, а я так и не поняла, отчего она умерла?

– Да никто не понял! Врачи констатировали внезапную смерть. Причина неизвестна. Сердце под утро остановилось, а почему – никто не знает.

– Валь, а помнишь, как нам в пятницу лишний кусок пиццы положили? Я когда это обнаружила, сразу подумала, что этот кусок... – голос Наташи дрогнул, – ...он был для Веры...

– Да, я тоже что-то такое почувствовала... – задумчиво проговорила Валя. – Ты когда коробку с пиццей открыла, мне вдруг показалось, что Верка тут, с нами в комнате, и я даже обернулась посмотреть на её место. Там, конечно, никого не было, но... Знаешь, я где-то читала, что те, кто умирают мгновенно и неожиданно, не всегда это понимают... в смысле, не то чтобы вообще, а просто до них это не сразу доходит! Они ещё какое-то время считают, что живы, и пытаются делать всё как раньше: есть, спать, ходить на работу... Как ты думаешь, это правда?

Игорь Бурдонов

Мой друг и учитель – Старый Гриб, бывало, говорил так: «Что с того, что я червивый? Так уж придумала природа: у тебя в голове шевелятся извилины, а у меня – черви. Смотри в суть, в корень. Мой корень – грибница – протянулся по всему лесу. Это старый лес, и род мой древний. А где твой корень? Так – порхаешь по поверхности». Сейчас зима, и Старый Гриб умер. Но грибница осталась. Наступит весна, наступит лето, и под старой сосной вылезет из земли мой друг. Вы скажете: это будет другой, молодой гриб. Но ведь корень всё тот же. Когда-нибудь и я умру, и вместо извилины во мне будут шевелиться черви. Что с того? Уж Гриб-то знает: всё обновляется. Конечно, кроме корня.

А ещё у меня была собака. Это так заведено, чтобы собака была другом человека. Она часто говорила мне: «Как я рада, что ты пришёл домой! Пойдём погуляем – смотри, какая хорошая погода!» И хотя шёл дождь, мы отправлялись гулять. А потом она умерла.

А вот мой кот не думает о смерти, потому что он инопланетянин. Там, за этими космическими зрачками, бегут неземные мысли. И не понять: одобряет он мою жизнь, или осуждает? Ему одинаково безразличны наше добро и наше зло. Почему же кот так любит ласки? Он тоскует по своей галактике: она погибла в космической катастрофе. Я глажу кота, он льнёт ко мне, но взгляд его холоден и отрешён. Где твой корень, кот? Далеко...

Я парю, как птица. Но если так прекрасен полёт, то где же корень? Я – дерево перевёрнутое: живу на земле, а корни уходят ввысь. Туда, за пределы земной атмосферы, к границам Вселенной. Ты держись за меня, кот, мы ещё полетим с тобой в Космос. Мы отыщем твою галактику. Что-нибудь от неё да осталось! Мы возьмём с собой собаку. Космические излучения загадочны: они повлияют, собака оживёт и поймёт, наконец, что тоже разумна.

Прости нас, старый Гриб, мы будем навещать тебя на Земле.

Послушайте, люди, я несу вздор! Но я люблю этот вздор.

Ваш Игорь Бурдонов

Гарь

В это лето стояла такая жара, что у людей мысли и тела ходили порознь, встречаясь только в озёрной воде. После купания, когда тела брели по дороге домой, обливаясь потом, мысли ещё долго скользили в прохладной глубине, а на поверхности среди бликов солнца покачивались одни пустые скорлупки животов, плеч, коленей и ягодиц.

Ночью, когда тела валялись в беспамятстве, мысли возвращались и сплетались в сны. И тогда из-за леса приползала Гарь. У неё было тело, смешанное из тумана и дыма, как тела людей смешаны из мужчин и женщин. Но у неё не было мыслей, точнее, не было своих мыслей, поэтому её манили чужие. Она приползала, стелясь вдоль дорог и заглядывая в окна домов, где над спящими телами роилось кружево снов. Гарь проникала в это кружево и пробовала мысли на вкус и запах. Они были разными: сладкими и солёными, острыми и пресными, одни пахли придорожной травой, другие – верхушками елей. Но от Гари все сны начинали горчить и тревожно клубились как дым и туман. Людям снились кошмары, и они просыпались среди ночи, почувствовав запах Гари.

Нельзя сказать, чтобы Гарь хотела чего-то плохого или у неё были злые намерения, потому что она не была живым существом в полном смысле этого слова и не могла чего-то хотеть или преследовать какие-то цели. Мысли людей привлекали и

притягивали её, как север привлекает магнитную стрелку, а промокашка притягивает воду. Когда люди просыпались, сны рассыпались, растворяясь в Гари. Поэтому у Гари появлялось что-то вроде сознания, довольно странного и обрывочного, сотканного из кусочков ночных мыслей многих людей. Эти кусочки не прилегали друг к другу плотно, как это бывает у одного человека, так что он даже не чувствует, где кончается один кусочек и начинается другой, а чувствует только эту непрерывность, которую называет своим «я». У Гари было много «я», точнее, кусочков разных «я», плохо пригнанных один к другому, как в неумелой мозаике, с промежутками, заполненными дымом и туманом. Её псевдосознание, похожее на фасеточный глаз насекомого, строило картину мира, далёкую от видения человека. В этом мире кто-то за кем-то гнался и не догонял, кто-то убегал и был пойман в самый последний миг, по кругу неба гремел гром, сухой как щелчок курка при осечке, жёлтая трава вырастала из земли уже сухая, а деревья ложились на землю.

Людям мерещились зарева пожаров, и люди выходили в ночь из своих домов, вынося самые странные вещи, как если бы они были самыми необходимыми для продолжения жизни. Кто-то держал в руках икону, кто-то – канистру бензина, кто-то – вышитое полотенце, которым никогда не пользовались и которое хранилось в дальнем углу сундука, а кто-то – недопитую вчера бутылку водки. Их тела одевались столь необычно, что это не объяснить ночной внезапностью. Были тела в шубах на голое тело, будто ожидался мороз, а не жар огня; тела в купальниках, будто ожидалось наводнение, а не пожар. Одни укрывали только левую половину тела, другие – только правую. Находились и такие, кто надевал сапоги, перчатки и шапку, как бы пытаясь защитить только то, что торчало из торса. За всем

этим с полутёмного неба наблюдала тусклая Луна и мелкие иголки сонных звёзд. Потом мысли успокаивались и возвращались в тела, а тела – в кровати.

Возвращалась и Гарь, поумневшая, почти разумная. Но мысли её всё ещё оставались чужими кошмарами, и она хотела слиться с их владельцами. Это желание было неосознанным, но непреодолимым, сродни половому инстинкту. Сны из вчерашней ночи искали сны сегодняшней ночи, а те пытались дотянуться до завтрашних снов. Так у Гари появлялась память, и она сравнивала то, что было, с тем, что есть. А это рождало предвидение того, что будет, то есть то, что отличает разумное существо от неразумного: желания, надежды, мечты и цели.

В это лето стояла такая жара, что люди лишались надежды, желаний и цели, мечтали о тёплом дожде, в холодные ливни не веря. И снег, что кружится и падает с неба на землю, казался наивною сказкой, которой и дети не верят.

И люди глупели, а Гарь умнела. И я был одним из людей, и писал эту историю, и мне не давался финал. Наверное, потому, что я тоже глупел. А может быть, потому, что Гарь крала во сне все мои финалы и сплетала из них свой собственный нечеловеческий финал, лишь отдельные кусочки которого мне удавалось увидеть в моих ночных кошмарах, чтобы забыть поутру. И только изредка, когда моё тело пустой скорлупкой плавало в озёрной воде, будто тень мелькала смутная мысль о смысле утраченной жизни, чтобы тут же растаять в солнечных жарких и мутных от гари лучах. Будто и не моя мысль, а чья-то ещё, чужая, горько пахнущая.

Ночью звёзды не освещали Землю, они освещали Гарь, что окутывала Землю дымом-туманом. Мне снились чужие сны. Нелепые как их носители. Дым-туман сплетал эти сны в одно

фантастическое кружево. Оно вращалось вместе с Землёй, поднималось в небо, где умирала старая Луна, опускалось до травы, прокуренной до желтизны. Или уносилось через выпуклый луг, чтобы плыть над вогнутой водою озера, где я чувствовал прохладу глубин. Потом возвращалось в деревню. И можно было ходить по всем половицам, или сесть на любую лавку, или облокотиться на любой стол, и смотреть сразу во все окна в тёплую тьму. И я забиралась во все постели, опускалась на все подушки, укрывалась всеми простынями. Я почти засыпала, размышляя о смысле непрошенной жизни, пытаюсь нащупать... Но меня всё время отвлекали: я шёл в туалет опорожнить мочевой пузырь, у меня была ночная эрекция, я закуривал сигарету, мучаясь бессонницей. Я пыталась молиться перед иконой, хотя не ведала, что такое Бог, и не понимала, что мне просить у Него. В неизъяснимой печали я пыталась опустошить початую бутылку водки, хотя не знала жажды. Я примеряла одежду то на левую, то на правую половину, натягивала шапку и надевала сапоги, хотя и одежда, и шапка, и сапоги оставались там, где лежали. Я пыталась нащупать финал, который нужно найти до дождя на восходе солнца, хотя я не знаю, зачем.

Грибы должны пахнуть грибами

Утром просыпаюсь от щебета птиц.

За окном покачиваются верхушки елей с крупными шишками. Они покачиваются на фоне синего неба. Необыкновенно высокого. Где-то справа, за кадром, плавает солнце. В приоткрытую форточку тянет свежим воздухом.

Я встаю и выглядываю в окно. С этой стороны расстилается лес – насколько видно с высоты моего третьего этажа. Закрываю форточку и иду в комнату

сына. Тот ещё спит. В его окне тоже лес, но вдалеке возвышается город. Над городом плавает что-то полупрозрачное и розовое. То ли туман, то ли облако. От дома к кольцевой дороге и дальше – вглубь жилого массива – тянется широкий чёрный след. За эту ночь дом ушёл необычно далеко. Чтобы успеть на работу, придётся выйти на двадцать минут раньше.

Ставлю греться чайник и отправляюсь прогуливать Лешего. Около дома уже суетятся рабочие из ЖЭКа. Тянут тросы от тарахтящего трактора и прицепляют их к крепёжным кольцам в торцевой стене. Метрах в ста, прямо посреди болотца, стоит шестнадцатизэтажная башня. Она всегда ходит вместе с нашим домом. Жильцы этой башни балансируют на мостках, проложенных от подъезда до сухой земли, и чертыхаются. Кругом валяются покорёженные деревья, вывороченные с корнем или просто переломленные посреди ствола. В глубоких рытвинах, оставленных прошедшими домами, уже собралась грунтовая вода. Жильцы спешат по своим делам, рабочие покрикивают на них, чтобы не мешались, повсюду бегают мальчишки и звонкими голосами спорят, чей дом раньше вернётся на прежнее место.

Всех их Леший старательно облаивает.

Мы углубляемся в лес. Там тихо, ничего не повреждено, и я спускаю собаку с поводка. Стоит оттепель. Леший с наслаждением пачкается в чёрной земле. Я дышу воздухом, рассматриваю деревья и всё удивляюсь, какое сегодня высокое небо.

Я сочинил четверостишие про оттепель.

В Институте день зарплат. Поэтому народу много, все ходят, разговаривают, хлопают по плечу, зовут покурить. Разбираюсь со всякими мелкими вопросами. Работать невозможно. К тому же стульев не хватает.

После обеда иду с аспирантом к начальнику. Аспиранту пора писать диссертацию. Обсуждаем план.

Когда я сам защищался, начальник мне хорошо помогал. Главное: заставлял писать. Ну и пробивал, конечно. Он прекрасный специалист, только сильно увлечённый своей работой. Когда-то давно, на товарищеской вечеринке, его жена, которую все не любят, кричала: он из-за вас ночами не спит, переживает, а вы неблагодарные, и так далее. Теперь начальник уже защитил докторскую, и аспиранту придётся заставлять себя самому. Я заставлять не умею. Сплю я хорошо.

К концу разговора подошёл заместитель и сказал, что сверху спущена разнарядка: двадцать человеко-дней отработать на сорок третьем этаже на уборке мусора. Заместитель – дурак, это всем известно. Начальник говорит, что ему нельзя доверять никаких бумаг: потеряет. Заместитель замещает неизвестно кого, во всяком случае, не начальника. Он толстый и очень важный человек.

Завтра придётся идти убирать мусор. Что особенно неприятно – к началу рабочего дня, вставать нужно в шесть утра.

На сорок третьем этаже стоит автоклав с МАРКом. МАРК – это АБСОЛЮТНЫЙ РЕЛЯТИВИСТСКИЙ КИРПИЧИК МИРОЗДАНИЯ. Нашему Институту удалось наконец выделить один МАРК в чистом виде, и теперь он замурован в автоклаве. Плавает в магнитном поле. Один МАРК способен разнести вдребезги всю нашу планету. Заодно Луна расколется пополам, а на Марсе, если он окажется в положении Великого противостояния, пройдут трещины. От Северного полюса к Южному. Страшно много энергии сконцентрировано в одном МАРКе. И взорваться ему ничего не стоит – достаточно соприкоснуться с веществом.

Никак не могу понять, почему на этом этаже всегда столько мусора? Третий год убираем, а меньше не становится.

Возвращаюсь с работы вечером. Дом уже стоит на прежнем месте, только почему-то развёрнут на сорок пять градусов. Окна мигают разноцветными огоньками, как лампочки на пульте МАРКовского автоклава. Подъезд похож на большую резиновую кнопку под пультом. Нажмёшь – и ничего не станет. Только красанцы из созвездия Водолея занесут в свои толстые астрономические книги новую Сверхновую. Небо над домом низкое и грязное.

На кухне жена лепит котлеты из мясного фарша. Справа сидит Леший и неотрывно смотрит на её руки. Хвост у него виляет. Слева, на холодильнике, разместился Шипун: выгибает спину и шипит. Шипун – это огромный чёрный кот, от рождения лишённый голоса, а заодно – к великой нашей радости – инстинкта продолжения рода.

– Ой, совсем забыла! – говорит жена. – У меня в сумке мороженое. Вынь, пожалуйста.

Я вынимаю мороженое, и на пол выкатываются мелкие блестящие пульки. Моя жена делает на работе пули. Вместе со всем заводом, конечно.

На кухню врывается сын, видит пули и требует их себе.

– Как зачем? Как зачем? – кричит он. – Играть буду!

– Они не взрываются? – спрашиваю я.

– В том-то и дело, – говорит жена, укладывая котлеты на шипящую сковороду.

Шипун разочарованно фыркает, спрыгивает с холодильника и уходит в большую комнату драть мебель. Леший всё ещё на что-то надеется.

– В том-то и дело, – говорит жена. – С этими пулями у нас целый скандал. Меня, наверное, посадят.

– За что, – спрашиваю, – посадят?

– Представляешь? Целая партия пуль оказалась бракованной. Их делали ещё летом, они разошлись по всей стране и даже за границу попали. А теперь их вылавливают по всем воинским частям, и у нас, и ещё в пяти странах. Военпреды рвут и мечут. Начальство ходит мрачнее тучи. А виноваты калильщики из ночной смены.

– А ты тут при чём? – спрашиваю.

– Я ни при чём, – говорит жена. – Я в это время в отпуске была. Только меня всё равно посадят, потому что я за этот участок отвечаю.

– Не посадят, – говорю я. – Ужин скоро? А то есть хочется.

– Ты же видишь! Готовлю.

Я сижу за столом и играю круглой тёплой пулькой. Она приятно катается по ладони.

– А в чём, собственно, брак?

– Так я же и говорю! Эти пули должны взрываться. Попадают во что-нибудь и сразу взрываются. Делается большая дырка. А они не взрываются! Калильщики виноваты – перекалили.

Снова прибегает сын и задаёт вопрос:

– А что такое амбразура?

– Амбразура, – говорю я, – это такое отверстие в доте, из которого стреляют. Из автоматов, из пулемётов.

– Ну и ну, – удивляется сын. – Вот это да! Я бы ни за что не стал закрывать эту амбразуру грудью.

– И не надо. Зачем её закрывать?

– Ну как же! Вон Александр Матросов подвиг совершил!

– Это вы в школе про Матросова проходите?

– Ага! По чтению. А ты, папа, смог бы закрыть грудью амбразуру?

– Конечно нет. Ладно, иди учи уроки.

– А я уже выучил. Можно я во двор пойду? Мы с ребятами в войну собирались играть.

– Валяй.

Приходит наш общий старый приятель. Садится за стол со своим вечным кроссвордом, водит по нему карандашом и бурчит себе под нос: «Евреи, евреи, кругом одни евреи!» Вроде как песню поёт.

Я, говорит он, не признаю национальный вопрос. Нет такого вопроса. Все мы теперь одинаковые: и русские, и евреи, и татары. (Моя жена татарка.) Иногда, очень редко, он добавляет: я только не люблю, когда меня жидом называют. А Достоевский – гад!

Наш общий старый приятель, посидев, попив чайку, уходит к себе домой, в свою холостяцкую комнату, которая, собственно, и не его, потому что он её снимает. У него трое детей от трёх разных бывших жён. Двум он платит алименты, а третьей просто так помогает. Последнее время им взбрело в голову опять жить вместе, но всё упирается в квартирный вопрос. Его жена живёт в другом городе, а у него только прописка, потому что он женат на четвертой жене фиктивно.

После вечерней прогулки с Лешим, перед сном, выхожу покурить на лестничную площадку. Из щели в углу опять появляется красанец из созвездия Водолея и начинает задавать свои бесконечные вопросы. Вообще-то он ничего: маленький, аккуратный, рыжеватый. Десять лет изучает земную цивилизацию и ничего понять не может. На свой страх и риск вступил в контакт со мной месяца два назад. Только всё равно ничего не понимает, потому что вопросы у него дурацкие.

Почему, спрашивает, своё прошлое вы изучаете, а будущее – нет? Зачем вы не живёте в лесах, ведь там воздух чище? Почему у ваших женщин длинные волосы? Почему все люди читают чужие книги, и только некоторые сами их пишут? Для чего вам нужно так много железа? Почему вы уничтожаете лишних

людей такими болезненными способами и так неупорядоченно: во время войны сразу много, а в мирное время – совсем мало? И уж вовсе глупое: зачем ты куришь, если знаешь, что это вредно для здоровья?

Неужели все красанцы такие бестолковые?

Ночью я опять в Королевстве. Утром – у них там утро, когда у нас ночь – мы косим сено на лесной поляне. Косить неудобно – то и дело попадаются всякие пеньки, кочки, ёлочки. Но мы не торопимся, потому что некуда торопиться. Сено нужно не для корма, а просто так – чтобы приятно пахло зимой сушёной травой. У них там зима, когда у нас лето.

Ветра нет. Солнце припекает, и голова начинает гудеть от буйства запахов и красок. Всё вокруг зелёное, жёлтое, бурое, красное, и опять зелёное. Только небо над головой чисто синее. Но оно очень далеко. В ушах стоит непрерывный звон кузнечиков и прочих звучащих насекомых. Двигаешься как во сне. (Я и так во сне!)

Наконец, короли, посоветовавшись, объявляют отдых. Первый король уходит побродить по лесу. Второй король отзывает меня в сторонку, к старому дубу. Мы ложимся на ещё не скошенную траву и смотрим сквозь листву на небо. Потом начинаем обсуждать план создания официальной оппозиции. Я стану её Лидером и буду бороться с обоими королями за власть. Разрешаются заговоры, интриги, подкупы и одно-два покушения. Основное назначение оппозиции – способствовать укреплению королевской власти.

После отдыха мы ещё немного работаем, но становится слишком жарко, и короли, побросав свои косы, зовут всех на речку – купаться. Взобравшись на холм, я вижу, как блестит синей змейкой королевская речка Чуйка. Почти такой же синей, как небо. Короли и подданные купаются и загорают. Я не спеша

спускаюсь с холма. Спешить бесполезно – всё равно не успею выкупаться – проснусь.

Просыпаюсь от занудного неумолчного шума. И сразу чихаю – пахнет бензином и гарью. Подхожу к окну: так и есть – дом продвинулся вплотную к кольцевой дороге. Своим правым углом почти задевает бензоколонку. За дорогу ему не дала перейти патрульная служба. Вовремя успели перегородить путь проволокой под током – дома этого не любят.

А башня всё же прорвалась за кольцевую, каким-то странным зигзагом пропахала кустарниковые заросли и остановилась на самом краю оврага. От неё ещё идёт пар. Подъезд завис над обрывом, в нём толпится народ и ждёт, когда трактор хоть немного оттащит башню в сторону, чтобы можно было выйти и пойти на работу.

Небо в той стороне, как и вчера, синее и высокое.

Будильника я не услышал и проспал. Теперь уж вовсе не пойду в Институт – чёрт с ним, с мусором. Наконец-то можно будет заняться делом. Завариваю чай, достаю бумаги и раскладываю их на столе. Вынимаю шариковую ручку. С наслаждением погружаюсь в увлекательнейший мир микрочастиц Вселенной. Теоретически МАРК – ещё не предел. Если верна гипотеза Мак-Бора, он состоит из ещё более мелких частиц – МАРКУШЕЙ. Один МАРКУША способен разнести вдребезги всю нашу галактику. Игра стоит свеч!

Вечером приходит другой наш старый приятель – мой сослуживец. Он приносит бутылку сухого вина – для нас с женой, и бутылку портвейна – для себя.

Зачем, говорит он мне, ты стихи пишешь? Я тебя всё равно читать не буду. Я даже великих поэтов не читаю. Написал бы ты лучше хороший детектив! Я, отвечаю, сюжеты придумывать не умею. Потом он весь вечер ругает нашего начальника. К великому

удовольствию моей жены, которая начальника терпеть не может.

У этого нашего приятеля очень тонкий вкус, и вообще он человек чувствительный. Он мог бы стать знаменитым экстрасенсом, если бы меньше пил.

Провожая приятеля, заодно выгуливаю Лешего. Возвращаясь, замечаю в углу лестничной площадки рыжеватого красанца.

Я понял, откуда все ваши беды, говорит он. У вас слишком много пальцев на руках. (У красанцев всего один палец. Он прорастает как бородавка то на левой, то на правой руке.) Для такого количества пальцев трудно найти разумное занятие. У вас на Земле развелось слишком много ненужных вещей и с каждым днём их становится всё больше и больше. Даже не знаю, можно ли вам теперь чем-то помочь?

По-моему, этот красанец совсем сдурел за десять лет непрерывных размышлений.

Этой ночью я беру с собой в Королевство жену. Пора представить её королям. Я долго думал, как это лучше сделать: моя жена не признаёт королей. Но всё получилось само собой. Мы оказываемся на опушке леса. Короли ведут своих подданных по грибы. Моя жена – величайший знаток грибов! Она находит их даже на окраине нашего парка, где ржавого железа, бетонных плит и старых шин больше, чем земли. Весь день короли пляшут под её дудку.

К обеду собрано великое множество грибов: от плебейских сыроежек до вельможных подберёзовиков и королевских белых. Разноцветные, прохладные, они пахнут грибами. (Как это хорошо, что грибы пахнут грибами, понимаешь только во сне.) Теперь их нужно чистить, мыть и жарить. Подданные – все как один – наотрез отказываются. Приходится королям готовить обед самим: чистить, мыть и жарить.

Остальные тем временем разбредаются по поляне искать землянику. Я набираю целую кружку и

успеваю договориться с тремя подданными о принципиальном согласии участвовать в заговоре.

Моя жена валяется в траве и губами срывает ягоды с земляничных кустов. Это было десять лет назад.

Потом мы все обедаем, и короли милостиво распускают народ по домам. Со мной они прощаются кивком головы: я теперь Лидер официальной Оппозиции, и нужно соблюдать этикет. Моя жена напоследок шушукается с королями, и все трое смеются.

– Какие они всё-таки чудные и милые! – говорит жена на обратном пути. – Зачем ты их хочешь свергнуть?

– Я вовсе этого не хочу, – отвечаю. – Просто таковы правила игры.

Просыпаюсь от прямого попадания солнечных лучей. Окно горит жёлтым пламенем. Выхожу на балкон: кругом лес. Снег свежий, блестит и пенится на солнце, как пена шампанского. Кажется, даже шипит. И воздух напоминает само шампанское – так же пьянит и возбуждает. Небо неимоверно синее и высокое – в несколько раз выше обычного.

На прогулке Леший носится как угорелый. Пушистым ядром вспахивает снежную целину и чуть ли не кубарем скатывается с горки. За эту чудную прогулку славный пёс облизывает мне всё лицо.

Во время чаепития звонит по телефону начальник: просит приехать в Институт. Прибыл представитель заказчика, будет совещание.

Около подъезда стоит автобус, снятый с рейса. За ночь наш дом так далеко ушёл в лес, что до станции метро людей придётся везти на автобусе. Салон, пропахший бензином, почти заполнен. Пассажиры нервничают и поглядывают на часы.

В проходной Института вахтёр останавливает меня и записывает фамилию в свою книжку. Без пяти

минут десять. С моим «свободным проходом» нужно являться на работу либо в 8.30 – начало рабочего дня, либо после 10. Иначе считается опоздание. Доложат начальнику, он отреагирует, а меня это не касается. Таковы правила игры.

Захожу в кабинет. Здесь уже все наши и несколько знакомых ребят из ведомства заказчика: в гражданской одежде. Во главе стола сидит их генерал. В цивильном костюме он кажется каким-то ненастоящим и сильно западным: что-то среднее между старшим клерком и президентом фирмы. Начальник разговаривает по телефону. Присаживаюсь к приятелю. Тот мучается с похмелья – вчера, вернувшись домой, здорово добавил с зашедшим соседом.

Совещание длится долго и бестолково, потому что, кроме главного, обсуждаем кучу всяких мелочей, которые вполне можно решить в рабочем порядке. Наверху постановили форсировать работы по выделению МАРКУШИ. Значит, можно будет выбить аккордные. Это забота начальника.

После обеда сидим с аспирантом и уточняем план диссертации. Работать в Институте совершенно нет времени.

Дом оказывается на старом месте. Стены тёплые, ещё не остыли. Видно целый день тащили из леса. Дома, когда их тащат, упираются и от этого нагреваются. На время передвижения отопление отключают – для экономии. Небо над домом похоже на розовую опухоль. Когда я смотрю на такие вещи, у меня в животе что-то сжимается и дёргается. Быть может, душа находится в животе?

Жена неподвижно лежит на диване и слушает музыку.

– Ты чего? – спрашиваю.

– Ничего. Устала.

– Ну, отдыхай. Что-то ты часто устаёшь.

– Зато ты никогда не устаёшь! Дрыхнешь до десяти часов. А я должна как ненормальная вскакивать в шесть утра и бежать на завод делать эти дурацкие пули! Не хочу делать пули! Зачем они мне нужны, эти пули? Это же с ума можно сойти – всю жизнь делать пули! Хотя бы они никогда не взрывались!

– Сколько можно говорить об этом? Уходи с завода.

– Куда уходить? У меня же профессия! Десять лет работы – коту под хвост? На заводе ко мне привыкли, я считаюсь хорошим специалистом. А кем я буду, когда уйду? Домашней хозяйкой? Ты же тогда вообще ничего дома делать не будешь. Не хочу быть домашней хозяйкой!

– А пули лучше?

Жена плачет. Леший нервничает и начинает гавкать. Непонятно только – на кого? Я успокаиваю жену. Леший тут как тут – кладёт передние лапы нам на колени, суёт всюду свой мокрый длинный нос и отчаянно крутит хвостом – так, что дрожит всё тело, – вот-вот улетит.

– Лешунечка, хорошенький, красавец мой, ты меня так любишь? да? жалеешь меня? ах, ты маленький, пушистенный, хвостиком виль-виль... – приговаривает жена и успокаивается.

Появляется Шипун и нагло прыгает на диван, жмётся к нам и требует свою порцию ласки. Потом мы идём пить чай.

Вечером заходит наш новый приятель. Он работал в Институте, но начальник его выгнал – за безделье. Приятель приносит пластинки с итальянскими оперными певцами, диски «Битлз» и «Роллинг Стоунз». Ставит пластинки одну за другой и комментирует:

– Вот это они хорошо делают, это они сами придумали. А это содрали, так уже давно делают. Так

ещё Моцарт делал. Ну, дальше неинтересно – дальше то же самое будет. Уже и так понятно, что они тут хотели сказать, правда?

Он снимает пластинку и ставит другую. И всё начинается сначала.

– Вот смотрите, какой у него тут голос. Всё дрожит! Но он дурак, он не понимает, что поёт. Вот смотрите: ла-ла-ла-ла... он собой любит, своим голосом, а тут надо страдать, он же о страдании поёт. Ну, совсем дурак! Зачем такому дураку такой голос?

Он снимает пластинку и ставит новую.

Наконец, пытка музыкой кончается, и наш приятель провозглашает:

– Я открыл для себя Маяковского. У него совсем не было пыли в носу! Вот послушайте.

И он начинает читать Маяковского: по паре строк из разных стихотворений.

– Вы чувствуете? Совсем чистая речь, естественная. У большинства людей очень много пыли в носу. От этого все болезни. Пыль проникает под кожу и скапливается под глазами. Зрение портится. Почему так мало понимающих людей? У них же все уши пылью забиты! Слушают и не слышат! Вот ваш начальник, хоть он меня и выгнал, но у него были прекрасные голосовые данные. Он мог бы петь лучше Карузо, но он не чистил нос от пыли, и вся пыль попадала в горло, оседала на голосовых связках, и, конечно, теперь ему ничего не остаётся, как заниматься микрофизикой. А сколько пыли люди съедают вместе с пищей? Нельзя есть пыльные продукты: ни мясо, ни рыбу – они почти целиком состоят из пыли. За жизнь животного у него между волокон мышечной ткани всё время скапливается пыль – животные от этого и помирают, а мы их едим!

Я провожаю нашего нового приятеля поздним вечером и заодно прогуливаю Лешего. За нами увязывается сын – говорит, что не может заснуть, не

подышав свежим воздухом. Приятель идёт босиком, и сын в восторге!

– А Вам не холодно босиком?

– Конечно нет. Вот у тебя щёки и нос не мёрзнут?

– Нет.

– А почему же ноги должны мёрзнуть? От этого все болезни: на носу – ноль градусов, а на ногах – тридцать семь! Возникает разность температур и пыль так и липнет к носу.

– Папа, – говорит сын на обратном пути, – а давай тоже босиком ходить?

– Так сразу нельзя. Лучше начнём с утренней гимнастики и обтирания.

– Давай начнём! Ты поставь будильник на шесть утра. Встанем вместе с мамой и будем все вместе зарядку делать.

– Какие же шесть утра, когда сейчас уже двенадцать ночи! Надо было раньше спать ложиться, я тебе говорил.

– Ну, папа... – сын начинает канючить.

Я соглашаюсь и ставлю ему будильник на шесть утра. Самое удивительное, что он действительно вскочит по звонку и заставит встать меня – невыспавшегося. Хорошо хоть, что подобного энтузиазма моему сыну хватает только на один раз.

Перед сном выкуриваю сигарету на лестничной площадке.

– Знаешь, – говорит красанец, – а твой приятель отчасти прав. Только это не простая пыль, а космическая. Миллион лет назад ваша Земля попала в пылевое облако. И теперь вы буквально напшигованы космической пылью. Наши учёные никак не могут установить все последствия её влияния. Быть может, эти последствия вообще непредсказуемы. Но я решил на эксперимент.

Глаза красанца сверкнули в полутьме рыжеватым светом.

– Вот!

– Что это такое?

– Это пылесос. Новейшая конструкция. Только ты сам, а то мне с одним пальцем трудновато. Вот эту трубочку записываешь в нос, а потом нажимаешь эту кнопку. Главное – не бойся.

– А это что?

– Это... это потом, когда очистишься. Совершенно безболезненно. Сразу заживает, никаких нагноений, никаких рубцов. Мгновенно удаляет лишние пальцы.

Я швырнул пылесосом в красанца, и он исчез.

Сегодня в Королевстве игры на свежем воздухе. Я пришёл с сыном, и он, обладавший большим опытом в таких делах, сразу взял на себя все организаторские функции. Мы разделились на две команды, во главе каждой встал король. Разбрелись по лесу. У каждого свой штаб, скрытый, замаскированный. Часовые забрались на сосны.

Мы с сыном лежим в засаде. Под прикрытием молодых ёлок, за большим высохшим пнём. Сухие иголки пощипывают кожу, пахнет хвоей, смолой, землёй. По пню ползут муравьи, протоптали тропинку – она выделяется светлой змейкой на серой коре. Сверху на пне бархатной заплаткой лежит зеленовато-рыжий мох. В ямке между двух корней лежать уютно и тепло.

– Папа, – спрашивает сын, – а почему небо синее?

– Потому что оно высокое, – отвечаю я честно.

Тра-та-та! Тра-та-та! Та-та! Та-та! Мы вскакиваем, бежим. Появился противник. Нас окружают. Мы уходим, согнувшись, под ёлками. Отстреливаемся. На поляне ныряем в траву и ползём по-пластунски, по всем правилам. Трава высокая, колышется от ветра. Кузнечики прыгают во все стороны. Снова вскакиваем, мчимся под соснами.

Здесь открытое место, много воздуха. Воздух сосновый.

Тра-та-та! Тра-та-та! С ходу влетаем во вражеский штаб. Тра-та-та! Все падают. Ба-бах! Взрывается мина, и мы тоже падаем. Все убиты, лежат в траве, дышат и смотрят в небо.

Мой сын не может долго лежать неподвижно. Он убегает вприпрыжку и скоро приводит под конвоем пленённого короля. Игра окончена. Короли раздают награды за доблесть и мужество, проявленные во время военных учений. Мой сын получает большую ярко-красную медаль «За Отвагу». По-благородному мы делим её на всех. Начинка изумительна: клюква с малиной!

Просыпаюсь от шума моторов. Сын делает зарядку и зовёт меня. За окном сосны. Широкая просека, которую дом проделал за одну ночь и по обе стороны которой лежат могучие деревья, словно колосья, срезанные острым серпом, широкая и чёрная просека уходит далеко-далеко, и конца ей не видно. Выхожу на балкон. Над крышей кружат вертолёты. Точно огромные стрекозы, набившие брюхо всякой всячиной и ошалевшие от обжорства. Железяки в синем небе. Они разыскивают нас уже давно и вот наконец нашли.

Жильцов на работу развозят на вертолётах – кругом тайга, никаких дорог.

В Институт попадаю только к обеду. И узнаю новость: пропал МАРК. Ещё вчера он спокойно плавал в магнитном поле, слегка покачиваясь, и все приборы единодушно показывали норму. А сегодня все стрелки на нуле. Показывать нечего – МАРК исчез.

Комиссия по расследованию происшествия заседает с утра. Меня там ждут. У начальника круги под глазами. Все непрерывно курят. Даже чая нет.

Микропробой в силовой защите. Микровсплеск на временной диаграмме. В 4 утра МАРК отправился в

свободное плавание в атмосфере. Когда он столкнётся с веществом, неизвестно: может быть, через миллион лет, а может быть, через секунду. МАРК очень мал, а расстояния между атомами очень велики.

Выпустили джина из бутылки. К чему теперь гадать? Если взорвётся, мы всё равно ничего не почувствуем. МАРК – это абсолютное оружие. Оно уничтожает абсолютно всё. Луна расколется пополам. По Марсу пробегут трещины: от Северного полюса – к Южному.

– Улетела моя диссертация, – вздыхает аспирант.

Генерал в гражданской одежде, как школьник поднимает руку и в который уж раз спрашивает:

– Как докладывать будем?

Мой приятель (почти экстрасенс) задумчиво рисует чёртиков на бумаге и уныло бурчит:

– Чего сидеть попусту! Сейчас бы выпить как следует. И повод есть...

Заместитель с суровым видом провозглашает:

– Так не бывает, чтоб виноватых не было. Нужно провести расследование по всей форме. Сообщить в Прокуратуру. Может быть, и ещё куда.

Заместитель сильно потеет, особенно шея.

Начальник отмахивается от заместителя. Он честно пытается найти решение, задаёт вопросы, говорит: думайте! Сильно увлечённый человек. Неужели не понимает, что без толку?..

Дом всё-таки привезли на место. Рабочие из ЖЭКа вокруг него суетятся, что-то делают. Ага! Хотят фундамент заякорить, прикрепляют стальные цепи, бетонные сваи забивают в мёрзлую землю – ограда будет. Посмотрим.

Сегодня у нас гостей нет. Спать ляжем пораньше.

Перед сном, как всегда, выхожу на лестничную площадку.

– Давай помиримся, – говорит красанец. – Наверное, я поспешил. Мы, красанцы, никак не

можем понять вас, людей. Но мы очень хотим понять. Мы вам обязательно поможем, на нас можно положиться. Как только мы вас поймём, мы сразу что-нибудь придумаем, чтобы вам помочь. Нужно только понять, чтобы помочь правильно. Мы постараемся.

Что мне ему сказать?

– Я уезжаю домой, – говорит красанец. – Повезу доклад о Земле. Я расскажу всё, что сам знаю. Может быть, все вместе мы уже сейчас сможем понять вас и помочь.

Что мне ему сказать?

– Счастливого пути, – говорю я.

– До свидания, – говорит красанец. И медленно уходит.

– Пусть ваши астрономы получше смотрят в телескопы! – кричу я ему вдогонку. – Может быть очень интересное и редкое явление!

Если бы у красанца были плечи, он мог бы пожать ими. Но он останавливается, возвращается и начинает смотреть на меня.

– Я пошутил, – говорю я.

Но красанец не реагирует. Он вдруг начинает вытягиваться вверх и становится похожим на фонарный столб. А глаза у него горят каким-то уж вовсе нестерпимым рыжим светом.

– Ай-яй-яй, – начинает он лепетать тихим голосом. – Как же вы так? Мы у себя, в созвездии Водолея, уже тысячу лет умеем выделять МАРК. Но нам даже в голову не приходило делать это. Ай-яй-яй...

– Абсолютное оружие, – говорю я ни с того ни с сего. А сам думаю: Вот те раз! Он, оказывается, мысли читает. И МАРК они тысячу лет выделяют. То есть, наоборот, не выделяют, но умеют.

Красанец вспыхивает ярким рыжим светом и вдруг потухает. Рост его опять уменьшается, весь он как-то скрючивается, сворачивается и теперь

напоминает сильно обгорелое корневище. И опять лепечет совсем уж еле слышно:

– Да, да, да... оружие, оружие... как же я сам не догадался... надо спешить... МАРК летит быстро, но я полечу быстрее... перегрузки, конечно, но это ничего... надо предупредить... успеть...

Что это с ним? Заговаривается? Тут красанец как-то странно икнул и быстро проговорил своим обычным чётким голосом:

– Это совсем непредвиденное обстоятельство! Мне очень, очень жаль, но может случиться, что мы не сможем помочь вам. Вы не отчаивайтесь, мы сообщим всем мирам. Вам помогут. Если не мы, то кто-нибудь обязательно поможет. А сейчас я должен улетать. Мне срочно нужно. Прощай!

И красанец исчез. Здорово он перепугался, подумал я. Ещё бы – того и гляди будет большой бабах! Луна расколется пополам и так далее. Сматывает удочки. Тоже мне помощник! Понять он, видите ли, хочет! Помощь свою направо-налево предлагает. А сам драпает, заговаривается со страху!

Впрочем, что это я разозлился на красанца? Он-то тут при чём? Сами виноваты!

Я затушил окурок и отправился спать.

Во сне, перед тем, как попасть в Королевство, решаю уравнение стационарности МАРКа. Этим уравнением я занимаюсь уже два года и ни с места! Непреодолимые математические трудности. Но во сне всё гораздо легче. Я получаю решение: простое и изящное, понятное даже ребёнку. Это минута высочайшего упоения творчеством! От избытка чувств я становлюсь на голову и даже делаю сальто-мортале. Не совсем удачно – боль в коленке меня отрезвляет.

Звоню начальнику. Он не спит – мучается бессонницей – и поэтому сразу схватывает суть дела. Земля спасена! МАРК не может спокойно плавать в атмосфере: вырываясь из магнитной ловушки, он

должен приобретать такую гигантскую скорость, что уже через минуту оказывается за пределами орбиты Луны. А сейчас – я смотрю на часы и мгновенно проделываю в уме вычисления – сейчас он уже за пределами Солнечной системы! Всё обошлось!

Я кладу телефонную трубку. Проверить ещё раз! Проверяю – всё правильно. Но заодно я обнаруживаю, что моё решение не скалярное, а векторное: значит, можно попробовать определить не только величину, но и направление скорости. И я определяю. МАРК летит к созвездию Водолея. Неужели?..

...В Королевство мы отправляемся всем семейством. Идём по лесной дороге. Ели-великаны, белые берёзы, дрожащие осины, прямые сосны. Трава, хвойные иголки, заросли черники. Две колеи, сухие и твёрдые, и между ними мелкие цветочки незабудок – разбрызганы. Синие-синие.

Леший носится кругами, похожий на зайца, и громко кричит от восторга: гавкает, вспугивая мелких пичужек. Шипун ворочается на дне дорожной сумки, высовывает наружу длинные усы и влажный нос и тут же прячется от испуга. Сын распевает какие-то очень громкие пиратские песни и, время от времени, проверяет эхо – так, что ушам больно. Жена идёт спокойно, покачивает головой и загадочно улыбается. Пятнадцать лет назад.

За поворотом, на фоне очень синего неба, висит большой бумажный плакат. Большими печатными буквами выведено:

КОРОЛЕВСТВО НА РЕМОНТЕ.

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН.

Вот незадача! Мы останавливаемся в растерянности. Что же делать? И мы вернулись обратно.

Я просыпаюсь по будильнику. В окне торчит шестнадцатизэтажная башня. Видно, якорные цепи

оказались надёжным средством. Ничего – я сам отправлюсь за кольцевую, в лес, на прогулку с Лешим. Холодно. Дует сильный ветер и бросает в лицо снежную крупу. Леший уныло и методично отмечает деревья, не пропуская ни одного. Я стою под сосной, смотрю в поле, туда, где оно сливается с таким же белым небом, и никак не могу понять: Почему мы вернулись назад? Какие же мы посторонние? Мои жена и сын представлены королям, я сам – Лидер официальной оппозиции, третий человек в Королевстве. Может быть, в нас нуждались? Может быть, требовалась помощь?

За чаем звонит начальник:

– Приезжай в Институт! Всё в порядке! МАРК больше не угрожает Земле! Представляешь: я это вычислил во сне. Проснулся, проверил: так и есть! Всё обошлось! А решение, между прочим, оказалось векторным. И летит наш МАРКунчик сейчас далеко-далеко – к созвездию Водолея. Вот нашим астрономам сюрприз будет!

И начальник весело рассмеялся.

На кухню заходит жена.

– Проспала на работу?

– Нет, – отвечает. – Вообще не пойду. Ты же хотел совершить государственный переворот, ведь так?

– Ну...

– Хочу быть королевой! К чёрту пули!

– Да уж тут не пули, – думаю я. – Тут кое-что посерьёзнее. И ведь ничего не сделаешь, ничем не поможешь. Бедные красанцы...

– Кто?

Оказывается, я думал вслух.

– Да так – несущественно. Потом расскажу.

И я поехал в Институт.

ЭПИЛОГ

С той зимы прошло уже несколько лет.

В созвездии Водолея всё спокойно. То ли МАРК промахнулся, то ли тамошние обитатели приняли соответствующие меры. Но рыжий красанец с тех пор так и не появлялся. Может быть, обиделся?

Наш приятель («пыль в носу!») женился, завёл четверых детей, продал все свои пластинки, купил костюм-тройку, галстук, ботинки, подался в политику, победил на выборах, потом проиграл и стал экстремистом. Другой наш приятель (почти экстрасенс), наоборот, развёлся, бросил пить, занялся бизнесом, обанкротился и запил уже вглухую. Третий наш приятель («евреи, евреи...») воссоединился с женой и сыном, но жильё так и не получил, и в конце концов уехал в Израиль накануне Перестройки.

Я сменил профессию и место работы. По слухам, исследования по выделению МАРКУШИ продвигаются успешно – их финансирует какая-то крупная американская фирма. Жена так и не ушла с завода, но теперь у неё куча свободного времени – завод остановился. От нечего делать она вдруг занялась живописью: пишет лес, дворцы и людей в шутовских колпаках. Сын отбился от рук и получает плохие отметки. Шипун умер, и мы похоронили его в лесу, за кольцевой. И только Леший ничуть не изменился: всё такой же резвый.

Наши дома, кажется, смирились со своей участью: стоят неподвижно и пустили корни. По весне на них даже распускаются цветы: на нашем доме – пионы, на шестнадцатизэтажной башне – нарциссы.

По ночам мне теперь снится одно чистое синее небо.

ВОДОВОРОТЫ

РЕАЛЬНОСТИ

Стефания Солис
(Ольга Грушевская)

Нет, я - не Пьеро, я – задумчивая Коломбина...

...межвременная, но с вечной улыбкой на усталом лице, с угловато-резкими словами и движениями. Слова и жесты – все вперемишку: завод кончается. И эта хаотичность тебе раздражительна: то я говорю без умолку, то молча танцую в нелепом цветастом платье, слишком коротком - не по возрасту.

Скажи, стоит ли прилагать усилия или ты и так меня считаешь?

Так многим хочу с тобой поделиться, только тебе хочу рассказать о главном.

Но слова вдруг теряются, застревают и перестают иметь смысл, и я замолкаю: не знаю, с чего начать, чем закончить, да и вообще, можно ли с тобой говорить?

Потанцуем?

Родилась и живу в Москве, окончила английский ф-т МГПУ им. В.И.Ленина, писать начала с 18 лет. В 2006 году вышел первый сборник рассказов и повестей «Лента Мебиуса». Печаталась в журналах «Разумный мир» (Москва), «Цолкер» (Ереван), литературных альманахах «Не случайные встречи» (М., 2010), «Секрет» (Израиль, 2010), в сборниках современной московской прозы «Время московское» (2007), «Московский Дом», Выпуск 1 (2010).

Член международного союза писателей «Новый Современник», руководитель проекта «Моссалит».

Осень

*Господи, дай мне с душевным спокойствием
встретить все, что принесет мне наступающий день...*

Молитва Последних Оптиных старцев

Лето перешло в осень совершенно незаметно. Просто однажды утром все увидели, что листья совсем желтые, а многие из них так и вовсе облетели и давно шуршат под ногами. А все потому, что где-то с середины лета, из-за отсутствия дождей, начались за городом пожары, и город постепенно наполнился настоящим смогом от горящих торфяников. Вот так, сквозь седое задымление, из-за которого все очертания города по утрам были подобны полотнам Сезанна, мы и не почувствовали, как дым из душно-горького и грязно-серого вдруг стал прохладным и золотистым, - наступила осень.

Мы возвращались с подмосковного кладбища, где только что опустили в землю близкого нам человека. Положили сверху венки и украсили свежий холм красными гвоздиками с обломанными стеблями, с удивлением посмотрели на образовавшуюся нелепую клумбу и, в некотором замешательстве погрузившись в машины, поехали в старый дом на поминки.

Некоторые из нас то и дело оглядывались назад на удалявшееся поле с ажурными крестами и выцветшими некогда розовыми и голубыми букетиками на черных оградах, на поле с черно-серыми надгробиями, на которых имя и две скупые даты сухо констатировали целые человеческие жизни, и не понимали, действительно ли еще минуту назад все мы имели к этому отношение. На то была

причина: мамин муж – дети звали его «Вава» – человек жизнерадостный и энергичный, никак не мог умереть. Инсульт, сказали врачи. Так, оказывается, часто случается - раз и все. Правда, какое-то короткое время его организм продолжал мучительно бороться, но те же врачи строили печальные прогнозы на случай, если бы смерть отступила: он был бы прикован к инвалидному креслу и хоть и в сознании, но почти без всякой связи с реальностью. Это было бы неправильно, да и просто невозможно для такого красивого и сильного мужчины, с которого зеленая молодежь в нашей семье частенько брала пример и многому училась. Но, видимо, где-то наверху действуют свои законы. Кому-то там виднее, что правильно и вовремя, а что нет, и как бы мы не сопротивлялись обстоятельствам и печальным событиям, став постарше и заглянув поглубже, мы рано или поздно все равно обнаруживаем пугающую закономерность всех происходящих ситуаций, которую мы так легкомысленно не замечаем.

Однако тогда мы так не думали, а просто ехали на поминки, и на душе было неопределенно пусто.

Нет, конечно, некоторые были погружены в свои достаточно конкретные мысли. Но в острые эмоциональные минуты человеческие чувства имеют свойство путаться да и проявляться крайне неуместно.

Я помню, как давно, когда мы с мужем были еще достаточно молодыми, однажды утром раздался телефонный звонок. Было лето, и жили мы тогда на даче. Тем утром к телефону подошла я - звонила мужнина родственница, она сообщила, что умерла его бабушка. Та была очень старенькой и давно болела. И хотя мы давно были готовы к неизбежному, известие оказалось неожиданным: подобные известия всегда неожиданны, и человек никогда к ним оказывается не готов. Человек вообще никогда не готов к смерти.

Узнав о случившемся, я поняла: чтобы сообщить мужу это известие, надо срочно найти какие-то особенные слова. Но особенных слов не образовалось, и я с тяжелым сердцем поплелась на террасу, где муж в это время завтракал.

Терраса была залита мягким утренним солнцем, густой запах кофе смешивался с запахом жареной яичницы с помидорами. Я посмотрела на мужа, моргнула и просто сказала: «Твоя бабушка умерла». И тут, к своему ужасу, я почувствовала, как губы мои почему-то разъезжаются в улыбке, совершенно идиотической, и я еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. А потом я еще и добавляю: «Ты бы шторы снял, совсем грязные».

Вот так бывает.

Эмоции в тот осенний день тоже путались, а потому мама из состояния надрывных переживаний и какого-то назойливого многословия вдруг переходила к деловито-озабоченным действиям, а потом внезапно становилась по-детски капризно-слезливой. Мы по очереди ее сопровождали, а поскольку то тут, то там приходилось бесконечно ждать и мерзнуть, что является неотъемлемыми особенностями подобных мероприятий, то и темы у нас у всех перескакивали с печальной на совсем другие - житейские. Частенько печальные события дают людям возможность вновь повидаться, обсудить события, узнать как дела...

Однако наша группа в основном состояла из людей близких, а потому часто встречающихся и почти все друг о друге знающих: нескольких маминых школьных друзей и дачных соседей, родственников, выросших детей, их друзей и двух неприкаянных подростков. Все перемещались от кучки к кучке, вздыхали, потирали сизые от внезапного холода носы, периодически грелись в машинах, переминались с ноги на ногу и ждали, когда придут резвые дядьки с

веревками и бойко осуществляют свою работу. Хотелось есть и согреться.

В общей толпе я смотрела на своего бывшего мужа и была благодарна ему: он примчался тут же, как узнал о случившемся, и даже неожиданно предложил заехать утром за мной и сыном. Он выглядел солидным и значимым в своих темных одеждах, и я совсем не чувствовала, что мы ни разу не виделись с ним с момента нашего развода - как будто этих пяти лет и не было вовсе, и не потому, что он или я не изменились, как раз изменились, сильно, а просто потому, видимо, что прожили мы с ним достаточно долго. Так долго, что эти временные пробелы в отношениях, прошлые обиды и уже давно наладившаяся у каждого из нас личная жизнь по-настоящему не имели к нам с ним никакого отношения - нас связывал большой кусок жизни и общий ребенок, который автоматически превращал нас в близких родственников.

Я периодически подходила к нему, отвлекала от деловых бесед, что-то говорила, грустно улыбалась и, снимая с его рукава малозаметные чужие светлые волоски, думала о том, что мы с ним все правильно сделали. Он, наверное, тоже так думал, когда глубоко затягивался сигаретой и напряженно поглядывал на меня исподлобья, изо всех сил пытаясь сохранить отстраненный и холодный вид человека, у которого все хорошо.

Когда он приехал и обнял маму, то заплакали оба, поливая слезами темные одежды. Вообще, как я уже поняла из его многочисленных ночных телефонных монологов, он каким-то образом отвечал в своей Ассоциации за подобные печальные мероприятия или помогал в этом. И тогда я подумала, что он наконец-то нашел себя: почетный караул, залпы, траурный кортеж, черные одежды,

торжественные слова, скупые мужские слезы и степенность, слабые женщины, нуждающиеся в утешении, необыкновенная сценическая значимость собственной персоны, скорбный взгляд в никуда, наполненный глубокой мыслью о бренности жизни и конечности всего сущего, и прочее, и прочее, - чем все это не Шекспир, «Гамлет», финальная сцена, трагическая развязка. Вот он мой бывший муж - вечный драматический герой.

Однако на поминки он не поехал, поскольку назойливо звонил мобильный, напоминающий о новых домашних делах, дабы он не расслаблялся и не путал прошлое с настоящим.

- Нет-нет, мне надо ехать, а то я размякну и поплыву, - многозначительно махнул он на прощание рукой моей маме и неторопливо направился к машине.

Я посмотрела ему вслед на родную ссутулившуюся широкую спину в темном пальто и поняла, что он хочет, чтобы его догнали и остановили. Я тихо бросила сыну: «Проводи его...»

На поминки поехали не все, а те, кто приехал в старый дом, выползли из машин и сразу засуетились, заполняя большое домашнее пространство темными кучками. Защелкали зажигалки, запахло сигаретами и салатами, которые тут же стали ставить на стол. Как-то неожиданно много оказалось женщин, быстрых и по-девичьи активных, то ли молодых духом, то ли просто замерзших.

Некоторые из друзей и родственников стояли на улице, на плиточной площадке, сложив на груди руки или держа в карманах, и вдыхали дымный воздух горящих торфяников:

- Надо же, уже осень наступила, - говорили они, оглядываясь по сторонам на опадающую листву и увядающие цветы, - надо же, как незаметно.

- Да, - говорили мужчины постарше, выпуская колечки сигаретного дыма, - надо же, как все получилось. И кто бы мог подумать... Вот так живешь себе, живешь и ничего не знаешь, что с тобой случится...

- Как это не знаешь? - удивлялись те, кто был помоложе, - им казалось, что они могут предугадать будущее. - Все давно известно, просто задуматься некогда.

- Да... - вновь вздыхали старшие, - одним махом все рухнуло, вон, сколько дел еще со старым домом не закончено. А сколько всего было задумано... Такое хозяйство - трудно ей теперь будет.

Но молодые энергично откликались:

- Мы все это решим! Мы рабочих найдем, а ее к себе заберем - будет с нами жить! Дом закроем до лета или... до лучших времен.

- А собаки? Собаки как же? Их же с собой не возьмешь.

- Будем приезжать еду оставлять, попросим кого-нибудь - будут кормить, заплатим - любой согласится.

- А как же кошка? Кошка как? Ведь она с котенком!

- Да придумаем что-нибудь...

- Что-нибудь когда-нибудь, - грустно качали головами взрослые, а пожилой мужчина с рыжими усами вставил: - Старый дом - это ведь как корабль. На нем плыть надо, поддерживать курс, а то ведь потонет. Рухнуть начнет - не соберешь. Нет, дом нельзя бросать, в нем жить надо.

Все сели за стол, стали раскладывать по тарелкам еду, наполнять рюмки. Потом говорили разные слова - те, которые обычно говорят в таких случаях. А еще, в паузах, говорили и о другом. Но все равно все разговоры возвращались к одному и тому же.

Напротив меня сидела мамина младшая сестра - наша тетка, уютная женщина с внимательными глазами. Работая некогда в реанимации и регулярно сталкиваясь с неприглядностью человеческих страданий, она, подобно большинству медиков, каждый раз больше заботилась о последствиях человеческих действий, нежели о характере этих действий. Мало чем отличавшаяся от других женщин нашей семьи, такая же разумная и категоричная, она выглядела в тот день усталой и смиренной. Опершись пышным телом на сложенные перед собой тяжелые округлые руки и чуть поджав губы, она с тревогой поглядывала на маму и тяжело вздыхала.

Рядом с ней сидел ее муж - Большой доктор, некогда хирург-травматолог одной из центральных московских больниц, крупный бородатый мужчина, заядлый охотник и рыболов, хозяин трех огромных псов, человек опытный и многое повидавший. С ним было спокойно и надежно, как с героями «хэппи-эндовских» голливудских фильмов.

Когда он встал, значимый и на редкость необходимый для нас в эту минуту, я почувствовала, как к горлу подкатил комок. Большой доктор внимательно обвел всех умными голубыми глазами и стал говорить, а я заплакала. Я плакала потому, что теперь, как он сказал, нам надо было жить еще и за умершего Ваву, поскольку тот очень любил жизнь. Я подумала о том, что впереди еще так много может быть потеря, что невозможно будет жить за всех, потому что мы и за себя-то жить почти не умеем.

Стало вдруг как-то всех жалко, и не из-за какой-то там бренности жизни и неизбежной конечности. А оттого, что мы - такие вечно суетливо спешащие, вечно как будто занятые, а на самом деле боящиеся показаться никчемными и незначимыми, вечно откладывающие на потом самое человеческое, а потому - самое главное, - так и не научились сопереживать, и

все не можем остановиться и спокойно присесть рядом с ближним, погладить по руке, потрепать по волосам и сказать: «Да брось ты... все хорошо будет».

Очевидно, люди старшего поколения не могли нас этому научить - сами не умели, сами не дополнили. Да и времени у них на такие «телячьи нежности» не было, поскольку, самоотверженно отказывая себе во всем, торопились строить только им ведомое светлое будущее, невольно взращивая при этом порочную теорию достижения высоких целей любыми средствами.

Мы же, их дети, в свою очередь, категорически отрекшись от такой теории, слатав кое-как высокие нравственные идеалы наших мам с попыткой мыслить самостоятельно и кое-как нести за себя ответственность, наоборот, увлеклись самим процессом: средствами и методами, порой ужасаясь тем результатам, которые получили. Да, мы - среднее поколение - уже не хотели ничего больше строить, а хотели просто жить настоящим, но и мы не дотянули. Ведь жить настоящим требует большого искусства и настоящей мудрости.

Теперь же разумное и энергичное поколение моих сестер изопренно пытается вновь подвести высоконравственную мораль под свои практические цели. Правда, вместо «во имя светлого будущего моей страны» они теперь говорят «во имя светлого будущего моей семьи», при этом вновь забывая о кропотливой работе по созданию в этой семье светлого настоящего, как о неактуальном средстве в достижении своих благородных задач.

От всего этого мне и было нас жалко.

- Пирожки, - где-то над ухом глухо прозвучал голос моей сестры, и мимо, покачиваясь, проплыло большое ароматное блюдо и исчезло на другом конце стола. Я посмотрела на маму.

Я смотрела на нее и испытывала бесконечное чувство сострадания и тревоги. Мы вместе понимали, что опять наступает какая-то новая и пока еще не очень нам понятная жизнь, к которой и ей, и нам снова придется привыкать. В одночасье разрушился старый уклад и оказавшаяся иллюзорной пасторальная картинка будущего. Перевернулась еще одна страница нашей семьи, безвозвратно оставляя в прошлом то, что еще недавно казалось незыблемым и долговечным.

Мама вдруг стала очень близкой и понятной и из вечного борца-пассионария превратилась в обычную усталую женщину, словно в одночасье отреклась от изматывающей неумной преданности вымышленным идеалам и неоспоримым догмам своего поколения, от неумолимой борьбы за универсальное «однопартийное» счастье. Она сидела совсем потерянная и наконец-то сдавшаяся - маленькая и слабая, а потому очень родная. Мне вдруг захотелось громко крикнуть ей: «Тебя обманули! Кто сказал тебе, что жизнь есть борьба? Это все лишь гордыня, а за ней - слабость и неуверенность!» Но я не крикнула, а просто обняла за плечи и привычно сказала: «Справимся».

- А я вот тут смотрела одну передачу, - услышала я откуда-то издали голос нашей дачной соседки, сидевшей рядом со мной. Это была пожилая женщина, полная, со сморщенным круглым личиком, на котором застыла поджатая улыбка. - Так надо пользоваться солью и лимоном. Одна актриса рассказывала.

Я вопросительно оглянулась, пытаюсь сосредоточиться на том, что она говорила.

- Правда, правда, - зашептала та еще энергичнее, и узкие губы ее растянулись еще больше. - Она

дважды в день так умывается, и кожа становится просто атласной.

- А, это вы про кожу, - наконец поняла я.

- Так ты своему мальчику скажи, прыщики разом все и пройдут, да и сама попробуй, - закончила соседка и откусила большой кусок пирога.

Я вновь перевела взгляд на маму, но на этот раз я постаралась мысленно представить с ней рядом папу. Но почему-то у меня это не получилось - он никак не вписывался к нам за этот стол, его образ выглядел почти неуместно.

Наши родители, познакомившись еще в школе, прожили вместе долго и, казалось, счастливо. Но однажды, сразу после серебряной свадьбы, папа принял решение уйти к другой женщине. Не знаю, насколько сильно он полюбил, что захотел одним махом разрушить прежнюю жизнь и начать новую, поскольку через несколько лет он все-таки с ней расстался. Скорее, та женщина, при всей его безусловной и скоротечной любви к ней, лишь послужила неосознанным предлогом для оправдания спасительного бегства из нашей жестко регламентированной системы семейного существования и от возвращенного за прожитые годы чувства априорной вины.

Когда папа ушел, я была уже взрослой и имела собственную семью. Его уход из дома, где все его уважали и боготворили, был для нас тогда непонятным и явился для всех большим потрясением. Мама выходила из ситуации несколько лет. Сама же я, боясь потерять с ним ту особую душевную связь, которая всегда была между нами, продолжала общаться с папой, чем навлекала на себя особый гнев матери. Я стала чувствовать себя плохой дочерью. Но мне было необходимо понять случившееся: отец был для меня не просто папой и близким другом, но и той

ниточкой, по которой я шла вглубь в познании самой себя. Я была уверена, что, только поняв и приблизившись к нему, я бы смогла приблизиться и к самой себе.

Мама же, даже по прошествии многих лет, так его до конца никогда и не простила, рассматривая его уход, как толчок ко всем нашим последующим семейным невзгодам и неустроенности. Папа безоговорочно и навсегда превратился для нее в человека, подорвавшего незыблемый фундамент семейных устоев.

Я отвлеклась от своих мыслей и огляделась. Общее напряжение постепенно спало, многие за столом курили и что-то тихо обсуждали.

Я посмотрела на свою подругу на другом конце стола. С одной стороны от нее сидел старинный мамин друг - Большой внук, высокий пожилой мужчина с рыжими усами. Они с мамой знали друг друга с детства, поскольку когда-то и он жил в нашем дачном поселке, а когда их фамильная усадьба с березовой рощей была с молотка продана, он перебрался в Москву.

Большой внук был человеком особенным: гротескным и эпатажным. Мать его была известной театральной актрисой, женщиной особой одухотворенной красоты, дед же некогда прославился как руководитель первого в стране джаз-банда, как певец и киноактер первых музыкальных фильмов. Сам же Большой внук, хоть и пожилой, но по-прежнему статный и вальяжный, был известен не просто как внук прославленного человека, но еще и как киношный оператор, человек творческий и наблюдательный. Жизнь, однако, была его много и совсем не баловала, но выросший в артистической среде, этот большой необычный человек с серебряными перстнями на пальцах полностью

впитал в себя ее дух и легкое, почти легкомысленное отношение к трудностям.

Сидя рядом с моей подругой, Большой внук без умолку что-то ей рассказывал: о жизни в семье знаменитого деда, о голодной, но веселой юности, о ВГИКе, о знаменитых приятелях – все шло нескончаемым потоком. Периодически он склонялся к ней и отечески поглаживал по спине, щекоча ее ухо густыми рыжими усами. Моя подруга каждый раз вздрагивала и тревожно оглядывалась на окружающих, дабы ее не сочли распущенной, а его - неуместным. Но никто ни на что не обращал внимания, и она скоро смирилась со своим необычным соседом и даже приветливо улыбнулась ему пару раз.

С другой стороны от нее сидел еще один наш знакомый (я знала его с детства) - Большой товарищ, а именно мамин школьный приятель, импозантный, спортивного вида мужчина в клетчатом пиджаке и затемненных очках. Жил он в Москве один, без семьи, но частенько летал и в Париж, где давно уже жили его взрослые дети. Он любил бывать в центре внимания, обычно много и красочно говорил, поводя рукой с сигаретой и чуть кривя со снисхождением улыбку, обнажая ряд безупречных зубов. А говорил он о французских винах, об отменном качестве европейских дорог, о красотах Швейцарских озер, об именитых и полезных людях, кои являлись его друзьями и знакомыми и были необходимы для успешной карьеры; а еще он сетовал на трудности, нам и вовсе неведомые, с которыми ему приходилось сталкиваться, будучи отцом известной во всем мире женщины-тореадора.

Я была рада, что Большой товарищ оказался рядом с моей подругой, поскольку уже давно имела тайное намерение их познакомить. Мне казалось, что оба они об этом догадывались и против ничего не

имели, однако внешне они всячески пренебрегали моими стараниями. Большой товарищ в тот день сидел напряженный и периодически поглядывал на часы, всем своим видом подчеркивая крайнюю деловитость.

Встала мама и возбужденно произнесла трогательный монолог о любви, ревности и человеческой привязанности, пытаюсь всех убедить в том, что умерший муж и не любил ее вовсе, во всяком случае так, как она того хотела. Но ей тут же возразила ее старая школьная подруга и строгим голосом привела множество доводов против, а мамина сестра, наша тетка, укоризненно покачала головой, поправила в волосах ажурную черную ленту и проговорила:

- Вечно ты что-нибудь напридумаешь! С детства сочиняешь.

- Нет-нет, она права, - неожиданно раздался голос Большого внука с другого конца стола, - тебя, моя дорогая, мог вытерпеть только твой муж! Ведь ты сложный человек! А он молодец был, настоящий Лев!

- Да, - почему-то горделиво проговорила мама, - я сложный человек, ко мне еще надо ключик найти.

- А у нас все такие, - не очень радостно усмехнулась мамина сестра, подцепив кончиком вилки маслину и отправляя себе в рот. - Мы ведь все эгоистки, кого не возьми. И мать наша была такая, и тетка. Любим вечно быть в центре внимания, чего уж тут греха таить, уж очень любим, чтоб все по-нашему было.

- Да-да, - вновь согласился Большой внук, - это точно! Я ведь всю вашу семью с детства знаю. Что ни женщина, то особый характер, талантище! И все-то они знают, и все умеют - любому мужику фору дадут! Эх, сильные женщины, красивые — для таких и мужик должен быть особенным.

- Уж это точно, - пробасил Большой доктор и обнял жену за полные плечи, - еще ваша мать, покойница, царство ей небесное, говорила мне: «Самоубийцей надо быть, чтобы на дочери моей жениться».

- Да бросьте вы, - звонким голосом вмешалась мамина школьная подруга, - никакие они не особенные. Обыкновенные люди. Я тоже всю семью их знала, еще школьницей у них часто в доме бывала. У нас у всех тогда такие семьи были - просто поколение было другое, крепче, посильнее духом, глаза горели! Принципиальные были люди, мнение смело свое отстаивали, а по-другому и нельзя было!

- Уж это да! - тут же поддержала ее мама и обвела взглядом всех присутствующих. - Много было гордых, сильных людей, на них вся страна смотрела!

- Да и жизнь не баловала, всех проверяла! - добавила школьная подруга. - И никаких тут нет ни загадок, ни сложностей!

- Все люди сложные, - безвкусно заметил Большой товарищ и, кашлянув, поправил очки.

Я под села к маме и взяла ее за руку:

- Ты как?

- Никак, - ответила она, устало подперев кулаком щеку.

Стеклянные двери были широко открыты, и перед домом виднелась кучка разновеликих мальчишек в широких по моде штанах и объемных толстовках, что-то бурно обсуждавших и перебивавших друг друга. Среди них была одна девочка, самая младшая, в розовой шапочке, съехавшей на одно ухо.

- Не понимаю, как можно так детей одевать, - задумчиво проговорила мама, неожиданно сосредоточив на детях свой взгляд.

- А по-моему, неплохо, в стиле времени, - сказала я, поглядывая на своего сына и замечая, что недавно купленные модные штаны уже стали коротки.

- Ты знаешь, - сказала мама, - ведь когда у меня родилась старшая дочка, с детской одеждой была целая проблема - все сама ей и шила, и вязала. Вечно что-то по ночам костролямзила и ей, и себе... А все думали, что это я из-за границы привожу.

- Кто родился? - переспросила я.

- Старшая дочь. А что? - удивилась мама и скосила на меня глаза.

- Это я, что ли?

Мама смерила меня взглядом и усмехнулась:

- Ну да, вроде как ты, - и продолжила, - а все равно дети были у нас одеты с большим вкусом. А вы вот понакупите за бешеные деньги одежды черт-те какой, оденете раз или два и все - уже не нужно! Да и сами в пендиреях ходите.

- Почему это? - возмутилась я.

- Эх, потерялось где-то в мире чувство гармонии и пропорции... - не обратив внимания на мои возражения, говорила мама. - Хоть бы со мной советовались, я ведь жизнь прожила, плохого не подскажу...

- Да нам самим хочется... - тихо вставила я.

- Да, жалко вас, глупых, вы же время тратите, а его не вернешь. Слушали бы хоть, что вам старшие говорят, - мама горестно вздохнула и укоризненно покачала головой, - ничего не слушаете! Все мимо ушей! Поэтому и ценить ничего не умеете, все вам лишь бы раздать, выбросить, а ведь сколько детей сейчас голодает!

Я вздохнула, похлопала маму по мягкой руке и перевела взгляд на окно.

С дерева оторвалась сухая ветка и мягко приземлилась на ярко-желтые листья. Заметив это, с порога вскочила рыжая дворняга и неуклюже

потрусил на тонких ногах вглубь деревьев. Тут же за ней поспешила другая - молодой резвый пес, который, путаясь в лапах, всячески пытался ухватить свою подругу за клокастые ноги. Глухо звякнуло ведро, и упала прислоненная к лестнице детская лопатка.

- Можно мне сказать! - робко прозвучал тонкий голосок моей подруги с другого конца стола.

Она встала и неожиданно стала похожа на школьницу у доски, прилежно и с искренним воодушевлением излагающую отрывок из «Войны и мира». Под общий медленно стихнувший гул все повернулись в ее сторону и подбадривающе закивали головами. Она говорила о Ваве, его необыкновенной доброжелательности и о той теплоте, которую он дарил всем окружающим, и все с ней были согласны, а моложавая школьная подруга резюмировала:

- Правильно, правильно! Ведь человеку так нужно тепло, его надо дарить другим!

- Его надо уметь дарить другим, - вздохнул кто-то.

Последнее замечание вновь вернуло меня к прерванным мыслям. Спустя три тяжелых и неопределенных года после развода, мама наконец стала жить с другим мужчиной. Постепенно, скорее благодаря каким-то особым маминым природным способностям и естественному женскому желанию устроить жизнь свою и своих детей, у них все хорошо сложилось, и мы с сестрой были тому очень рады.

Но радость моя была, скорее, от разума, чем от души. Так уж получилось по жизни, что поначалу симпатии у меня к ее мужу не было, и не было долго. И теперь я испытывала пронзительное чувство вины, мое личное, что душой я его так и не приняла.

Он был, как инородное тело, как будто из какой-то другой жизни - ни плохой, ни хорошей - просто

другой. Мне трудно было поначалу понять, что он говорил, почему делал так, а не иначе; мне не понятны были его шутки и истории, меня раздражала его нарочитая манера вести себя, категоричность взглядов, вспыльчивость. Выросший в Крыму, он впитал в себя стремление к широкой жизни, красивым словам, к столам, ломящимся от фруктов и вина, и к жесткому мужскому единоначалию. А потому, не привыкшая к теплым словам и широким жестам в нашей скупой на чувства семье, я находила его порой неуместным и невоспитанным, а его комплименты - чересчур приторными. В нем жила какая-то избыточность, какая-то, как мне тогда казалось, нескромная неумеренность. Кроме того, мне казалось, что он был далек от психологии, от анализа происходящих событий, что само по себе не было ни плохим, ни хорошим качеством, но именно это-то меня долгое время и угнетало, превращая нас с ним в людей, живущих и воспринимающих жизнь в разных плоскостях. Он шел по жизни горизонтально, даже не предполагая поначалу, что есть еще и вертикальное движение.

Но время шло. Я понимала, что маме необходимо его присутствие, и вообще «так было надо», поэтому не обсуждалось. Я понимала, что так и всем будет лучше, поэтому свыклась, научилась слушать, понимать и не обижаться на него. Постепенно мне стало приятно видеть его, отвечать на его улыбку. Я вдруг разглядела в нем необыкновенно красивого, сильного и жизнерадостного человека. Короче, я смирилась с ним таким, каким он был.

Со временем он и сам расслабился, стал мягче и искреннее, и я была благодарна ему за открытость, и за внимание к нашей матери, и за помощь нашей семье, и за ту любовь, с которой он относился к сестринским детям да и ко всем нам. Я видела, что и он принял и меня, и сестру, а потом вскоре и наших

мужей, и детей. Он стал частью нашей семьи, и дети стали звать его Вавой.

А вот потом что-то опять стало меняться - то ли он стал стареть, то ли особый мамин характер сыграл свою роль, то ли просто жизнь стала выставлять счета, а может, я просто сама стала старше. Но вместе с симпатией к нему я стала постепенно испытывать другое, мне непонятное чувство - жалость. Это чувство, странное и предательское, со временем во мне нарастало все больше и больше. Я стала замечать, как самоуверенный, почти бунтующий взгляд этого внешне царственного человека постепенно перешел в пустой, растерянный взор; как легкий, мобильный образ жизни, продиктованный блестящим спортивным и карьерным прошлым, сменился добровольной оседлостью и монотонными хозяйственными буднями; как собственные увлечения и интересы вытеснились чужими целями, обманчиво принятыми им за собственную жизнь; как резкие, протестующие вспышки своего еще тлеющего «я» сменила покорность сложившимся обстоятельствам.

Все эти изменения неизбежно привели к тому, что наш Вава неоправданно рано стал жить лишь воспоминаниями былых доблестных дней, полностью отказавшись от каких-либо попыток влиться в новое течение времени. Он по-старчески стал ругать молодежь, политиков и нынешнюю жизнь, рассказывал хоть и забавные, но постоянно повторяющиеся истории из прошлого, когда он был большим начальником. Он стал говорить маминими словами и занял нишу смирившегося человека. Он принял условия чужой игры, а, точнее, нашей, до конца игру эту не приняв за свою, поскольку не мог и не хотел играть в семье второстепенную роль, а другой ему не отводилось. Мне было совершенно непонятно, почему он принимал то, что ему предлагалось и называлось с некоторых пор жизнью, почему он не

сумел найти в себе силы устроить эту жизнь на свой особенный манер, почему не нашел в ней комфортного места для своей души или почему, наконец, не нашел в себе сил просто уйти. Из непокорного Льва – хозяина своего прайда, он добровольно превратился в Льва поверженного, которого, казалось, теперь все устраивало.

И я вдруг начала почти ностальгически тосковать по всем тем его качествам, которые когда-то меня так раздражали и мною не принимались, но которые некогда и составляли всю суть его настоящего естества.

А поняла я это внезапно, и поводом тому послужил совсем незначительный эпизод. Будучи на даче, где мама с мужем жили уже постоянно, перебравшись из города и полностью уйдя в хозяйство и капитальный ремонт старого дома, я стала свидетелем какой-то их домашней хозяйственной ссоры, в ходе которой наступательную позицию, как, впрочем, и всегда, занимала наша мама. Мнения были разные, никто, как водится, никого кроме себя не слышал, поскольку эмоции в доме всегда выражались громко и пестрели метафорами и эпитетами художественного свойства.

Надо учесть, что вся женская половина семьи владела особым даром изощренного красноречия. Однако все та же половина семьи – то ли генетически, то ли из-за особой неуверенности в себе – обманчиво полагала, что ее мнение безошибочно и универсально, независимо от рода и сферы деятельности, а посему это мнение выражалось категорично, с высоко поднятыми бровями и хорошо поставленной речью. Если же вдруг оппонент выражал противоположную точку зрения или иную позицию, то это всегда расценивалось как свидетельство того, что человек этот просто чего-то не понимает или глубоко заблуждается в силу ограниченности своего

мышления и воспитания, и ему просто надо все хорошенько объяснить или переубедить... или настоять!

Споры подобного рода носили, прямо сказать, изнуряющий и бессмысленный характер и с детства были для меня прямым доказательством того, что истина в спорах не рождается. Чтобы избежать подобных «схваток», для слабых легче было согласиться и безоговорочно все исполнить (если речь шла о каких-то семейных решениях), а для сильных же – перевести все в шутку и... потом тоже согласиться. Второй способ был предпочтительней хотя бы потому, что добровольная сдача оружия всегда создает впечатление свободного выбора и не так сильно бьет по самолюбию.

Вава в тот вечер, не имея ни желания, ни сил возражать, хлопнул дверью и гулко простучал ногами на второй этаж по железной винтовой лестнице.

Спустя какое-то время все успокоились, оставшиеся начали перебрасываться шутками, обсуждать друг друга, звенеть чашками и заваривать чай, забыв не только о ссоре, но даже и о предмете бурного разговора (отходчивость – достойная черта нашего семейства). Что-то мне тогда понадобилось в своей комнате, поэтому я поднялась наверх. Замешкавшись на верхней ступеньке лестницы, я увидела, что дверь в комнату, считавшуюся в доме комнатой для гостей, и в которой спал Вава, была чуть приоткрыта, и в ней горел свет. Проходя мимо, я чуть замедлила шаг и незаметно заглянула внутрь. Вава сидел на неразобранной кровати, в очках, с газетой в руках, и, казалось, что-то внимательно читал. Я увидела его красивый, почти античный профиль, высвеченный тусклым светом настольной лампы, и в который раз отметила про себя особую южную красоту этого человека. Но, приглядевшись повнимательнее, я вдруг увидела, что он вовсе и не

был поглощен чтением, а растерянно смотрел поверх газеты, неестественно ссутулив широкие плечи, словно разглядывал что-то странное на крашенном дощатом полу. Рядом на тумбочке стояла пепельница полная окурков и валялась мягая пачка «Пегаса». Я внезапно испытала какое-то смешанное чувство вспыхнувшего участия и одновременно отторжения, нежелания видеть его таким слабым и покорным, словно застывшим в смиренной позе.

Вот тогда-то я вдруг и поняла, что и он все понимает и, хотя и играет добровольно свою роль, но внутри себя глубоко переживает борьбу между «я» истинным и «я» приобретенным, борьбу не на жизнь, а на смерть.

Мне захотелось тогда войти к нему, сесть рядом, спросить о чем-нибудь, что только было ему интересно, или просто заговорить о какой-нибудь ерунде, отвлечь от тяжелых мыслей, а потом взять за руку и увести вниз пить чай, шутить и обсуждать прошедший день. Но я почему-то прошла мимо, уверенная в том, что меня это не касается, да и потом еще наверняка представится подобный случай, и я смогу сказать ему хорошие слова.

И я оставила его сидеть в желтом свете настольной лампы в комнате, считавшейся комнатой для гостей. Уже тогда я ощутила щемящее чувство, которое тут же в себе заглушила, чувство, что буду всегда жалеть об этом.

Так и получилось.

Муж моей младшей сестры, Большой муж, крупный молодой мужчина, устало сидел за общим столом в глубокой задумчивости. В какой-то момент его взгляд пересекся со взглядом моей взрослой подруги, и она заметила в его глазах слезы. Встречаясь с ним большей частью у меня дома на всевозможных праздниках и чаепитиях, она всегда

видела его веселым, «по-барски» широким и снисходительным. Теперь же, в день похорон Вавы, этот человек выглядел потерянным, словно его истинная душа неожиданно выглянула из-под жесткой брони напускного веселья и внешнего спокойствия.

Тронутая до глубины души и желая оказать ему дружескую поддержку, моя подруга, не задумываясь, оставила своих кавалеров и устремилась к Большому мужу. Она тихонько опустилась с ним рядом и, чуть ссутулившись и задрав к потолку подбородок, закурила. Она боялась, что он действительно вдруг заплачет и ему станет неудобно перед ней, поэтому она смотрела вперед и говорила:

- Ужасно это все, что говорить. Ваву жалко очень. Так много людей ушло в этот год, даже страшно становится.

Сестринский муж прерывисто вздохнул, как ребенок после долгих слез, и покачал головой, потом провел по глазам основанием ладони и взял рюмку водки:

- Теперь уж я точно погибну, - заключил он, держа рюмку прямо перед собой и разглядывая ее содержимое.

Моя подруга повернула голову и вопросительно посмотрела на него, а он продолжал:

- Теперь я остался один - я потерял не только мужскую поддержку, но и единомышленника. Теперь я уже с ними не справлюсь, - еще более решительно повторил он и опрокинул рюмку.

- «С ними» — это с кем? - испугано спросила моя подруга, как будто речь шла о каком-то полчище солдат.

- С кем, с кем, - вздохнул Большой муж, - мои силы на исходе, я еле держусь... - добавил он с отчаянием в голосе, хотя, судя по его комплекции и с

его боевыми навыками, он мог бы легко справиться и с не одним десятком коварных врагов.

- Ну, - неуверенно пожала плечами моя подруга, начиная понимать, о ком идет речь, и стараясь не быть категоричной, - а ты старайся не сдавать своих позиций, ведь ты хозяин в доме... Сопровствляйся!

- Сопровствляйся, - как-то зловеще проговорил Большой муж и шумно вздохнул, - легко сказать, - потом вдруг посмотрел на свою маленькую дочку, четырехлетнюю девочку в розовой шапочке, которая в тот момент весело вбежала в дом, и неожиданно сказал: - Я вижу ее фотомodelью...

- Да, - искренне обрадовалась моя подруга, надеясь, что они поменяли тему. - Я уже говорила, повторю и сейчас - она будет очень интересная девушка, когда вырастет. У нее особенный взгляд - взрослый, очень внимательный.

- Правда? - также искренне обрадовался сестринский муж, найдя поддержку.

- Правда, правда, - продолжала его собеседница. - Будет высокая, красивая!

- Есть в кого, - расправив плечи, гордо согласился Большой муж и мечтательно проговорил: - Очень хочу, чтобы она стала фотомodelью...

Последнее слово было сказано достаточно громко, а потому три женские головки, как три головы одного дракона, медленно повернулись в его сторону. Большой муж, очевидно, понял, что допустил промах, но было уже поздно. Поняла это и моя подруга, а потому тут же отвернулась от провинившегося, нервно схватила с большого блюда пирожок и принялась сосредоточенно жевать.

- Кем-кем ты хочешь, чтобы стала наша дочь? - насмешливо переспросила голова помладше. - Вы слышали? Фотомodelью! И это говорит человек, который считает, что любит своего ребенка, который желает ему счастья и заботится о его будущем! Вместо

того, чтобы дать дочери соответствующее образование, чтобы она могла работать в престижной компании, он хочет сделать из нее модель!

- Я и образование дам, - тихо сказал Большой муж в свое оправдание, - а моделью она будет так, вроде как хобби, не навсегда же...

- Ну, не знаю, - хмыкнула все та же голова, - она и так все время перед зеркалом вертится, а ты ее поддерживаешь! Я всегда знала, что дети для тебя просто игрушки!

- Это, конечно, не мое дело, - вкрадчиво заговорила голова вторая, чуть постарше, - но мне кажется, что девочку ни в коем случае нельзя отдавать в этом направлении, с образованием или без. Шоу-бизнес имеет свои законы, там люди мало интересуются своим внутренним миром, их волнует только внешняя сторона медали... Я не ожидала от тебя услышать такое, как ты мог...

- Да что тут обсуждать! - воскликнула третья голова, самая старшая и самая решительная. - Нет, нет, это исключено! Это же клоака! Как можно так ребенком рисковать ради собственного удовольствия. Никто не допустит ребенку судьбу ломать! Ведь все же знают, что за нравы в той среде!

Все трое - моя сестра, я и мама - торжественно отвернулись, тем самым показывая, что разговор закончен, тема закрыта, враг побежден.

Не сговариваясь, моя подруга и Большой муж вновь украдкой посмотрели друг на друга:

- А я хочу, чтобы она была фотомodelью... - упрямо прошептал он.

- А ты сопротивляйся... - также шепотом ответила она.

Когда я утром проснулась в тот день, я уже знала, что Вава умрет. И в этом не было никакой мистики, просто в ту ночь я видела сон.

Была суббота, и мы ходили с сыном на рынок за продуктами, и я сказала ему, что ночью видела сон, и, скорее всего, все будет плохо. А к вечеру, когда уже было темно, нам позвонил сестринский муж и сообщил, что Вава умер. Мы с сыном тут же помчались к маме в наш загородный дом, но по дороге машина сломалась, и приехал за нами Большой муж и потащил на дачу на буксире по темным загородным дорогам.

Был уже одиннадцатый час, когда мы вошли в дом, где тихо что-то обсуждали, а мама то отчаянно плакала, то погружалась в забытие, а Большой доктор и наша тетка сидели с ней рядом и говорили о чем-то отвлеченном: о врачах, лекарствах, о Боге и о детях.

Мой сон был простой. Но он имел некоторую предысторию.

В начале лета у меня был день рождения. Как всегда, пришли мои близкие друзья, даже приехали ребята из Питера. Приехали с дачи и мама с Вавой. После праздничного стола все расслабились, начались танцы, и я в какой-то момент стала приглашать танцевать Ваву. Он смеялся, отказывался, поскольку танцевать не любил, а я настаивала, вспоминала, что мы уже однажды на каком-то празднике отплясывали, и он был великолепен. Но Вава все равно отнекивался, говорил, что вышел из юного возраста - короче, стеснялся. Помню, я так тогда и не сумела его уговорить и переключилась на гостей.

Правда, потом я ему это в шутку «припомнила» - значительно позже, когда он уже оказался в больнице, а я приехала с мамой навестить его. Это было мое первое посещение, а всего их было два. Когда я в тот день вошла в палату, у меня перехватило дыхание: «Нет, - отказывались верить мои глаза, - этого не может быть!»

На больничной кровати лежал беспомощный Вава, наполовину парализованный, мгновенно

постаревший, худой, с посеревшим лицом и с заострившимися носом и скулами. Это был не он, это было лишь его подобие, что-то слабое, беззащитное, стремительно теряющее с нами связь.

И вместе с тем это был все-таки он. В те минуты, когда он был в сознании, он смотрел на нас недоумевающими испуганными глазами, стараясь за нашими приободряющими улыбками разглядеть правду, чтобы затем вновь погрузиться в беспамятство.

Мы не были уверены, понимал ли он нас, узнал ли, когда медленно переводил взгляд с одного из нас на другого. Только тогда я поняла, сколь мгновенным и страшным может быть превращение сильного человека в беспомощное существо, сколь иллюзорна и кратковременна наша сила, насмешливо перечеркнутая жестокой рукой судьбы. Я знала об этом, но не видела воочию. И от этого мне сразу стало страшно.

Я помню, как подошла к нему и взяла за холодную сухую руку. Нарочито бодрым голосом, напоминающим голос ведущих детских телепередач, я начала говорить, что все будет хорошо, что все образуется, что мы скоро заберем его домой, что там его все ждут: и взрослые, и дети, и собаки, и кошка, что все будет по-старому...

А потом еще добавила, наигранно кокетливым голосом, отчего в ту минуту себя ненавидела:

«Мы еще с тобой танцевать будем, как раньше. У тебя должок передо мной - ты мне танец должен, помнишь?»

Он медленно поднял тогда отяжелевшие веки и нашел меня глазами, пальцы шевельнулись, и неожиданно ожившая рука его крепко сжала мою руку, на лице дрогнули уголки губ, словно складывались в подобие улыбки. Но тут он тяжело

вздохнул, надрывно закашлялся и вновь устало закрыл глаза.

«Смотри, смотри, - шепотом заговорила мама. - Надо же, он узнал тебя!»

Это была надежда.

Я никогда раньше не знала, что надежда может быть такой хрупкой и безжалостной, она была такая прозрачная, мгновенная и прохладная, словно легкий ветерок - влетел в форточку и тут же растворился во внутреннем пространстве, а ты его еще ждешь или хотя бы только намека на него.

«Господи, - тогда пронеслось у меня в голове, - не делай с ним этого...»

Через несколько дней я увидела тот сон. Сначала я стояла в какой-то пустой темной комнате, а потом ко мне из дальнего ее угла подошел Вава в голубой джинсовой рубашке и светлых брюках, подошел пружинистой спортивной походкой, чуть вразвалочку, и протянул ко мне руки. Я не удивилась этому странному жесту, а положила руки ему на плечи, и мы начали танцевать что-то похожее на вальс. Мы кружили в воздухе совершенно безвесные, и мне не показалось странным, что мы такие легкие. Мы танцевали, поднимаясь все выше и выше к потолку этой темной комнаты, и потолок поднимался вместе с нами, словно мы поднимались в космос. А потом он отпустил меня и с его обычной легкой усмешкой сказал: «Ну, все, теперь я тебе ничего не должен».

Тут я проснулась и начала ждать телефонного звонка.

Отнеся на кухню пустые тарелки, я возвращалась к столу. Проходя мимо книжного шкафа, я машинально взяла первую попавшуюся книгу и открыла в самом начале. Это была «Женщина в гриме» Франсуазы Саган. Я прочитала: «Подходил к концу летний день, а на смену ему надвигался

осенний вечер, и в воздухе витало нечто томное, золотое, великолепное, но, безусловно, тленное; получалось, будто эта красота обречена на гибель именно в силу своей избыточности».

Избыточность. Кто устанавливает ее меру? Кто-то сверху? Я проговорила про себя: «Тленное...» и подумала, что понять это сложно. А еще я подумала, что гибель от избыточности не такое уж и редкое явление - умереть от избытка болезней, кровяного давления, чувств, любви или тоски... Все должно быть умеренно - это безопасно, хотя и ужасно безвкусно.

Я вернулась в столовую и села за стол поближе к своим младшим сестрам.

Мама внимательно смотрела на нас и хмурилась. Перед ней сидели три худые крашенные блондинки, затянутые в узкие юбки и темные свитера, которые хоть и отличались друг от друга возрастом и длиной волос, все же были чрезвычайно похожи. И не понятно было, в чем же их схожесть: одна ли это дань моде или дело все же не в цвете волос или в фасоне одежды, а в чем-то другом? Например, в категоричном повороте головы, лукавом блеске глаз, неожиданной растерянности во взгляде или, быть может, в какой-то схожей задумчивости, в которую иногда погружалась то одна, то другая, оставляя на лице лишь маску формальной доброжелательности.

Мама смотрела на нас и, казалось, в ту минуту до конца не понимала, кто же из них трех ее старшая дочь, кто младшая, а кто племянница. Мама все же попыталась обратиться к кому-то из нас, но мы в тот момент ее не слышали, увлеченные разговором о собственных детях, а потому и не заметили ни ее внимательного взгляда, ни ее к нам обращения.

По сути дела, мы жаловались друг другу на собственных детей, на то, что они, как и все другие

дети, не слушаются и хитрят, отлынивают от уроков и поздно ложатся спать.

Однако мама, отличаясь педагогической настойчивостью, после нескольких тщетных попыток до нас докричаться, решительно встала и подошла поближе:

- Товарищи клоны, - строго сказала она. - Я хочу обратить ваше внимание на то, что на улице очень холодно, осень, а ваши дети бегают без шарфов и шапок. Вы, милые мои, что, шутите, что ли, разве можно так рисковать?!

- Да не хо-о-лодно... - с досадой затаили мы, сами подобные капризным детям, - мы не будем никого кутать, это вре-е-дно, а если дети заме-ерзнут - сами придут, пусть они будут самостоятельными!

- Ну, ты посмотри! - рассердилась мама, привлекая всеобщее внимание. - Мое дело предупредить, - она махнула рукой и решительно направилась вглубь дома на поиски шарфов и шапок. - Дурищи бестолковые, одно сею-вею в голове, - продолжала она громко возмущаться, - а дети потом с температурой лежать будут - мне ведь с ними сидеть придется! Совсем детей не жалеют... Только о себе и думают. А дети разве понимают, что замерзли, - им же это вдолбить в голову надо... собственные дочери и то до сих пор бестолковыми остались...

Мы переглянулись, дернули плечами и вернулись к прерванному разговору.

«Надвигался осенний вечер», и солнце медленно исчезало за темными деревьями, словно раскаленный металлический шар опускался с шипением в черную воду.

На площадке перед домом стояли люди, курили и что-то обсуждали. Я тоже вышла из дома и глубоко вдохнула прохладный воздух. Неожиданно от группки мужчин отделилась темная фигура Большого внука:

-Наша малышечка пришла, пришла наша умница!

Я приветливо улыбнулась, никак не понимая, однако, почему он называл меня «малышечкой», ведь я была из сестер старшей. Очевидно, он говорил это относительно своего собственного возраста и рассматривал меня как некий объект внимания. Он возвысился рядом со мной, как памятник, в черной широкой рубашке, с толстой серебряной цепью на шее.

- Ты продолжаешь писать, малышечка? - заинтересованно спросил Большой внук, обнимая меня за плечи своей могучей рукой. - Пиши, маленькая, ты - умница. Ах, какие сцены!.. Я ведь помню, как ты этот дом описывала, какие у тебя детки славные получились.

- Надо же, - искренне удивилась я. - Вы даже помните, о чем я писала!

- Конечно, малышечка, помню! - воскликнул мой собеседник и тут же добавил: - А ты думаешь, малышечка, у меня склероз, меня на свалку пора? Нет, дружок, это только так кажется. Я помню, как в твоём рассказе маленькая девчушка на машине катается.

- Да нет, - поспешила я объяснить, - вовсе я и не думаю, что у вас склероз. Просто решила, что вы меня с моими сестрами путаете, - нас все путают...

- Да нет, малышечка, я не путаю, разве вас спутать можно - вы же совсем разные! Птички похожие, да чирикают каждая на свой лад!

Я улыбнулась и попыталась что-то сказать, но Большой внук сам продолжил:

- Нет-нет, я все помню. Я вот помню, как ты с этим парнем приезжала сюда на Рождество, он тогда мне все рассказывал, как на машине перевернулся. А ведь он тебе близкий человек был, малышечка, я ведь видел... Родной он тебе был...

- Был, - задумчиво откликнулась я.
- Да... вот ведь она какая, эта жизнь, - вздохнул мой большой собеседник. - Ведь тогда, когда он на машине перевернулся и чудом жив остался, - это вам как предупреждение было, да только ты, малышечка, этого не поняла... А он-то понял все, уже тогда, я видел - у него такие глаза были, когда он о тебе говорил... знаешь, какие-то особенные, что ли. А на нем ведь, малышечка, уже тогда печать была, печать обреченности, он словно уже тогда свой конец видел. - Он вдруг наклонился и с удивлением заглянул мне в глаза. - А ты что, маленькая, разве не видела?

- Я не видела, - пробормотала я, пытаюсь как-то выскользнуть из-под его тяжелой руки.

- Ничего?

- Ничего.

- Ну, надо же? А я все видел. Да... Я вообще много видел - ведь я очень долго живу. Вот тебя, малышечка, еще совсем крошечкой видел, в коляске сидела: глазенками хлопаешь, ручками машешь, тридцать три платка поверх шапочки намотано - на груди крестом, на спине узлом - зима была, вот тебя мамка и кутала, все боялась, что замерзнешь... А ведь зимы тогда холодные были, не то что сейчас - одна слякоть да грязь. Так вот, сидишь ты в коляске - не ребенок, а шар шерстяной - и что-то такое свое гугукаешь... А теперь вон какая выросла, жизнь какая-то своя у тебя течет, пишешь что-то... Эх, малышечка, и почему, скажи, ты так пишешь? - вновь спросил он, глубоко вздыхая и обращаясь, скорее, не ко мне, а ко всему окружающему нас лесному пространству.

Я обрадовалась, что он вновь вернулся к теме творчества и моих «великих» нетленок, поскольку, если сказать откровенно, его воспоминания о моих детских гугуканиях мне вовсе не показались трогательными. Поэтому в ответ на его вопрос, в котором, на мой взгляд, уже угадывался ответ, я

скромно пожала плечами и горделиво тоже посмотрела вдаль:

- Как чувствую, так и пишу... - сказала я как можно скромнее, чуть сощутив глаза и напуская на себя чуть философский вид, как мне тогда казалось, обязательный для истинно творческой особы.

- А почему ты так чувствуешь? - не унимался Большой внук. - Почему? А? - тут он неожиданно резко наклонил голову и стукнулся лбом о мой затылок.

Я вздрогнула и испуганно посмотрела на него снизу, но оказалось, что он это сделал намеренно, дабы сильнее подчеркнуть значимость своих слов. Я хотела ему что-то ответить, но он опять не дал мне и слова сказать:

- Как же так? Откуда это? А ведь ты красивая женщина, посмотри какие у тебя ноги, - в его голосе звучало восхищение, и я почувствовала, как его рука соскользнула на мою талию.

Я опустила глаза и с любопытством посмотрела на свои ноги - из-под узкой черной юбки торчали две худые конечности с острыми коленками. Я разочарованно вздохнула и засомневалась в его искренности.

- Обычные ноги, - пробормотала я неуверенно, - обычная я...

- Да не-ет, малышечка, не обычная ты - ты посмотри на себя! - тут он еще крепче прижал меня к себе и перешел на таинственный шепот. - Ты ведь такая славная, а посмотри, что же ты с собой делаешь? Ты че?

- А что я с собой делаю? - я резко отстранилась и гордо дернула плечами. - Живу как все и ничего такого я с собой не делаю.

- Нет, делаешь! Кто ж это такой умный надоемил тебя все анализировать, во всем копать, «во всем дойти до самой сути»? Ах, да! - воскликнул он и

театрально стукнул себя ладонью по лбу. - Воспитание, школа, эпоха!

- Да я вовсе и не копаю ничего! Что вижу, то и пишу. Я - простой созерцатель, - попыталась возразить я, но Большой внук меня яростно перебил:

- Нет, копаешь! Бессмысленный поиск первопричин! Эх, и кому теперь все это надо? Ну разве так можно, малышечка? Ну зачем же ты так? - в его голосе больше не было восхищения. Я совершенно перестала его понимать, тем более что продолжил он с явным упреком: - Ну разве можно быть такой зверушкой въедливой, такой пристальной? Ведь ты во всем свое мнение имеешь! От семьи отрываешься! Зачем? Какая глупость! Зачем тебе это надо, малышечка? Тебе же трудно! Ну зачем же ты так? А ведь была такой славной девочкой! В коляске сидела! Как же так можно! Ну кто же это из близких вытерпит? Никто не вытерпит! Никто и никогда! Особенно мужчины! - тут он трагически вздохнул и неожиданно резко выпустил меня, сложил на груди руки с длинными пальцами в серебряных перстнях, вновь посмотрел куда-то вглубь золотого леса и уверенно резюмировал: - Да, мужчины особенно. Мужчинам надо совсем другое, совсем... Зря ты так, малышечка, эх зря!

Воцарилось торжественное молчание. Не найдя что ответить и почувствовав себя приговоренной, я растерянно моргнула.

«Какая бессмысленная получилась у меня жизнь, - подумала я, ощущая горьковатый привкус обиды. - Значит, вот тебе и все: из закутанного, еле дышащего ребенка, отчаянно пытающегося всем объяснить, что ему жарко и трудно дышать, но вместо этого лишь издающего сдавленные гу-гукающие звуки, так умиляющие бестолковых взрослых, я превратилась во въедливую зверушку. Да уж, не удивительно, что теперь я с повышенным вниманием ко всему

приглядываюсь и прислушиваюсь: а вдруг кому-то тоже трудно дышать. Хотя...» - я повернулась, чтобы гордо удалиться в дом, но тут же на пороге столкнулась с нашей дачной соседкой: к большой груди она прижимала охапку разноцветной детской одежды.

- Дети! Идите шапки оденьте, - зычно закричала она, решительно отстраняя меня в сторону.

На фоне нашего большого дома она выглядела маленькой и круглой. Старая вязаная шапочка сползла на затылок, и из-под нее выбивались редкие пряди седых волос, а накинутый на плечи потрепанный плащ был явно с чьего-то мужского плеча. Она извлекла из охапки какие-то вещи и замахала ими в воздухе, словно сдаваясь в плен.

- Я кому говорю, идите сейчас же сюда! Осень на дворе, воздух холодный, шапки оденьте, уши заболят!

Но дети ее не слышали и, если и видели, то явно не понимали, зачем это соседка руками машет. В какой-то момент один из них попытался стремительно вбежать в дом, но пожилая женщина решительно преградила ему дорогу и, ловко ухватив за яркую толстовку, грозным голосом проговорила:

- Я кому сказала, одеться надо, бабушка велит!

Мальчуган попытался дернуть рукой, но соседка нахмурила брови:

- Одевайся! А то я вот *отцу-то* скажу, он тебе задаст!

Мальчик резко дернулся и, обретя свободу, тут же крикнул, вновь исчезая в темных деревьях:

- А я своему папе скажу, и он сам задаст этому *отцу*!

- Черти, - покачала головой соседка и, махнув рукой, достала из глубокого кармана мятую пачку сигарет и закурила.

В доме убирали со стола, на кухне шумела вода и звенела посуда. С подносом в руках, нагруженным пустыми салатницами и тарелками, я прошла через сквозную Красную комнату.

- Сию же минуту прекрати над всеми склоняться! - строгим голосом шипела мама Большому внуку, задрав голову и сверля его глазами. Они стояли посередине комнаты, и мне со своим подносом пришлось их не без труда обходить. - Ты ведь никому не даешь и слово сказать!

- Да что ты?.. Я не хотел... - пытался оправдаться тот, растерянно разводя руками.

- И вообще, ты просто всех подавляешь! Даже мне - и то, слово не даешь вставить! Ты же смотри, какой ты огромный - тебя ведь очень много!

Последние слова прозвучали достаточно убедительно, а потому, очевидно, достигли своей цели, потому что Большой внук вдруг горделиво вскинул голову, резко отвернулся и пробасил куда-то под потолок:

- Я все понял! Ничего не объясняй, я здесь лишний, я тебя раздражаю! - затем он быстрыми широкими шагами подошел к телефону и набрал чей-то номер. - Это я!.. Да, это я! - говорил он, и в голосе его звучала обида. - Ты пришла?.. Устала?.. Ты что, уже спишь?.. Так рано?.. Нет, я ночевать здесь не останусь, я здесь всем мешаю!.. Да, я выпил... Да, ну и что?.. Да, ну напился... Нет, я еду! Уже еду!.. Я не останусь здесь ни минуты... Да, прямо сейчас!.. И что?.. Какая разница, куда я еду?.. Я еду - это главное! - прокричал он и бросил с досадой трубку. На какое-то время Большой внук застыл в глубокой задумчивости, но потом глубоко вздохнул, расправил широкие плечи и, пригладив у старого зеркала свои рыжие усы, насвистывая, вышел на улицу.

Тем временем моя подруга суежилась вокруг своей сумки, пытаясь втиснуться в модный джинсовый плащ. Увидев меня, она незаметно поманила меня пальцем:

- Я уезжаю, - сказала она извиняющимся голосом. - С мамой я уже попрощалась, спешу, чтобы не опоздать на электричку - я же на дачу.

- Уже? - удивилась я, как быстро наступил вечер. - Так рано?

- Нет-нет, пора, - решительно сказала подруга, и мы вышли с ней на улицу, - а то боюсь по темному лесу одна возвращаться, да и кобель мой меня дома ждет.

- Кто-кто? - переспросил Большой товарищ, неожиданно оказавшийся рядом.

- Кобель, знаете ли, это моя собака, - попыталась объяснить подруга, - она у меня особенная - помесь блаухаунда с черным терьером.

- У вас зажигалки не найдется? - поинтересовался Большой товарищ, хлопая себя по карманам клетчатого пиджака.

- Да-да, - растерянно проговорила подруга и полезла в большой рюкзак.

- Мутант, значит, - школьный товарищ бесстрастно щелкнул предложенной зажигалкой.

- Вы не поверите, - защебетала моя подруга, - я из-за этой собаки света белого не вижу, всю мебель в квартире разгрызла, всю обувь пожрала, да вот еще домой все время надо торопиться - он же один не может, он либо стену, либо дверь раскурочит.

- Он что, еще щенок у вас? Маленький?

- Какой там маленький! - ахнула подруга. - Уже взрослый пес. Огромный! А когда он на задние лапы встает, то выше вас будет.

- А зачем это он на задние лапы встает? Он что, так ходит?

- Нет, ну что вы, - смущенно улыбнулась собеседница, - это только тогда, когда мы с ним танцуем.

- Танцуете? - изумился Большой товарищ и нахмурился.

- Ну да, - подруга дернула плечами и посмотрела в сторону. - Я иногда музыку включаю, Паваротти, например, «Памяти Каррузо» или еще что-нибудь, так он мне лапы на плечи кладет, и мы с ним танцуем.

- А вы, значит, его за талию держите, и он так плавно в танце передвигается, - попытался представить Большой товарищ.

- Да нет, скажу я вам, - уточнила его собеседница, - вовсе он плавно и не передвигается, можно было бы и плавнее. А то хоть и выше меня, а скачет на длинных ногах, как блоха.

- Ну, что ж, в конце концов, музыкальный кобель - это тоже неплохо, - в некоторой растерянности заключил школьный приятель, - я бы сказал, это редкость. Ведь даже люди и те, не все музыку понимают...

- А он вообще холерик! - покачала головой подруга. - Мне опытные собачники говорили, что у него неполадки с психикой.

- Послушайте! Зачем же вы себе такого пса заводили? - удивился Большой товарищ и полез во внутренний карман пиджака.

- А кто же знал, - горестно вздохнула подруга, - что из маленького хорошенького щеночка такая тварь вырастет. А теперь уже все, поздно. Я - заложница этой собаки.

- Да уж, так всегда бывает, - рассеянно ответил Большой товарищ и, извлекая из кармана толстую записную книжку, принялся ее листать. - Сначала все маленькие, хорошенькие, а потом что уж вырастет, то вырастет.

Возникла некоторая пауза, в течение которой школьный приятель по-прежнему задумчиво листал свои записи.

- А вы знаете что, - он неожиданно поднял голову и внимательно посмотрел на свою собеседницу. В его глазах засветилась явная заинтересованность.

«Наконец-то, сейчас попросит ее телефон», - подумала я с чувством выполненного долга и стала медленно отходить в сторонку, к другой кучке людей, чтобы его не смущать.

- А вы знаете что? - все никак не решался Большой товарищ, еще внимательнее глядя на свою собеседницу.

- Что? - в ожидании застыла та в невинной улыбке.

- Вы знаете... - он кашлянул и радостно предложил: - А вы ее усыпите.

Улыбка медленно сползла с лица моей подруги, и она растерянно пробормотала:

- Кого это усыпить?

- Собаку. А кого же еще? - деловито объяснил ей Большой товарищ. - Вы же сами говорите, что собака вам жизнь портит. Так вы ее усыпите. Все проблемы исчезнут сразу.

- Как это?

Но Большой товарищ уже почти скрылся в доме:

- Извините, мне необходимо позвонить, - и добавил: - Человек должен сам ковать свое счастье!

Мы обе разочарованно переглянулись и поплелись в сторону машины, которая должна была подвезти подругу на станцию.

- Вот так, - сказала она и усмехнулась. - Поеду ковать счастье.

Какое-то время мы шли с ней молча, но потом она вдруг сказала:

- Ты знаешь, человек один как-то сказал обо мне: вот сидишь ты на своем пригорке, ножками болтаешь, за всеми наблюдаешь свысока, и вроде как ты со всеми, и вроде как во всем участвуешь, да только со своего пригорка не спускаешься... Вот что он мне однажды сказал, а я не знаю: может быть, это правда?

Я пожала плечами и закурила:

- Не знаю, сама об этом думаю.

Но тут подруга тихо рассмеялась:

- Послушай, но на самом деле, я хотела тебя попросить, чтобы ты отвлекла Большого внука. Ты знаешь, он всякие мне знаки внимания выказывает. Я, конечно, понимаю, что все это не серьезно, - она понизила голос и, извиняясь, добавила: - И сегодня это так неуместно! Хотя это очень мило... Он, конечно, милейший человек, киношник, с ним очень интересно, но... - тут она в нерешительности помедлила, и в голосе ее зазвучало напряжение, - он сказал, что сейчас собирается ехать со мной, понимаешь, что это значит? Ко мне на дачу! Я даже не представляю, что я с ним там делать-то буду, когда одна останусь... Очень хорошо, что ты меня провожаешь. Если что, тебе придется его отвлечь.

Я хотела ей ответить, но из дома послышался шум, и мы оглянулись.

Высокая фигура Большого внука виднелась в залитой светом просторной столовой, где он сидел за столом и, вжав голову в плечи и высоко вскидывая кисти рук, «играл» на воображаемом пианино. Напротив него сидела маленькая девочка-фотомодель и, выпучив от удивления глаза, поспешно заканчивала свой ужин. Она периодически поглядывала на окружающих, чтобы убедиться в том, что ей не грозит опасность, и этот странный человек ее просто развлекает.

Большой внук пел. Он пел громко, сотрясая своим голосом не только стены старого дома, но и все темнеющее вокруг него пространство.

«Дура бестолковая, - пел он, неуклюже приподнимая плечи и широко расставляя локти, -

Что ж ты еще ждешь,

Ведь на свете парня

Лучше не найдешь,

Али я не весел, али не красив,

Аль тебе не нравится мой аккредитив?» - тут он громко хлопал по столу рукой и тарелка с кашей, стоявшая перед девочкой, подпрыгивала, и тогда девочка тоже вжимала голову в плечи и смущенно хихикала.

Я повернулась к своей подруге и уверенно сказала:

- Мне не придется его отвлекать. И он не поедет с тобой. Он занят.

- Я вижу, - как-то вдруг грустно откликнулась она, чмокнула меня в щеку и забралась в машину.

Я шла к старому дому, откуда неслась новая песня, и стол вновь сотрясаясь от ударов по невидимым клавишам.

А ну-ка пей-ка,

Кому не лень!

Вам жизнь - копейка,

А мне - мишень.

Который в фетрах,

Давай на спор:

Я - на сто метров,

А ты - в упор.

На скамейке рядом с домом виднелись две темные бесформенные фигурки, съежившиеся от вечерней осенней сырости. Подойдя поближе, я разглядела своих младших сестер. Завернутые в

старые клетчатые пледы, с торчащими наружу светлыми головками, они были похожи на взъерошенных птенцов, только что вылупившихся, но застрявших в яичной скорлупе. Они с удивлением взирали друг на друга припухлыми глазами, словно хотели сказать: «Надо же, оказывается кроме меня, здесь есть еще и ты?»

- А мой ребенок, когда как твой был, все время кукол раздевал, - тихим голосом говорила одна из них, у которой были длинные волосы и которая была чуть старше. - Все мои детские куклы прошли через это, представляешь? Но ему было мало. Как у какой-нибудь девочки куклу видел, так сразу отбирал и раздевал. Маньяк, а не ребенок.

- Это он мир познавал, сравнивал, - пояснила младшая и сложила губы трубочкой.

- Вот-вот, и я так думаю, - согласилась сестра с длинными волосами и потуже натянула плед. - Но однажды мне это дело надоело. Помнишь, когда-то нам бабушка двух куколок подарила - черненьких, негритянок с пышными волосами. Так моя у меня до сих пор жива, в шкафу стоит, вроде как память из детства. И что ты думаешь? Мой ребенок и на нее глаз положил. Несколько раз эту куклу у него из рук забирала и раздевать ее запретила. А знаешь, что я ему сказала?

- Что?

- Я ему сказала, что у этой куклы-негритянки есть большой и сильный муж-негр, и он ему уши надерет, если он его жену разденет!

- Ну, ты даешь! Я бы в жизни не придумала, - прыснула от смеха младшая. - Ну и как, получилось?

- Нет, - обреченно покачала головой сестра постарше. - Он мужу пожаловался: «Папа, папа, у нас в квартире завелся какой-то негр!» - ну и, сама понимаешь, начались разборки, еле жива осталась...

- А потом? - ужаснулась младшая.

- Ну а когда все выяснилось, то муж взял мою куклу с полки, сунул в руки сыну и сказал: «Бери, сынок, я тут хозяин и сам этому негру ноги оторву».

- Так все-таки он и ее раздел!

- Ну да, с дикой скоростью, а потом разочарованно бросил в сторону и сказал: «Ничего нового!»

Подул ветер, и в дом с порога нанесло желтых листьев. Маленький белый терьер схватил сухой листок и побежал со своей добычей в угол рядом с камином. Увидев его, вскочила потревоженная кошка и выгнула спину.

- С Днем рождения! - посередине столовой стояла мамина сестра со своим мужем, Большим доктором, и протягивала маме букет только что срезанных красных роз.

Мама в растерянности повернулась и посмотрела на них в полном недоумении, потом перевела взгляд на красные головки свежих цветов и погрузилась в глубокую задумчивость.

Мы все вокруг тоже напряженно замерли - никто не был уверен, уместно ли было в такой печальный день напоминать ей о ее Дне рождения - стечение обстоятельств: похороны совпали с ее днем рождения - и так бывает. Можно было, конечно, усмотреть в этом совпадении зловещую символичность, но смерть Вавы повергла нас в какую-то ментальную заторможенность, и мы вообще тогда лишились возможности думать или что-то анализировать.

Но Большой доктор уверенно подошел к маме, вручил букет и поцеловал:

- Жизнь продолжается, - сказал он очень легко и улыбнулся, - об этом надо всегда помнить, ведь ты же - живая.

Мама вышла из задумчивости, взяла цветы и вдохнула их терпкий аромат:

- Да, - устало проговорила она, - я живая.

- Вот видишь! - кто-то тут же радостно воскликнул, но уже в следующую минуту это нелепое замечание утонуло в нашем общем словесном подбадривающем многоголосье: мы все вместе принялись ей что-то желать и даже вспоминали моменты из прошлых праздников. Видимо, нам всем было значительно проще говорить одновременно, чем по одиночке - всем вместе было нестрашно сказать в тот день другие, совсем другие слова. Мы чувствовали, как напряжение постепенно спало, а потому суетились, хватались за бокалы и неловко улыбались. В дом вбежали дети и, до конца не понимая из-за чего весь этот шум, тут же запрыгали вокруг нас, начали просить пить, хватать со стола хлеб и весело крутить головами, а за ними запрыгали встревоженные собаки, а кто-то из них даже принялся лаять и прикусывать нас за ноги, принимая все происходящее за всеобщую игру.

- Кто впустил собак?! - неожиданно громко крикнула мама, заглушая всеобщий гвалт, - я же просила не впускать в дом собак! Ну-ка быстро на улицу, я кому сказала, пошли отсюда, от вас только мусор один.

Собак прогнали, за ними выскочила в окно испуганная кошка, кое-кто из мужчин вышел на улицу курить, а оставшиеся опять притихли.

- Давайте разожжем камин, ну-ка принесите-ка дров, - сказала мама детям и задвигала креслами, пытаясь всех устроить поудобнее.

- Ты типичная «Дева», - звонко проговорила ее школьная подруга, - все тебе надо передвинуть, все что-то усовершенствовать!

- А что, - быстро вставила мамина сестра, - знак зодиака многое значит.

- Да, я знаю, - вновь сказала школьная подруга, поблескивая очками в тонкой золотой оправе, - даже

браки заключать рекомендуют исходя из соответствия знаков.

- Точно. Я это знаю совершенно точно, - со знанием дела сказала мама, погружаясь в глубокое кресло рядом с остальными.

- Ну да, - вставила моя младшая сестра и прыснула от смеха. - Вот мы с мужем - Рак и Лев - никак не можем поладить. Этим Львам вечно надо быть главными, вечно хотят, чтобы их хвалили и перед ними преклонялись. Ужасно трудно! А какие они обидчивые, чуть что не так - уезжают, хлопнув дверью, и не знаешь, когда вернуться. И это я знаю не из гороскопа, а из жизни, - тут она многозначительно посмотрела на своего мужа, который, хотя и стоял на пороге с другими мужчинами, очевидно, слышал наш разговор у камина.

- Да уж, - вставила мамина сестра. - Это непростая комбинация, сложно тебе, наверное. Хорошо, если ты знаешь, что этим Львам нужно.

- Ох, знаю, - вздохнула сестра.

- Надо быть поласковее, помягче, похитрее, - уверенно вставила мама, - тогда любыми Львами вертеть можно, как захочешь. Вот я бы справилась. Я бы с любым знаком справилась.

- Послушайте, лучше не придавать всему этому гороскопу значения - все от людей зависит! - оптимистично заключила школьная подруга и забарабанила пальцами по ручке кресла.

- Я подозреваю, что Льву лучше всего с Близнецами, - не унималась младшая сестра, явно намекая на какую-то мужнину историю. - Да, дорогой?

- Вот и хорошо, - философски вставила мама. - У нас и свои Близнецы есть, - тут она решительно посмотрела на меня. - Тебе и карты в руки.

- Ну да, - обрадовалась младшая сестра и тоже повернулась ко мне. - Ты же - Близнец! То-то вы с

моим мужем так дружно общаетесь, вечно ты его защищаешь.

- Отлично, - серьезно заключила мама, - надо их поменять, чтобы никто не мучился. Лев и Близнецы! Я более чем уверена, что у них все будет нормально!

- Я согласен! - неожиданно раздался громкий голос сестринского мужа, который тут же появился в комнате и решительно направился ко мне. - Я всегда знал, что мама ваша - мудрая женщина!

- А мне что, - устало махнула рукой мама, - мне главное, чтобы все в семье остались - дети общие, хозяйство общее. Что мы, не разберемся, что ли?

- А я как же? - пискнула младшая сестра в растерянности.

- Ты? А ты не волнуйся! - с готовностью вмешалась школьная подруга. - И тебе кого-нибудь подберем. Товарищи, кто знает? - спросила она, призывно обращаясь к окружающим. - Кто может жить с Раком?

- Я могу, а что? - с улицы в комнату не спеша вошел Большой доктор и, потуже запахнув куртку, опустился на диван, поближе к камину, чтобы согреться. - Я разных людей видел, мама дорогая. Так вот, у меня по этим Ракам большой опыт, - пробасил он и подмигнул своей жене, нашей тетке. - Я вас сейчас быстро просвещу...

- Да ты с кем угодно жить сможешь, - перебила его тетка, сложив руки на пышной груди. - Ты же хирург! Как начнешь по живому резать - пиши пропало.

- Вот-вот, - обрадовался Большой муж, крепко беря меня под руку. - Резать так резать! Это то, что нам надо. Посмотрите, а они идеально подходят!

- Да вы все-таки меня послушайте, - не унимался Большой доктор. - Дайте же немому сказать!..

- А что тут говорить? - защебетала моя младшая сестра. - Я не возражаю, хирург так хирург. Пусть

режет. Зато честно и притворяться ни в чем не надо! - она на минуту задумалась, а затем торжественно заявила: - На мой взгляд, у хирурга и профессия такая - сказать правду и ...

- И отрезать, - вставил кто-то из присутствующих.

- А правду надо всегда говорить, - нравоучительно заметила младшая сестра.

- Тьфу ты! - в сердцах проговорил Большой доктор и отвернулся. - Вот ты мне скажи: ну, и зачем тебе эта правда? Она хоть кому-нибудь помогла? Хоть кого-то спасла?

- А как же? - тут же вставила мамина сестра. - Да и вообще, мы в нашей семье правду любим. Мы всегда знать хотим все, честных людей любим.

- Уж это да! - согласился Большой доктор и глубоко затянулся сигаретой. - Ведь честный человек - это кто? Это не тот, кто правду говорит, а тот, кто не говорит неправды. А вы ведь как начнете копать, так, мама дорогая, до самых кишок дойдете, мало не покажется. И где ты был? И с кем? А зачем? А как? А для чего? Спать не дадут, пока все не выяснят. А потом ведь еще разбудят и переспрашивать начнут. И так далее, и так далее...

- Значит, никаких надежд нет, - обреченно вздохнул Большой муж. - Я думал, что с возрастом это проходит.

- Я тя умоляю! Расстанься с надеждой всяк сюда входящий! На эту тему анекдот есть. Приходит больной к врачу...

- Ну, этого еще не хватало! - перебила Большого доктора его жена. - Он ведь когда говорить начинает, так не остановишь! Слушателей нашел!

- Людям не правда нужна, а сочувствие, - как-то робко вставила я и почувствовала, что звучит это очень неопределенно.

- Именно, - рассердилась младшая сестра, - поэтому, когда с тобой говоришь, не понятно - это ты из сочувствия соглашаешься или действительно так думаешь.

- Пытаюсь сочувствовать. Хотя у меня это плохо получается, - призналась я, - поэтому начинаю что-то доказывать, потом жалею. Пустое все это. Правда ведь у всех своя.

- Вот-вот, - тут же покачала головой мама. - Знаем мы эту философию, кое-кто уже это говорил. С этой философией далеко не уйдешь. Правда - она и в Африке правда. Она одна, как ее может быть две? Добро - это добро, а зло - это зло. По-моему, это и младенцу понятно.

- Интересно, ну хорошо, если вы моего Большого доктора у меня забираете, то я-то тогда куда денусь? - вернулась к начатой теме наша тетка, повела плечами и поджала губы. - Мне это, кажется, не нравится. Я уже привыкла к Доктору, люблю его... по-своему. Мы с ним одной ниточкой связаны.

- А ты не бойся, - успокоила ее мама, - ты одна не останешься. Женщины нашей породы одни не бывают.

- Хотя ты права, - тут же согласилась с ней наша тетка и скинула с себя руку Большого доктора. - Это верно, мужчины к нам тянутся!

- Периодически, - скромно вставила я.

- Да, - еще более воодушевляясь, продолжала мамина сестра, - к нам мужчины тянутся... периодически!

- Да никак не дотянутся, - буркнула моя младшая сестра, - я что-то не очень этот факт на себе ощущаю.

- У тебя еще все впереди, - не унималась мамина сестра, торжественно поднимая вверх палец. - Ведь не зря же сказано: «Просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна».

- Да уж, - вставила мама. - Это не мешает принять к сведению ее мужу, чтоб он свою жену берег, а не бродил неизвестно где, неизвестно с кем!

- Нет уж, нет уж, - тут же вмешался Большой муж, - все будем делать, как договорились! Я уже настроился на спокойную жизнь, а жену мою пусть Большой доктор забирает, а я уже и так пристроен, - и он еще решительнее сжал мою руку.

Я вздрогнула, чуть попятилась в сторону, но большая рука держала меня слишком крепко, и я с тоской подумала о своей свободной жизни.

- Девчонки, а вы моего к себе пристройте, - весело предложила школьная подруга, поправив на переносице очки. - Он тихий, мягкий, слово против не скажет, дома всегда вовремя, со всем всегда согласен, очень внимательный, к тому же ученый, сидит себе в уголке и что-то все пишет, пишет!

Возникло неловкое молчание - желающих почему-то не оказалось. Школьная подруга утомленно вздохнула, словно рухнула ее последняя надежда, и, сложив брови домиком, неожиданно запела:

Что стоишь качаясь

Тонкая рябина,

Головой склоняясь

До самого тына...

Мама тут же подхватила мелодию и, заняв ведущую партию, склонила голову и зажмурила глаза, из которых безудержно полились горькие слезы.

- Эх, Вава, Вава, - шептала она еле слышно.

Все разъехались к девяти вечера, но мне казалось, что уже глубокая ночь.

Где-то наверху зазвонил телефон, и я поспешила ответить. Замешкавшись в темноте Северной комнаты, я нащупала телефонную трубку и уже через секунду услышала знакомое чуть глухое:

- Привет.

- Привет, - ответила я и опустилась в большое кресло, прекрасно понимая, что быстрым разговором я не отделаюсь. - Как ты доехал?

- А... все пустое. Как вы там?

Мой муж всегда говорил со мной долго и ни о чем - потоки его слов напоминали мне картины Айвазовского, бурные и глубокие, увлекающие в пучину разыгравшейся стихии, но не имеющие ко мне никакого отношения. Когда-то я долго и горько переживала такое положение, но с этим ничего нельзя было поделать, а поэтому я постепенно успокоилась и со временем и вовсе превратилась в стороннего наблюдателя. А еще в душе я сетовала на то, что вечно муж звонит мне очень поздно и мне всегда хочется спать. А он все говорит и говорит, и только об одном: то похороны, то дела, то болезни, то события, мне совершенно неведомые, а потому теперь уже совсем для меня незначимые. Он говорил долго, словно пытался заболтать и убедить сам себя: что обрел наконец-то тыл, так необходимый современному мужчине. Что на душе у него все хорошо и спокойно. Что ему действительно повезло с новой женой, и что он очень боится это все потерять - свою новую историю, новую семью, новую жизнь, которую построил он сам, а не по моей указке. С ним наконец-то оказалась рядом спокойная женщина, которая бесконечно верила во все то, что он говорил. Теперь я ему тоже верила и ни о чем не жалела, хотя мне и было от этого чуть-чуть грустно.

И все же эти часовые разговоры меня очень утомляли, и иногда, подыгрывая и вторя ему, я его жалела, просила, чтобы он себя берег, высыпался и хоть что-то ел, поменьше курил и не сидел долго в офисе, а ехал домой. Он охал, воздавал хвалу вновь обретенной любви, а потом клал трубку, опять закуривал, выпивал виски и все сидел и сидел до утра

в прокуренном кабинете, периодически набирая мой номер.

- Ты знаешь, встретил тут неожиданно, старых знакомых, помнишь... - слышался в трубке его усталый голос, - так они тебе привет передают.

Мама легла спать совсем поздно, уже когда все оставшиеся ночевать гости разбрелись по комнатам. Она тяжело поднялась с дивана, загасила камин, разворошив уже давно прогоревшие угли, взяла подушку и плед и уже собралась было выйти из комнаты, как в окно кто-то постучал. Она оглянулась и глухо откликнулась: «Кто там?» – но ответа не последовало. Она, звякнув ключами, открыла входную дверь и выпустила в ночь рыжую клокастую собаку, но та, потоптавшись у порога и в недоумении взглянув на хозяйку, вновь шмыгнула в дом на нагретое место.

Тогда мама вздохнула, горестно покачала головой и, пробормотав: «Нет, не сейчас, потом, завтра... Эх, Вава, у нас с тобой теперь так много времени... мы обо всем поговорим», начала тяжело подниматься по винтовой лестнице в пустую, ставшую вдруг чужой спальню.

А на следующий день было солнечное утро и небо синее-синее. Мы как-то молча собирали разбросанные в траве инструменты: тяпки, топоры, отвертки, уносили в сарай лейки и лопаты, затягивали пленкой приоткрывшиеся от ветра аккуратно сложенные дрова, подбирали детские выцветшие от солнца игрушки, закрывали окна, забивая гвозди в непослушные рамы, а потом собирали в саду яблоки, которых уродилось в том году множество. Они лежали в траве в несколько слоев, катились под лавки и прямо к дому - ненужные, как мусор, и холодные, как солнечное осеннее утро. В траве прятались толстые

кабачки, кучерявые салатные листья превратились в лопухи, астры розово-белыми неопрятными охапками клонились к земле, а на лестничных перилах около дома осталась лежать Вавина начатая пачка «Пегаса».

Иногда, высыпая из ведра в большую зелено-коричневую яблочную кучу побитую падалицу, я оглядывалась и мне все казалось, что еще минуту и я его увижу, как обычно - в голубой джинсовой рубашке, широкоплечего и белоголового, стоящего у костра с осенними листьями и затягивающегося сигаретой, чуть склонив голову набок.

Мари Веглинская (Светлана Сударикова)

Родилась и живу в Москве. Писать начала еще в школе, однако серьезно подошла к этому процессу лишь много лет спустя, примерив не одну профессию. Некоторое время работала на телевидении, пробовала себя в качестве журналиста, секретаря, и, наконец, индивидуального предпринимателя. Окончила Литературный институт им. А.М.Горького. Пишу прозу. Была неоднократным победителем в различных сетевых конкурсах. Печаталась в альманахе «Апполинарий», в сборнике Современной московской прозы «Московский Дом», Выпуск 1 (М., 2010).

Член международного союза писателей «Новый Современник».

Водовороты

Сознание медленно проясняется. Очень медленно. Сначала появляются неясные образы, черно-белые клочки каких-то воспоминаний, но постепенно мысль становится четче, слава Богу, по крайней мере вспомнила, кто я. Уже прогресс. Пытаюсь пошевелиться — бесполезно. Тело не желает слушаться команд, посылаемых моим полуразмытым сознанием. Оно словно существует само по себе: я отдельно, и оно отдельно, где-то в параллельных пространствах. Пробую открыть глаза. Но веки будто придавлены свинцовыми примочками. Где же я так надралась? И с кем? Вот вопрос-то на засыпку... После

смерти Йорга со мной такое случалось. Но обычно я просыпалась в своей кровати: как-то на автопилоте всегда доползала до дома, или друзья «заносили» – а сейчас я явно где-то в незнакомом месте. Отчего так трудно дышать? Нет, пора завязывать. Все-таки уже не девочка. Еще раз пытаюсь пошевелиться. К горлу подступает тошнота и по вискам тут же растекается боль, уходя куда-то за глазные яблоки. Значит, тело все-таки есть. Вот такая странная связь души и тела. Интересно, который час? Даже сквозь закрытые глаза ощущается беспредельный мрак. Ни одного лучика света. Похоже, еще ночь, следовательно, я лежу здесь не так уж долго: обычно, если я напиваюсь, то ухожу из бара далеко за полночь. И на том спасибо, а то на дворе зима, простудиться недолго. Так где же я все-таки? Мне становится страшно. А может, и не стоит открывать глаза? На всякий случай.

Странно, память возвращается как-то чудно, издалека, постепенно, год за годом восстанавливая прожитую жизнь. Может, я головой ударилась? Здорово ж меня тогда потрянуло! Ясно помню, что происходило много лет назад, а вот что было вчера – полный провал.

В Австрию мы с Олегом приехали в 93. Времена на дворе были смутные, и его предки пристроили своего мальчика в представительство «Аэрофлота». Ну и меня заодно. А что им оставалось делать? Все-таки жена их сына. Меня они не любили. Я ведь бедная девочка из российской глубинки, а Олеженька – мальчик мажорный, мама доцент университета, в полноги уже профессор; папа в ЦК. «Где же ты ее откопал? – Елизавета Дмитриевна в упор смотрит на сына. – Чем тебе не нравится Аллочка Тихонова? Такая девочка! Такая семья! А эта колода деревенская! Она что, тебя приворожила?» Олег смотрит на мать нагло и с вызовом, затем, ослабившись, идет на кухню. Елизавета Дмитриевна бежит за ним:

«Немедленно остановись! Мы еще не договорили!» Ей и невдомек, что мы уже женаты, и что я стою за дверью в комнате Олега и все слышу. «Чтобы этой дряни больше в нашем доме не было!» – вопит она. Затем какой-то шум, вскрики, сдавленные рыдания – Олег показал свидетельство о браке. Елизавета Дмитриевна рвет свидетельство, я слышу это. Но уже ничего невозможно изменить. Олег торжествует. Наконец-то он поставил их на место! Это после стольких лет издевательств: иди туда, иди сюда, это делай, это не делай, то нельзя, сё нельзя!

Мне кажется, он и на мне-то женился назло им. Никакой любви не было. Да и я его не особенно любила. Так. Вроде пора замуж, вот и вышла: обычная вековая бабья необходимость – любой ценой создать семью. В Москве я оказалась почти случайно: приехала на недельку погостить к тетке, столицу посмотреть, и от нечего делать подала документы в МИСИ, и вот те раз – поступила. С Олегом познакомились в «Пиццерии». Он был такой важный: джинсы «Ливайс», на шее плеер болтается, кроссовки «Адидас». Ну чем не муж! Я ж тогда не знала, что он из элитной семьи. А вот что понравилось ему во мне – понятия не имею. Я ведь была обычной скуластой девчонкой с копной рыжевато-соломенных волос – типичная волжанка. Заявление мы подали через две недели после знакомства. Потом тихо расписались. Затем оповестили родственников. В общем, все не как у людей, как говорила моя мама.

Мама... Она сейчас далеко, там, где, свернувшись в пушистый клубок, на подоконнике дремлет покой, укрывшись тенью листьев алой герани; где зимой много снега, а летом серебристые ивы полощут в реке острые узкие листья; где по утрам трижды прокричит петух, оповещая о приближении нового дня, и где вовсе не обязательно все время суетиться и куда-то бежать, а надо просто жить и жить, воспринимая

каждый новый день как данность и необратимость безостановочно текущего времени. Как я все это безумно любила, сама не осознавая. Лишь много лет спустя, оторвавшись от родимой земельки, я вдруг открыла в себе эту странную любовь, отлитую из тоски и грусти вперемешку со слезами. Она живет где-то в глубине затылочной области мозга в правом полушарии и иногда, к перемене погоды, что ли, вдруг начинает тянуть и ныть, напоминая, что есть где-то земля обетованная, разумеется там, где нас нет... Что сейчас делает мама? Может быть, испекла пирог, мой любимый, из черемуховой муки по рецепту ее сибирской тетки. Зачем я оттуда уехала? Зачем мне все это понадобилось? До сих пор не могу ответить на этот вопрос. Странное дело – живет себе человек, горя не знает, и вдруг какой-то дикий сквозняк подхватывает его и бросает с места на место, заставляет садиться в поезда и самолеты и рвать стороны света в поисках... чего? А сам-то он знает, вот этот самый человек? Я не знала. Просто гнала себя по миру, то там, то здесь оставляя частичку прожитой жизни. Жизнь – это сплошные водовороты, не успел выбраться из одного, как тебя уже затягивает другой.

Я никогда не тосковала о больших городах, оставленных мною на далекой родине, и этот тоже невлюбила с первой минуты, как только сошла на перрон, закинув за спину рюкзак, набитый, как обнаружилось, ненужными и убогими вещами. Город оказался мне мал, потому что его узкие улицы сжимали меня в тиски, так что трудно было дышать, а высокие здания, чудовищные в своем нелепом облике, закрывали небо, и я больше не могла видеть, как уходит за горизонт солнце, утаскивая с собой все события прошедшего дня. Если я и тосковала о чем-то, то только не о городе. Вот и сейчас перед моими глазами чуть двигаются от ветра желтые сухие былинки, торчащие из-под снега посреди бескрайнего

поля, за которым стоит светлая бревенчатая пятистенка – мой дом, спокойно дожидаясь прихода весны. Впрочем, это уже давно не мой дом, и если бы пришлось начинать все заново, я бы поступила, как это ни странно, точно так же.

От воспоминаний о доме в правом полушарии начинает тянуть и ныть, а вот тело по-прежнему немое; хочется застонать, и я с трудом размыкаю губы, однако стон остается где-то в легких. Облизываю губы и ощущаю солоноватый привкус. Кровь? Это уже хуже. Может, я поранилась?

Итак, Вена. Она гармонично влилась в меня своей тысячелетней историей, мы с ней довольно быстро подружились. Поначалу это была только красивая картинка из журнала, но постепенно моя душа, обогнув роскошные фасады старинных зданий, оказалась в глубине ее дворов за массивными воротами, скрывающими истинный дух этого города. Я могла гулять по Вене часами, останавливаться, подолгу рассматривать понравившиеся мне здания или просто сидеть где-нибудь в тихом сквере, бросая голубям хлебные крошки. Олег работал и возвращался домой очень поздно, а я была предоставлена самой себе, хотя много времени приходилось уделять немецкому языку.

- Зачем тебе нужен немецкий? – возмущался Олег. - Здесь и английский все понимают.

- Ну, это же немецкоговорящая страна, - пыталась возразить я, - просто грех не выучить язык.

На самом деле он это прекрасно понимал, но ему было жалко тратить на меня деньги. Сам он знал немецкий довольно хорошо, имея базу спецшколы, и полагал, что на мне можно и сэкономить. В конце концов, курсы пришлось бросить, и я учила Deutsch самостоятельно, стараясь как можно больше говорить на улице. У меня не было друзей, и дни мои были наполнены одиночеством. Хотя меня это ничуть не

огорчало. Вскоре я настолько отвыкла общаться с людьми, что перестала ходить с Олегом на вечеринки, боясь предстать перед приличными людьми диким северным оленем, а ему это было только на руку. Мы как бы жили в одном материальном пространстве, но разных духовных мирах. И все же наша семейная жизнь протекала достаточно безоблачно. Пока однажды я не поняла, что беременна.

Мы сидели на кухне, и Олег нервно курил сигарету за сигаретой, бросая окурки куда попало, например, в заварочный чайник. Так поступала его мама, так что я не удивлялась. Я молча следила глазами за его движениями. Через некоторое время он встал и подошел к окну.

- Я считаю... – начал он, но потом замолчал, и надолго. - Я считаю, - наконец заговорил Олег, - что этот ребенок будет нам сейчас помехой.

Я молчала.

- Понимаешь, нам придется вернуться в Россию, – продолжил он, - а там сейчас не пойми что происходит, чуть ли не голод, да и война может в любую минуту начаться.

Я молчала. Однако представила себе, как по Садовому кольцу едут танки, подминая под себя серые фигурки людей.

- К тому же здесь хорошая работа, а там неизвестно будет ли работа вообще, ведь отец уже не имеет той власти. Все хорошее разрушили! - горестно воскликнул он.

Интересно, что именно хорошее он имел в виду?

Олег открыл холодильник, достал пиво и сел напротив меня:

- Будешь?

Я молчала.

- Да что ты все молчишь? – не выдержал он и вдруг изо всей силы швырнул бутылку на пол.

Из-под бурых осколков, шипя, расползалась белая, как русский снег, пена.

Я невольно закрылась руками, словно защищаясь от удара.

- Прости, - Олег обнял меня за плечи и, взъерошив мне волосы, поцеловал, - прости ради Бога, я не хотел тебя напугать. Поверь. Все это у нас еще будет. Но... только чуть попозже. Хорошо?

Иногда я думаю, как бы сложилась моя жизнь, если бы я оставила того ребенка? Лучше или хуже – не знаю. Но очевидно – по-другому. Я бы сейчас не была одинокой пьющей женщиной за сорок, и, возможно, даже чего-то достигла, потому что если есть ради чего жертвовать собой, то и пожертвовать не жалко. Великая сила обоснования.

Наконец-то в теле пробуждается жизнь. Где-то в кончиках пальцев я начинаю ощущать тянущую боль. Постепенно она нарастает, но шевелиться я по-прежнему не могу. Это начинает беспокоить. Вероятно, я пила виски, после вина мне ни разу не было так хреново. Раньше, когда Йорг был жив, я пила исключительно вино, в основном «Шильхер» или «Блауер Бургундер», но после его смерти меня мучительно потянуло на крепкие напитки, видать родная кровь разыгралась. Сначала пила коньяк, понемногу; потом перешла на водку; виски пила уже в больших количествах, а в последнее время стала мешать. По старой российской привычке вот так заливала свое горюшко. Помогало. Но временно. А потом становилось еще хуже: боль утраты, смешиваясь с похмельем, сковывала душу невыносимой тоской, от которой убежать было уже некуда, только если назад, в мир крепких напитков...

Олег получил какое-то повышение, и мы перебрались в хорошенькую квартиру в 3-м районе. По сравнению со старой квартирой в 10-м, это был рай. С какой-то полусумасшедшей любовью я

принялась вить здесь новое гнездо. Мы купили неплохую мебель, телевизор, посудомоечную машину и невероятно удобный диван. Теперь я часами валялась на этом ложе, углубившись в очередную книгу. Именно тогда Олег и познакомил меня с Йоргом. Йорг происходил из семьи потомственных банкиров, имел в хорошем частном банке немалую долю, и вообще был приличным человеком. Высокий худой господин, с глубокими и очень добрыми голубыми глазами, темными волосами, на висках схваченными сединой, узким орлиным носом и впалыми щеками, он напоминал мне средневекового рыцаря. Не могу сказать, что он был красив, скорее даже нет, но его манеры, мягкий голос, обходительность – все невозможно располагало. В общем, он понравился мне сразу. Что его связывало с Олегом, не знаю, но у них появились какие-то совместные дела, и вскоре Олег уже не работал в «Аэрофлоте». Теперь он имел в Австрии частную фирму, из России к нам валом повалили какие-то мужики, именуемые новыми русскими, с коими Олег вынашивал грандиозные планы; мне кажется, он просто помогал размещать им деньги, что в простонародье именовалось «мыть». Особенно мне запомнился один – господин Чертоха. Он появился аккуратно накануне Рождества и в самом деле чем-то напоминал черта: смуглый, с острыми, впивающимися в тебя черными глазами (иногда мне казалось, что он сканирует каждую мою мысль), в малиновом пиджаке и черной рубашке с расстегнутым воротом. Чертоха никогда не приезжал с пустыми руками, он привозил с собой сало, колбасу, картошку, квашеную капусту, соленые грибы, объясняя это тем, что есть местные продукты он не может, потому как они совершенно безвкусны. Денег у него было море разлитое, вот он и разливал их направо и налево, таская нас по самым дорогим

ресторанам и заведениям Вены. Одевался Чертоха исключительно в шикарных магазинах, приговаривая при этом: «Богатый человек – это не тот, кто много получает, а тот, кто много тратит». А по утрам Чертоха варил из привезенной из России свеклы борщ, объясняя, что «это лучшая оттяжка после вчерашнего». Наведывался к нам Чертоха не менее одного раза в месяц и постоянно грозился в ближайшее время перевезти семью.

Олег ел и пил все больше. Его здорово разнесло, а в выражении лица появилось нечто загадочное, то есть когда смотришь на человека и думаешь: «То ли пьет много, то ли болен». Странное дело – меня это нисколько не беспокоило. Ну, пьет и пьет. Все мужики пьют. Подумаешь, какое дело. Мое деревенское представление о мужчине, как о главе семьи, не менялось не зависимо ни от чего. Такого слова, как развод, в моем лексиконе просто не существовало. Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. Пока Олег развлекал своих бесчисленных новоиспеченных русских друзей, я, время от времени, принимая приглашения Йорга, посещала театры и концерты. Тогда я впервые прочувствовала силу и красоту классической музыки. Особенно потряс меня Бах и его фуги, но, скорее, в гармонии с окружающей природой, нежели просто сам по себе. В России я не увлеклась бы им точно. Однажды Йорг пригласил меня и Олега выехать загород. Олег как всегда не мог, и мы поехали втроем: Йорг, я и его старшая дочь Ингрид. В машине Йорг включил Баха, и звуки органа навсегда слились для меня в единое целое с бегущими с мрачных серых склонов ручьями, скалистыми ущельями и облаками, стекающими с пологих склонов гор. Мы приехали в Зиммеринг, и Йорг познакомил меня со своей сестрой Хайке и ее мужем Йозефом...

Почему-то при воспоминании о Хайке и Йозефе серый туман беспамятства, окутывающий вчерашний день, начинает дрожать. Но мне вдруг становится страшно. Все же жизнь постепенно возвращается в мои онемевшие члены. Кажется, я сломала правую ногу, потому что боль становится почти невыносимой. Очевидно, вчера со мной случилось что-то ужасное. Но что? Честное слово, в последний раз так напиваюсь. Хайке и Йозеф, Хайке и Йозеф...

Я, естественно, замечала, что Йорг смотрит на меня вовсе не как на хорошую знакомую. В его глазах светилась нежность, но только тогда, когда его взгляд останавливался на мне. И моя душа уже приоткрывала ему навстречу створки, но было слишком много «но». И он, и я понимали это. Я бы никогда не оставила Олега, хотя к этому времени уже абсолютно его не любила, а у Йорга были жена и двое детей. И все же наши сердца к тому моменту уже бились в едином ритме. Если бы я только допустила мысль, что люблю его, то, наверное, умерла от ужаса. Мой приволжский темперамент столкнулся бы со мной в пропасть, а я не могла себе этого позволить, поэтому мысли о Йорге были спрятаны в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в шкатулке, чтобы ни-ни, никто и никогда, а главное, чтобы я сама до них не добралась. Но и жить без Йорга я уже не могла. А он без меня. Оставались театры, музеи, выставочные залы. Разумеется, я осознавала, что рано или поздно шкатулка разобьется, а вместе с ней и моя жизнь, но ведь это будет позже. Удивительно, все оказалось совсем не так, как мне представлялось. Вот истинно говорят люди: хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах.

Иногда жизнь проделывает с людьми забавные трюки, наглядно давая понять, кто в доме хозяин. Катастрофа случается именно тогда, когда внешне все обстоит гладко и благополучно, и человек менее всего

готов к встрече с глазами бездны. Так было и со мной. Пока я бегала по музеям и театрам, позволяя себе лишь украдкой бросать на Йорга взгляды, моя семейная жизнь уже давно катилась под откос. Теперь Олег зарабатывал очень много. Настолько много, что я могла себе позволить ездить на новенькой «БМВ» (Олег предпочитал «Мерседес»), набрасывать на плечи дорогие меха, а на уши нацеплять черные бриллианты. Я могла себе купить все, что только душенька моя пожелает. Забавно, но меня это нисколько не удивляло, подумаешь, раньше помогала маме доить коров, а теперь делаю маникюр за сто евро (хотя тогда еще в ходу были шиллинги). Ужинали мы в хороших ресторанах, а Олег денно и ночно пропадал в казино все с теми же уже далеко не новыми, а изрядно потрепанными русскими. Чертоха к тому времени сошел со сцены (его пристрелили в собственном подъезде), но появились другие, элегантные и очень уверенные в себе, с толстенными кошельками и свидетельствами о княжеском происхождении за пазухой (видимо вместо камня).

В тот день я бесцельно бродила по городу. Маленькие улочки, переулки и площади пробегали перед глазами, время от времени цепляя взгляд изысканной лепниной или удачно выбранным архитектурным решением либо удивляя бездарностью и серостью современных строений, втиснутых в ряды старинных особнячков. И вот на одной из этих гассе или штрассе, куда случайно занесли меня ноги, мой взгляд скользнул по стеклянной стене малопривлекательного кафе и проследовал дальше, как это часто бывает, когда на глаза попадает нечто совершенно безликое, и вдруг спружинил назад. Я и сама сначала не поняла, что его приковало к этому новомодному заведению, где внутреннее убранство так же безвкусно, как и внешнее, что именно заставило остановиться и заглянуть за прозрачные

стены; и вдруг все встало на свои места: там, за одним из столиков, сидел мой муж, не один, с дамой, абсолютно не симпатичной, с крашеными в блонд распущенными волосами и чертами лица, которые не запомнишь никогда, как бы ни вглядывался, как говорила одна моя хорошая знакомая о таких лицах – типичная асфальтовая болезнь. Они сидели настолько близко, насколько позволяли приличия, чуть-чуть перейдя за грань дозволенного – его рука поглаживала ее коленку, и улыбались друг другу. Потом Олег взял дамочку за руку и очень нежно прижал к своей щеке. Совершенно не замечая, что люди толкают меня в спину и говорят что-то вроде «вы мешаете пройти», я завороченно смотрела на открывшуюся передо мной панораму полного крушения собственной семейной жизни. Окаменев, я стояла и наблюдала, как мой муж лапает чужую бабу практически у меня на глазах, до тех пор, пока Олег не достал портмоне и не отмусолил официанту несколько купюр, с которыми он, несмотря на свалившееся богатство, всегда расставался с великими мучениями; пока не подал девушке пальто, и они не направились к выходу. На какое-то мгновение взгляд Олега скользнул в мою сторону, но он, поглощенной своей дамой, не узнал меня. Тогда я отвернулась и быстро пошла прочь, стараясь смешаться с толпой, чтобы не дай Бог не встретиться с ними немедленно. Мне надо было подумать, собрать рассыпавшиеся мысли в кулечек и полужгать их, как семечки, чтобы придти хоть к какому-то решению, безусловно, одному из самых непростых в моей жизни. Как я уже говорила, развод, вследствие неправильного воспитания, был для меня совершенно невозможен, но и жить с Олегом дальше я точно уже не смогла бы. Да и материальный вопрос немедленно встал на повестку дня. Как мне теперь быть? Возвращаться в Россию? Куда? В деревню? И что там делать? Меня

была крупная дрожь, и я понятия не имею, как добралась домой, просто вдруг неожиданно осознала себя сидящей на своем любимом диване.

Первой трезвой мыслью, посетившей меня, стала мысль о воде, поскольку все произошедшее было насилием не только над моей душой, но и над телом. Я немедленно должна была убить вирус предательства, пропитавший мои клетки, очень горячей водой. Напустив в ванную пара, я долго стояла под горячими струями, настолько горячими, насколько тело позволяло терпеть, пытаясь смыть с себя увиденное, но, поняв бесперспективность затеи, обернувшись полотенцем, прошла в комнату и села на диван. Уже стемнело, и за окном шел дождь. Он барабанил по металлическому карнизу, заглушая своим шумом мои мысли. И постепенно в моей душе воцарилось что-то вроде безмыслия – абсолютная пустота, вакуум. Я молча смотрела на стекающие по стеклу струи воды, так легко искажающие реальность за окном. Поначалу это была только вода и больше ничего, но очень скоро в этих водяных знаках я четко узрела идущее с небес послание, просто вместо чернил Провидение использовало обычную воду, чтобы изобразить на стекле очередной водоворот моей судьбы. Ну конечно, все именно так! Там, на стекле, я легко прочитала, что с моим браком покончено навсегда, что я давно уже не люблю этого человека, хоть и называю по привычке мужем; что мы так же далеки друг от друга, как северный полюс от южного, и так же несовместимы; а люблю-то я Йорга, и ничего с этим не могу поделать. Мозаика моей разорванной жизни наконец заняла свои ячейки, обнажив без прикрас голую правду сегодняшнего дня. Ну и слава Богу, что все так вышло. Нечего больше латать разъехавшуюся по швам рубашку моей семейной жизни, все равно там дыра на дыре. Будь что будет! И я расхохоталась. Как сумасшедшая, громко и

отчаянно. Затем достала из холодильника бутылку пива и выдула залпом. Потом приступила к водке, покуда мир не завертелся перед глазами. «Вертолет», - вспомнила я словечко, так часто употребляемое моим пока еще не бывшим мужем, и расхохоталась еще громче. Наверное, с того момента и появилась у меня эта гадкая привычка заливать горюшко горячительным.

И вот теперь я, как падаль, валяюсь неизвестно где и даже не могу пошевелиться. И дышать становится все труднее, все мучительнее. Видимо, при падении я еще и ребро сломала.

Разумеется, я позвонила Йоргу. Разумеется, он меня спас и, как Ангел в старой доброй притче, протянул луковку, чтобы я ухватилась за нее и вылезла из трясины постигших меня несчастий.

Мы поженились через два года – столько времени занял его развод и дележ имущества с женой. Он пожертвовал ради меня очень многим: деньгами, недвижимостью, отношением с детьми и родственниками. Только Хайке и Йозеф были на нашей стороне. Хайке и Йозеф, Хайке и Йозеф...

Но мы все равно были до сумасшествия счастливы. Мы поселились в Мёдлинге в красивой розовой вилле. У нас был огромный балкон, и весенними вечерами я выходила туда, садилась в плетеное кресло и смотрела на безумное цветение магнолий и еще каких-то розовых цветов на деревьях. И когда солнце опускалось за гору, окрашивая небо в розовый цвет, мне казалось, что я смотрю на мир сквозь розовые очки. Я никогда не была так счастлива, и уже никогда не буду. Судьба не делает таких подарков дважды. Да и долго это не длится, а вот платить за эти крошечные мгновения радости приходится дорогой ценой. Как огромная звезда за подаренную ей возможность красоваться на небосклоне, выделяясь среди других великолепным

сиянием, в конце концов вынуждена превратиться в черную дыру, в то время как маленькие звездочки постепенно затухают, доживая свой космический век тихо и спокойно. А я верила, что мое счастье будет вечным. Мы настолько гармонично слились с Йоргом в единое целое, что разделить нас могла только смерть, что она и сделала. Я прожила с ним всего пять лет, но эти пять лет и были пьесой моей жизни, а все остальное антрактом. Никто никогда не заботился обо мне, как он. Если мне вдруг становилось тоскливо, достаточно было прижаться к его плечу, просто почувствовать тепло его тела, то, что он рядом, и все печали растворялись в розовом мире моего воздушного замка, временно опустившегося на землю. Как странно, о плохом можно исписать километры бумаги, а о хорошем и сказать-то нечего. Хорошо и все. Кому-то, наверное, моя жизнь в тот период показалась бы скучной: вокруг меня больше ничего не бурлило и не вскипало, я просто жила, погрузившись в покой моего маленького счастья.

В то утро мы встали очень рано. Мы ехали в Бад Гастайн в отпуск. Наскоро позавтракав, мы побросали в багажник собранные еще с вечера вещи и сели в машину. Погода стояла на удивление гадкая. Был конец ноября. Деревья почти оголились, лишь кое-где на ветру колыхалось рваное тряпье вымоченных дождями листьев. Йорг сел за руль. Мы выехали на трассу, и я, удобно устроившись и разомлев в тепле, постепенно погрузилась в дрему. Последнее, что я помню, это налипшая на стекло мелкая сыпь тумана и слепящий блеск летящих навстречу фонарей.

Я даже не смогла присутствовать на похоронах. Крепко упакованная в гипс, я лежала среди белых стен больничной палаты, когда медсестра бесстрастно сообщила мне, что мой муж десять дней назад погиб в автокатастрофе, а я вот выжила и только сегодня пришла в себя. Я помню только, что слезы затопили

мои глаза, так, что я, казалось, захлебнусь, а я смотрела в потолок, совершенно не понимая, как и зачем мне жить дальше. Я не слышала ни одного звука, меня поразила абсолютная глухота, но, как мне рассказали позже, я так кричала, что мне вкололи двойную дозу успокоительного, и врач чуть ли не за косу отодрал сестру за то, что она довела меня до такого состояния. Первые несколько недель я так и жила на успокоительном, но потом, выписавшись из больницы, перестала есть таблетки. Я намеренно мучила себя воспоминаниями о Йорге, заставляя сердце тысячу раз в день рваться на части. Мне было настолько плохо, насколько это вообще возможно. Единственным лекарством была смерть, и мысль о суициде все чаще приходила в голову. Но что-то во мне было, некая сила, заставляющая бессмысленно цепляться за жизнь, пусть и такую горькую. Покончить с собой я не могла, только надеялась, что смерть все же придет за мной сама. Постепенно боль стала глуше, она слилась с моей сущностью и превратилась в часть меня, неотъемлемую, как рука или нога, изменив всю меня. Произошла полная трансформация моей личности. Я стала по-другому мыслить, чувствовать, ощущать и видеть. Что-то умерло во мне, а что-то появилось, но той, счастливой, женщины, парившей среди розовых облаков, больше не существовало. Я даже оставила свой розовый дом, перебравшись на квартиру в Вену.

Йорга больше не было, но остались воспоминания о нем. Как-то еще в августе, за три месяца до его гибели, мы сидели с ним на нашем любимом балконе, пили «Шильхер» и смотрели на небо, наблюдая за падающими звездами.

- А ты веришь в рай? – вдруг спросил он.

Я улыбнулась, но Йорг оставался совершенно серьезным.

- Даже не знаю, - задумалась я, - а ты?

- Верю, - спокойно ответил он.

- И в ад тоже веришь?

- Разумеется.

Я с недоверием разглядывала Йорга.

- То есть ты хочешь сказать, что когда мы умрем, то кто-то будет прогуливаться по райским чащам и трескать райские яблоки, а кого-то черти будут на сковородке поджаривать, чтобы потом со шкварками умять? Не нравится мне такая теория.

Йорг рассмеялся:

- Это почему же?

- Потому что ты правильный, тебя в рай определяют, а меня точно в ад.

- Страшннннннн? – ужасным голосом прошипел Йорг, изображая из себя черта.

- Нет. Просто расставаться с тобой не хочется.

- Не волнуйся, - вздохнул он, - в рай меня точно не пустят.

- Спасибо, успокоил, - рассмеялась я.

- Вообще-то я серьезно.

- ..? И где же он, этот рай?

- А вон там, - и Йорг указал рукой на небо. – Видишь, сколько звезд? У меня такая теория, - начал он, - среди них есть звезды, как наше солнце, вокруг которых вращаются обитаемые планеты. И вот вокруг одной из таких звезд вращается планета Рай. Она очень красивая. Там нет зла, все любят друг друга, никто никого не обманывает. Может быть, даже это двойная звезда, и тогда на планете Рай в небе светят целых два солнца. Возможно, это и есть наша настоящая родина, а сюда, на Землю, мы попадаем в качестве наказания.

- В ссылку, - предположила я.

- Именно. А есть другая планета, она находится поблизости от звезды, и жить там чрезвычайно трудно – очень жарко. Все время печет, температура высоченная, жажда мучит, воды не хватает,

приходится выживать любой ценой. Это планета Ад. И вот, когда ты умрешь, вызовут тебя на комиссию. Представь себе: большая светлая комната, стены белые, потолок белый, в окна льется прекрасный и чистый, невозможно белый свет. Посреди комнаты стоит длинный стол, в середине восседает Господь, а справа и слева от него Ангелы. Все, естественно, в белых одеждах. А прямо перед ними лежат листки исписанной бумаги – там вся твоя жизнь. Вот посмотрит на тебя Господь и, перебирая листы, скажет:

- Ну что же ты, милая моя, вот тут-то наделала, - и постучит тонким пальцем по листку, - ой, а здесь-то, здесь... - тут Ангелы от стыда за тебя закроют лица крыльями. - Нехорошо, ай как плохо... А вот это уж ни в какие ворота не лезет!

А ты будешь стоять, красная, как пылающий уголек, уставившись в пол. Потом они посоветуются и... там уж как повезет – или на планету Рай отправят, или на планету Ад, а может здесь, на Земле, для новых воплощений оставят.

- А последнее слово дадут?

- А как же! Последнее слово даже убийцам положено.

- Н-да. Забавная теория. Тебя за нее от церкви еще не отлучили?

- Нет, я ж ее никому не рассказываю, только тебе, - рассмеялся Йорг, и добавил: - Если честно, то я ее только что придумал. Ну, как тебе такая теория, нравится?

- Да как тебе сказать... Теория-то мне нравится, но вот планета Ад очень беспокоит. Совсем мне туда не хочется.

- Ну, у нас еще есть время все исправить, - Йорг положил мне на плечо руку, и мы потом долго гадали, где же именно находится звезда, вокруг которой вращается планета Рай.

Теперь я часто смотрю на небо, пытаюсь увидеть там новый дом Йорга. Может быть, цивилизация райских жителей достигла такого уровня, что Йорг может взять телескоп, размером с подзорную трубу, но огромной мощности, и посмотреть на Землю. И тогда мы встретимся с ним глазами. Так я могу сидеть часами: ведь это все, что осталось от Йорга.

Как бы я хотела вернуться в прошлое. Но путь туда заказан. Только и остается, что заглушить тоску падающими в стакан каплями виски, а потом вот так валяться неизвестно где. Дышать все труднее. А может быть, все это просто дурной сон, и на самом деле я маленькая деревенская девочка из российской глубинки, а вовсе не сорокалетняя тетка? Сейчас наступит утро, и я проснусь. *Радио няня, радио-няня, есть такая передача*, будет вещать со стены белая коробка радио, *радио-няня, радио-няня, у нее одна задача*, в распахнутые окна залетит ветер, как паруса раздувая легкие Занавески, *чтоб все девчонки и все мальчишки подружились с ней*, матовое июльское утро лениво заползет в комнату, *чтоб всем ребятам, всем трулялятам было веселей!* и солнечный луч, прокраившийся вместе с ветром, заскользит по подушке и вдруг упрется в глаза, наполнит их золотом, запутается в ресницах, а затем убежит дальше, по стене, по потолку, и назад, на волю, туда, где на клумбе набирают бутоны ромашки и турецкая гвоздика теснит уже отцветшие нарциссы. Я открою глаза и увижу на столе крынку парного молока и большое блюдо с пирогом из черемуховой муки... Но мой дурной сон продолжается. И вот уже серый липкий туман беспамятства начинает рассеиваться, и события вчерашнего дня медленно обретают вполне реальные очертания. Мне становится безумно страшно. Я не хочу вспоминать, что было вчера! Пусть меня оставят в покое! Но нельзя.

Итак, вчера в 8 часов утра я бросила в сумку спортивную одежду и отправилась в Зиммеринг к Хайке и Йозефу кататься на лыжах. Свои лыжи я всегда оставляла там. Горные лыжи я страшно не любила, но Йорг катался с удовольствием, и я вынуждена была составлять ему компанию. После его смерти я достаточно часто ездила кататься, просто в память о Йорге, хоть мне и не доставляло это удовольствия. Как моя мама продолжала после смерти отца сажать и трепетно выращивать так любимые им баклажаны, хотя в нашей семье их никто уже больше не ел. Я выехала из дома, на Гюртеле попала в пробку, полчаса потеряла, затем выбралась на автобан А2, проехала Shopping city, отворот на Мёдлинг, Трайскирхен, Гумбольдскирхен – все это напоминало Йорга, около Бадена притормозила. Может лучше заехать сюда? Мы очень любили этот город и часто здесь гуляли. Однажды, блуждая по дорожкам городского парка, расположенного на склоне горы, углубились в лес и совершенно неожиданно вышли к виноградникам. Стоял октябрь, и почти весь виноград был собран, лишь кое-где вперемешку с красными листьями висели сморщенные кисти, по вкусу напоминающие изюм. Мы его весь бесстыдно оборвали, а потом сматывались, как зайцы, потому что завидели какого-то мужика, как и мы, блуждающего по винограднику, и решили, что это хозяин.

Но я проехала Баден и, уже не глядя по сторонам, помчалась в Зиммеринг. Около 11 я была на месте. Переодевшись, я вышла на открытую террасу, Йозеф поставил передо мной бокал пива, а Хайке принесла хлеб и домашнюю колбасу.

- Я тебе не советую сегодня кататься, - задумчиво сказал Йозеф.

- Почему?

- Предчувствие, - он устремил взгляд на белый склон горы, - я здесь уже тридцать лет и знаю горы, как самого себя.

- Не слушай его, - Хайке смахнула со стола крошки, - у него всегда какие-то мрачные предчувствия.

- Сегодня как-то особенно беспокойно. С утра видел молодых ребят со скейтбордами, они вон туда отправились, - Йозеф указал рукой на дальний склон, - там вообще кататься нельзя, лавиноопасно. Но они экстремалы.

- Я туда не пойду, - успокоила я Йозефа.

Я еще немного посидела, подставив солнцу лицо, затем пристегнула лыжи, надела солнцезащитные очки и отправилась кататься. Почему-то меня невозможно тянуло на этот запрещенный склон, куда уехали экстремалы. Несколько раз я скатилась по наезженной трассе, то и дело глядя в ту сторону. Вечерело, и солнце уже путалось в верхушках елей, роняя на землю длинные тощие тени, когда я все же решилась. Зачем-то мне захотелось посмотреть на этих мальчишек, играющих с судьбой. Я не собиралась кататься. Склон был достаточно крутой и неровный. Кое-где из земли торчали острые каменные глыбы, едва припорошенные снегом. Помню, я стояла и смотрела вниз, и вдруг что-то меня туда потянуло, какая-то неведомая сила, столь мощная, что сопротивляться ей не представлялось возможным, и я решилась, оттолкнулась, и вот уже меня понесло, только ветер швырял в лицо снежные комья. Это было здорово. Меня охватил неведомый ранее восторг. Я и не предполагала, что за эти годы так ловко научилась кататься. То и дело отрываясь от земли, я перелетала с одного каменного трамплина на другой. Скорость росла, я мчалась все быстрее, и уже не смогла бы остановиться, даже если захотела. У

меня был один путь – до конца, точнее, до начала склона.

Нет, я не упала и не разбилась. Меня накрыла лавина, когда я уже была почти у цели. Вероятно, обвал спровоцировали экстремалы, не зря же ведь умные люди повесили табличку – опасность схода лавин.

И вот теперь я лежу в снежном гробу, не в силах пошевелиться. Видно, я сломала левую ногу и несколько ребер. Воздуха почти нет, и если меня очень скоро не найдут, я попросту умру. Умру? Но я не хочу умирать! Именно сейчас, когда смерть наконец-то назначила мне долгожданную аудиенцию, я готова от нее отказаться. Я хочу черемухового пирога и стакан парного молока, хочу домой, к маме, закрыть глаза и слушать, как скребутся за печкой мыши, как трижды прокричит утром петух, и новый день распахнет очередное окно моей жизни. Нет, я не умру. Йозеф и Хайке обязательно меня найдут. Они ведь догадаются, что я здесь, обязательно догадаются. Кажется, я уже слышу их голоса, ну конечно! Gott sei Dank! Сейчас меня откапают, и я с удовольствием наберу полные легкие воздуха. Такие знакомые голоса... Йорг? Не может быть. Но это его голос! Точно его! Йорг, ты пришел меня спасти! Я знала, всегда знала, что ты даже после смерти меня не бросишь! Или это не ты? Я уже ничего не понимаю, я тихо схожу с ума, меня будто несет по темному глубокому тоннелю. Но, кажется, светлеет. Ну конечно! Меня нашли! Слава Богу! Вот только странно, что я больше не чувствую боли, и ничто не мешает дышать, и тело становится непривычно легким, словно бы его и нет вовсе, а глаза затопляет прекрасный и чистый, невозможно белый свет.

Дядя Володя,

или

из воспоминаний подросткового возраста

В моей жизни он появился совершенно неожиданно, просто однажды вечером позвонил в дверь и как ни в чем не бывало прошел в дом, достал из чемодана тапочки, повесил в шкаф рубашки, в ванной разложил бритвенные принадлежности, и на нашей уютной кухне вдруг стало тесно. Неожиданным его приход был только для меня, а все остальные, как я видела по глазам, не только его ждали, но даже были рады. Его усадили за стол на мое место у окна, налили водки, положили в тарелку салат.

- Это Володя, - сказала мне мама и то ли виновато, то ли испуганно улыбнулась. - Точнее, дядя Володя.

Я теперь и сама не могу понять, что же мне в нем так не понравилось. Вспоминаю прошлое, рисую портрет: человек как человек, мужик как мужик, роста невысокого, темноволосый, немного оплывший, на носу очки в толстой квадратной оправе, шутник и весельчак. Встреть я его сейчас в какой-нибудь компании, непременно подумала бы: «Какой милый человек!» Но тогда! Тогда он показался мне просто отвратительным. И пах-то противно (обычный советский одеколон), и ел неопрятно, и улыбался слащаво, и говорил с притворством. В общем, все в нем было не так.

Тем временем бабушка металась у плиты, колдуя над пирогами – это было ее фирменное блюдо. Она так суетилась, словно к ней в гости пожаловал сам

Господь Бог, и вот теперь ей во что бы то ни стало необходимо ему угодить, иначе ее не пустят в рай, и так и останется она стоять у закрытых врат с дымящимся противнем пирогов в руках.

Впервые эти пироги готовились не для меня.

Дядя Володя посмотрел мне в глаза, как мне показалось, нагло и бесцеремонно, растопырил локти и сказал так, будто мы сто лет знакомы:

- Ну что, садись, будем ужинать.

Едва сдерживая слезы, я выбежала из кухни и закрылась в своей комнате.

- Ничего, привыкнет. Она – девочка хорошая, добрая, - доносился мне вслед бабушкин голос.

В ту ночь я не спала ни одной минуты. Это была первая бессонница в моей жизни.

С этого момента моя жизнь изменилась коренным образом. Солнце за окном перестало быть желтым, небо – голубым, цветы – яркими: все стало бесцветным. А самое главное - меня уже больше никто не любил. По утрам меня не заставляли допивать молоко и доедать кашу, никто не требовал по двадцать раз на дню дневник, меня перестали спрашивать, а что мы сегодня проходили. И если раньше подобные воспитательные меры меня жутко раздражали, то теперь я прямо-таки жаждала, чтобы меня поругали, заставили делать уроки, не выпускали из-за стола, пока не доем последнюю ложку.

Теперь я только и слышала из всех углов «Володенька», да «Володенька». И этот ужасный Володенька был повсюду, он просочился в мои учебники, ехидно улыбался со страниц любимых книг, смотрел на меня с экрана телевизора, прятался в шкафу, выливался с водой из крана, вместо меня отражался в зеркале. О чем бы я ни думала, куда бы ни шла, он всегда был со мной. Он поселился в моей голове, превратившись в навязчивый образ, я не могла ни читать, ни делать уроки, ни заниматься

музыкой. Он тут же вкраплялся в мое сознание, сначала понемножку, всего по несколько точек, которые, впрочем, достаточно быстро нарастали и превращались в его портрет, заслоняющий от меня всю остальную действительность. В результате успеваемость упала до катастрофического уровня, я стала прогуливать уроки, впервые в жизни выпила вина, и мне это понравилось. Мама делала вид, что беспокоится, но я-то знала, что на самом деле ей все равно. Потому что меня она больше не любит, а любит Володеньку, для него живет, ходит на работу и в театры, стирает белье, читает книги и даже видит сны. И бабушка, моя любимая бабушка, теперь по воскресеньям только для него печет пироги. Это было невыносимо!

Тем временем наш дом стал заполняться новыми предметами и меняться в соответствии со вкусом нового жильца. Володенька был человеком с художественным вкусом и, как про него говорили, золотыми руками. (Естественно, я этого не находила). Он был обычным слесарем и работал на заводе вместе с мамой, она – в бухгалтерии, он – в цехе. Но в свободное время дядя Володя мастерил. Тогда было модным увлечение чеканкой, и он развесил на стенах созданные его воображением и руками работы. Даже мне они нравились, хотя я в этом себе не признавалась. Особенно одна. Она так и осталась у нас, и висит теперь на кухне. На ней какая-то средневековая девушка вглядывается с крепостной стены вдаль, дожидаясь своего рыцаря. В руках девушка держит свечу, пламя свечи срывается на ветру и отражается в грустных глазах девушки. Теперь я понимаю, что у неё были черты лица моей матери. Дядя Володя также, следуя все той же моде 70-х, делал чудесные вазы из капы, подбирая материал в подмосковных лесах, куда специально выезжал в ему одному известные места.

Но все же дядя Володя был не чеканщиком, он был совершенно великолепным резчиком. Своими руками он сделал нам карнизы, вырезал дверные ручки, украсил кухню резными досками, деревянными тарелками, в центре которых красовались объемные деревянные фрукты. На Новый Год он подарил маме дивный резной ларец для драгоценностей, которых она никогда не имела, а мне – небольшую шкатулку. Я тут же выкинула ее на помойку. Хотя, видит Бог, мне ее было до ужаса жалко.

Если бы кто только знал, как я ненавидела все эти его поделки! Особенно, когда приходили гости и на все лады начинали расхваливать: «Ах, как красиво! Неужели вы сделали это сами? Просто невероятно!» Мама гордилась, а мне было тошно и противно. «Да неужели вы не видите, - внутренне возмущалась я, - что все это пошлое мещанство! И место ему – в темном чулане!»

Надо отдать Володе должное, поначалу он искренне пытался наладить со мной отношения. Он покупал мне шоколадки (с этого момента я их невзлюбила), книги, доставал модные пластинки. Он даже пытался проверять у меня уроки. Это было уже слишком! Как он смел! Чужой, посторонний, заглядывать в святая святых – мои блокноты и тетрадки, где я тайком писала стихи, стихи, которые не читала даже моя лучшая подруга Вика! Он всегда появлялся неожиданно, именно в тот момент, когда я мучила непослушную рифму, пытаясь пристегнуть к предыдущей строке. Конечно же, он был виноват в том, что опять ничего путного не получилось! Мне искренне казалось, что это все он делает нарочно, чтобы досадить мне, унижить меня, высмеять! Разумеется, это было не так! Зла он мне не желал. Но если бы в тот момент Володя сказал мне, что небо голубое, а листья зеленые – я бы не согласилась,

потому что моя цветовая гамма никак не совпадала с его.

Я ненавидела дядю Володю всей душой. Если он брал книгу с моей книжной полки, я непременно находила причину, чтобы ее отобрать, если он смотрел мои фотографии, я приходила в бешенство, я даже перестала есть со всеми, и питалась теперь в своей комнате в одиночестве, демонстрируя всем, как мне плохо, и что они сделали с моей жизнью. Ночами я мучилась бессонницей, представляя его то американским шпионом, которого, разумеется, я разоблачила, то страшным преступником и даже маньяком. А может, это он вчера показывал девочкам гениталии, так что даже пришлось вызывать милицию, но извращенцу удалось скрыться? А вот на днях обокрали квартиру соседей, до того, как Володеньки не было, никто ничего не обкрадывал, а теперь вдруг обокрали?! Подозрительно. А на соседней улице квартира сгорела, говорят, газ. Но так ли это на самом деле? А недавно по телевизору рассказывали про гада, который норковые шапки вечерами стаскивает с одиноких прохожих. А потом, небось, на рынке продает, а нам приносит в кулечке мандарины и шоколадки. Не буду есть его мандарины. Ни за что не буду. Вот только маму жалко, она ведь ничего не подозревает. А бабушке предательства ни за что не прощу!

Я ему перечила буквально во всем, грубила и хамила, заставляя маму краснеть. Бабушка говорила, что просто не узнает меня. Да я, если честно, и сама себя не узнавала. Откуда во мне, в общем-то, еще ребенку, было столько яда и злости! Вся моя ненависть, способная родиться в недрах подростковой души, была направлена исключительно на него. Но что бесило меня больше всего на свете, так это то, что он не обращал на мои колкости и грубости никакого внимания, да еще маме делал знаки, мол, и ты не

обращай. Конечно, думала я, чего с дуры возьмешь! Вам же на меня наплевать! В общем, я поняла раз и навсегда, что в маленьком мирке, который я еще недавно называла своей семьей, нам двоим никак не разойтись – слишком тесно.

Вскоре и он это понял и потерял ко мне всякий интерес. Ему стало скучно. В конце концов, он пришел к моей матери, а не ко мне. С этого момента дядя Володя перестал обращать на меня внимание. Теперь мы жили в одном пространстве, но в разных измерениях. Но если он готов был меня терпеть (хотя был ли у него выбор?), то я его – нет. Больше всех страдала моя мать. Она оказалась между двумя полюсами. Ей хотелось угодить и ему и мне одновременно, но из этого, разумеется, ничего не получалось.

- Посмотри на мать, - укоряла меня бабушка, - на ней лица нет. За что ж ты ее так мучаешь! Вот подрастешь – поймешь. А сейчас дай ей хоть для себя-то пожить. А то все для тебя, да для тебя!

Подобным доводам я не внимала. Я совершенно не считала, что мать мучается из-за меня. Более того, я была на нее в обиде. Для меня ее поведение было сущим предательством. Кто такой этот Володенька?! Да она и знает его без году неделю! А я – дочь! В конце концов, я себя рожать не просила. Может, я б могла родиться у других родителей, каких-нибудь дипломатов или эстрадных артистов. Вот жизнь была бы! А тут...

Мать металась. Мать страдала. Я сама провоцировала ее сделать выбор. И постепенно к своему ужасу я заметила, что выбор идет не в мою пользу. Не то чтобы она стала хуже ко мне относиться. Но она стала слушать Володеньку. Он говорил, что я избалованная и капризная – она соглашалась, что я эгоистка – она соглашалась, что приструнить меня надо – она соглашалась, и так далее. Теперь я

понимаю, что она всячески пыталась сделать его моим отцом, пусть не родным, но отцом. Ей очень хотелось иметь полноценную семью, иметь мужа, которого у нее никогда не было. Сама семья стала для нее новым явлением, и внутренняя вековая женская сущность проступала в ней стремительно и напористо, словно бы она пыталась наверстать все упущенное время. Она вила гнездо. И главное место в этом гнезде предназначалось Володеньке, мужчине, главе семьи. Она его любила. И это было для нее волнующим, захватывающим чувством. Последние пятнадцать лет ее жизнь была борьбой матери-одиночки за существование. Она вставала, шла на работу, затем неслась в магазин, покупала еду, одежду, необходимые вещи, ужинала, ложилась спать, затем опять вставала и так без конца. Она даже в парикмахерскую ходила только после того, как ее стыдила бабушка: посмотри на кого ты стала похожа, старше меня выглядишь. И вдруг все изменилось. Вдруг она поняла, что она женщина. Что ее тоже могут любить, приглашать в театр, делать подарки. Что есть кто-то, кому она нужна, и кроме обедов и ужинов есть еще масса прекрасных вещей, о которых она уже давно забыла. Есть нежные взгляды, поцелуи, просто пожатие руки, от которого по коленкам пробегает дрожь. Все это изменило ее жизнь, наполнило иным смыслом. Можно, оказывается, еще любить и быть любимой. И мое жестокое, бессердечное поведение ложилось тенью на солнечное пятно, которое, пусть поздно, но все-таки подарила ей жизнь.

А для меня это была катастрофа. Я чувствовала, что моя мама, моя собственность, уже как бы не совсем моя, что я – вторая, а не первая, как это было всегда. Я просто представить себе не могла, что бывает по-другому. Я – центр Вселенной. Я – основа основ. Я – то, ради чего моя мама живет. Я! Я! Я! Последней

капель стала их совместная поездка к морю. Это было слишком! Меня отправили в лагерь, а сами уехали в Ялту. Я представляла, как они плавают в море, загорают, едят мороженое. И мной овладевала зловещая тоска. Теперь я ненавидела их обоих. А когда ближе к осени они заговорили о том, что неплохо бы приобрести в Подмосковье дачу, сердце мое окончательно разорвалось. Разумеется, на эту дачу я не поеду никогда. Я стала думать о суициде. Жизнь больше не имела для меня смысла. С ней надо было кончать. Я представляла себе, как буду лежать в гробу, такая юная и красивая, а все вокруг будут рыдать. И больше всех мама. Она будет заламывать руки, падать на гроб, убиваться и наконец поймет, как она была не права, но будет поздно. Пусть мне будет хуже! Пусть! Пусть они поймут, как обидели меня, как заставили незаслуженно страдать! Однажды после школы я забралась на крышу соседней многоэтажки и подошла к самому краю. Мой дом был напротив, и я даже видела открытые окна своей квартиры, и в какой-то момент бабушка вышла на балкон, чтобы снять белье. Я буду падать с крыши, лететь, как птица. И может быть, они меня даже увидят. Это будет нелегко. Но я все равно это сделаю. Я умру.

Я перелезла через невысокую оградку и теперь стояла на самом краю бездны, между жизнью и смертью. Достаточно порыва ветра, и я упаду. Кончики моих кед чуть свисали над бездной, а внизу, словно золотые монеты, желтели на асфальте опавшие осенние листья. И вдруг мне стало страшно. До такой степени страшно, что я потеряла всяческий контроль не только над мыслями, но и над памятью: как слезала с крыши, убейте, не помню; только и осталось в памяти – соленый привкус крови от прикушенных губ. Отчего-то я очень сильно проголодалась и, когда пришла домой, как безумная, набросилась на еду и ела, ела, ела, пока болезненные

спазмы не сдавили желудок, извергнув съеденное наружу. Бабушка ничего не говорила, только с удивлением на меня смотрела. Что уж она подумала – не знаю. Но мне самой стало ясно одно – это не метод. Не я, умереть должен он. Только надо придумать план.

Теперь я не спала ночами и все представляла, как подкрадусь тихонечко ночью и воткну нож в ненавистное тело, прямо в сердце, или как подсыплю в чай яд, вот только где раздобыть кураре; или как спихну его с балкона, когда после сытного обеда по закону Архимеда он будет затягиваться вонючей сигаретой. Мне снились дикие сны, где я бегала за ним с топором или он гонялся за мной, снились незнакомые комнаты, где с потолка капала кровь, снилась война, взрывы, что меня берут в плен и Володенька в роли мучителя, снились маньяки, стерегущие меня в стенном шкафу. Однажды мне приснилось, что я иду по огромному полю, уставленному красными гробами. Иду и открываю их, и в каждом вижу полуистлевшего покойника. И вдруг открываю один – а там я. Это было ужасно. Особенно меня поразили эти две я, одна живая, а другая в гробу. Это было каким-то страшным знаком. Я проснулась в холодном поту и не могла больше заснуть до утра. Я все думала. И решила, что это Володенька хочет меня убить. Нужно было что-то делать, но что, я не знала. Вечером, когда никого не было дома, я позвонила своей лучшей подруге Вике. Мне необходимо было все ей рассказать.

- Я его убью, - говорила я, рыдая, - у меня нет другого выхода. Или он, или я.

Вика долго и задумчиво молчала и наконец таинственно проговорила:

- Нет, это не выход. Но у меня есть идея.

Я часто задумываюсь над тем, а за что, собственно, я так ненавидела дядю Володю, и не

нахожу ответа, наверное потому, что его не может быть в принципе. Возможно, это была ревность, обыкновенная детская ревность, или просто жестокость, необоснованная, как и многое в этом возрасте. Тогда, безусловно, я думала только о себе, хотя если бы кто-то сказал мне об этом, я бы обиделась на всю жизнь, потому что была уверена, что делаю лучше для всех, а для мамы особенно. Мне казалось тогда, что я люблю ее больше чем прежде, и все мои старания для нее и из-за нее. А я-то уж потерпела бы, но моя замечательная мама заслуживает лучшего, а вовсе не такого мерзавца, которого приличные люди и на порог-то не пустят. В одном я вынуждена была себе признаться: впервые за многие годы моя мама была действительно счастлива, несмотря на все мои выкрутасы. Впрочем, это было объяснимо: все влюбленные женщины глупы и слепы. Она просто не видит, что представляет собой этот тип. И объяснять ей бессмысленно. Опять же потому что она влюблена. Вот я ни за что ни в кого никогда не влюблюсь. Я теперь знаю, что такое любовь. Это сплошной обман и глупость. Я буду очаровывать всех мужчин, а потом бросать. Чтобы отомстить за маму и всех обманутых женщин. А замуж я ни за какие коврижки не выйду. Я теперь не дурушка, и о любви и браке знаю все.

И мы придумали. Наш план был глуп, дерзок и жесток, хотя нам самим он казался гениальным. Само собой, в том будущем, которое предусматривалось этим планом, не было места никому, кроме меня, а я ведь и являлась главным персонажем, вокруг которого всё и вертелось, так что всем остальным могло быть хорошо, только если хорошо мне. Если бы я умела смотреть вглубь своих истинных мыслей, то именно так и сказала, но я, разумеется, заботилась о будущем своих близких и для них только и старалась.

Но кто же, кроме меня, может знать, кто прав, а кто виноват, где истина, а где ложь?

Вика обладала удивительным даром: она умела копировать голоса разных людей, причем ей удавалось это на удивление хорошо. Теперь, когда я заведомо знала, что Володи нет, а мама дома, Вика звонила к нам на квартиру и милым дамским баском, примерно так, как говорила наша школьная медсестра, просила позвать к телефону Володю. На вопрос матери, а кто имеет честь интересоваться, Вика усмехалась и вешала трубку. Я видела, что мама тревожится, видела в ее глазах страх, видела боль, но в тот момент меня это ничуть не волновало. Ведь я-то знала точно, что стараюсь для общего блага. «Он плохой, вот увидишь, что все будет хорошо», - отправляла я ей мысленный посыл. Что все? И кому будет лучше? Разве я об этом думала? Пятнадцатилетний подросток, чей мир, вывернутый наизнанку юношеским максимализмом и абсолютной уверенностью в себе, был прочен и нерушим как египетские пирамиды; я и представить себе не могла, как страдает моя бедная мать, брошенная моим непутевым отцом, когда мне не было и года.

А Вика, тем временем, реализовывала вторую часть нашего плана. Она рассказала своей бабуле о том, что собственными глазами видела, как сожитель (до чего мерзкое слово) моей мамы прогуливался в сквере с другой женщиной. Как она выглядела? Очень даже неплохо: волосы черные, сама красивая, одета хорошо, и цветы, он еще ей цветы подарил, кажется, красные розы. А может быть, гвоздики. Ну, честное слово, бабуля, вот этими глазами и видела, да сама, да в сквере. Не веришь и не надо. Зачем тогда там живет? Ясное дело, из-за жилплощади. Все знают, что у него только комната в общежитии, а тут такой случай подвернулся!

Ах, Викина бабушка, Викина бабушка! Если бы кому-то захотелось в кратчайшие сроки довести какую-либо информацию до возможно большего количества людей, нужно было обратиться к Викиной бабушке. А если еще и попросить ее никому об этом не рассказывать, процесс распространения информации ускорился вдвое. В общем, не прошло и недели, как все об этом заговорили.

Нет, скандалов в доме не было, не было объяснений, прощений, слез. Была пара разговоров на кухне за закрытой дверью, не знаю о чем. Возможно, он понял, что нормальной жизни все равно не получится, и бессмысленно бороться с эгоистичным подростком, у которого на уме только одно – выжить его из дома. Наверное, он сказал маме, что все это неправда, возможно, она даже поверила. Но что-то уже разладилось. Одно я знаю точно – он прекрасно понял, чьих это рук дело. Вот только сказал ли об этом маме? Не знаю. А потом он ушел. Вот так взял и ушел. Собрал свои вещи в чемодан и закрыл за собой дверь, а, уходя, сказал мне, сказал тихо, чтобы никто не слышал:

- Зря ты так.

А я ликовала. Ура, ура! Наша взяла! Победа за нами! Враг повержен! Нет больше в доме его запахов, нет бритвенных приборов в ванной, нет рубашек в шкафу, и место мое у окна теперь по-прежнему свободно. Но... не было больше и пирогов по воскресеньям, не было лучше в маминых глазах, и не было еще чего-то, чего-то очень, очень важного, что я не могла понять умом, но ощущала сердцем.

- Здорово мы его! – балдела Вика.

А мне отчего-то вдруг стало не по себе и захотелось все как можно скорее забыть, чтобы не вспоминать уже никогда. И Вику тоже отчего-то хотелось забыть. И когда мы окончили школу, я, облегченно вздохнув, перестала ей звонить и стала

всячески избегать встреч. Она поначалу злилась, и даже обещала отомстить неразумной, но потом резонно заметила, что таких дур, как я, на свете много, а вот она, Вика, одна. Так что если и есть здесь кто-то, кому здорово не повезло, так это я. Ну и черт со мной. Ну и ладно. И индивидуальная Вика растаяла в дымке памяти, оставив на моей совести мокрые и грязные следы.

Я так и не смогла рассказать матери правду, рассказать, что из-за меня он ее бросил, что это я, холодная, глупая, черствая и злая, сломала, разорвала в клочья ее маленькое, едва народившееся счастье, на которое она, как и я, и многие другие, имела полное право. Она уже больше не делала попыток создать семью. Почему? Не знаю. Возможно, она смирилась и приняла себя некрасивой, ненужной, неженственной, нежеланной, одинокой и несчастной. «Пусть будет так», - сказала она себе и не ответила ни разу ни на один взгляд ни одного мужчины. Она не восприняла Володю плохим, она восприняла плохой себя. Как говорят, она поставила на себе крест. А может быть, она прекрасно поняла, что я просто не дам ей этого сделать, и между своим личным счастьем и мной она выбрала меня. Во всяком случае, мы с ней об этом не говорили, и она ни разу ни в чем меня не упрекнула. Никогда я не слышала от нее то, что очень часто одинокие матери говорят своим детям – я пожертвовала своим счастьем и не вышла замуж исключительно ради тебя. Хотя поступила она именно так. Да, конечно, Володя мог бы за нее побороться, но не сделал этого. Может быть, недостаточно любил? В конце концов, мы прожили вместе всего год, а это не срок. Наверное, он искал более легкой семейной жизни и семейного покоя, а у нас его не было. Я знаю, что очень скоро он встретил другую женщину и, кажется, даже женился. Так что, может быть, в чем-то мы с Викой оказались и правы, и ему действительно

нужна была наша жилплощадь. Хотя я должна честно признаться, что ничего плохого он не сделал ни мне, ни моей матери. Но мне все-таки приятнее думать, что он не любил мою маму по-настоящему и то, что я сделала, в конечном итоге вышло к лучшему; вот только почему-то, когда я вижу свою мать, играющую с моим маленьким сыном, я отворачиваюсь не в силах сдержать слезы стыда, а может быть, просто боюсь, что когда-нибудь окажусь на ее месте.

Владимир Борисов

Родился в 1958 году в г. Челябинске, где прожил до 1980. По образованию строитель. С 1980 г. живу в Москве. Отец двух дочерей и дед двоих внуков. Поэзией увлекался с детских лет, а вот к прозе перешел не так давно - последние лет пять. Член Международного союза писателей «Новый Современник». Золотой лауреат премии «Золотое перо Руси» за 2008 год.

Публикации в литературных альманахах Нидерландов за 2006 и 2007 гг., США – Антология «Русского Глобуса» за 2008 г., в литературных журналах «Южная звезда», «Колесо», литературных сборниках Москвы и Петербурга. Весной 2010 г. в Амстердаме вышел сборник повестей и рассказов «Ангел серебристый». Готовится перевод этой книги на французский язык.

Побег

Желтый, почти прозрачный березовый листочек обессиленно опустился к самым ногам Саввы.

Савва, по документам Савелий Александрович Гридин, невысокого роста, тонкий в кости мужик сорока с небольшим лет, с тоской разглядывал этот желтый резной листок, быть может, впервые поражаясь его бесконечному совершенству и красоте.

Проверяющий закончил поверку, передал журнал дежурному офицеру по лагерю и, повернувшись на слегка кривоватых ногах, пошел не спеша вдоль шеренги черных замызганных бушлатов и таких же ушастых, черных, засаленных шапок. Он

шел вразвалочку, покуривая и небрежно сплевывая, и по пути, ненароком, каблуком своего отполированного черного сапога размазал листочек о влажный асфальт плаца.

Офицер давно уже перешел к проверке следующей шеренги заключенных, а Савва все смотрел и смотрел на безжизненный, бесформенный, грязный ошметок, лишь мгновение до этого бывший вершиной совершенства природы, отчетливо понимая, что он, Савелий Гридин, более уже не сможет жить, находиться здесь, в этой зоне, в этом лагере, в своем бараке под номером двенадцать, за пять лет ставшим почти родным. Нет, не сможет.

И Савва бежал.

Глупо.

В одиночку.

В стремительно приближающуюся осень...

1.

Еще не успела первая с начала смены сосна с шумом и треском рухнуть на землю, ломая на своем пути жидкий подлесок, чахлые березки и худосочный ольшаник; еще не угас предостерегающий крик бригадира «Поберегись!», а Савва уже ломанулся в лес, в обход сидящего возле костра, курящего в полудреме, вооруженного охранника, справедливо полагая, что если он сейчас сможет незаметно уйти, то о его побеге станет известно, как минимум, только к обеду. А если повезет, то и не раньше вечера.

Гридин бежал, стараясь не громыхать раздолбанными ботинками, забирая постепенно все глубже и глубже в лес, прочь от колючки временного забора, сооруженного вокруг делянок лесоповала, прочь от сердитого надсадного рева десятка бензопил, старательно обходя скользкие валуны гранита,

покрытые темно-зеленым мягким и податливым мхом, и полянки, заросшие высокой ломкой травой.

Казалось, что само подсознание доселе дремавшего в нем животного начало подсказывать, как, куда и почему ни в коем случае наступать нельзя, а куда, напротив, можно.

Гридин бежал, с наслаждением вдыхая осенний, пропитанный запахами хвои и прелой листвы воздух.

Воздух, донельзя напоенный ароматами свободы.

Воздух, о существовании которого он как бы даже и не догадывался там, за лагерной колючкой.

Воздух, в котором не было и намека на барачную вонь, испарения вечно влажных портянок, смрад дешевого табака и миазмы переполненной, прокисшей, пузырящейся парашаи.

Савва остановился перевести дух возле высоченной, отмеченной молнией сосны, скovyрнул ногтем тронутую блеклой патиной янтарную каплю смолы и бездумно, улыбаясь непонятно чему, отправил ее в рот.

Прямая горечь, тотчас налипшая на зубы Савелия, самым неожиданным образом успокоила беглеца, и дальше уже он шел не торопясь, часто отдыхая и присматриваясь к окружающей его тайге.

С каждым часом, все дальше отдаляясь от зоны лесоповала, Савва все более и более утверждался в правильности своего, на первый взгляд безрассудного, поступка. Так, как он прожил все предыдущие годы, человек жить не должен. Не имеет права. Если он человек...

Да, он вор. Да, наверное, закон прав, хотя и суров. Но то дно, вся та обстановка, в которой пришлось вариться Савелию Гридину последнее время, меньше всего предполагали его исправление. Ежедневный холод, недоедание, крысятничество и почти нескрываемое мужеложство в зараженных клопами и вшами бараках, беспричинная жестокость

и охранников и охраняемых ломали людей, озлобляли, лишали их всего того светлого, что наверняка было (да как же иначе) в их душах до того, как лагерные ворота заменили им двери родных домов.

И он бежал...

Хотя если хорошенько подумать, то бежать Савелию было особо-то и некуда...

Жены у него как-то не случилось, а мать после смерти отца, известного в Москве партийного работника, ударилась в религию, да так прочно, что стала старостой небольшого храма в Марьиной роще, а сына родного проклала и пообещала в дом не пустить, даже если и по истечении срока отсидки...

Да и квартиру, большую четырехкомнатную квартиру с высоченными потолками и окнами на Тверской бульвар, поклялась безвозмездно передать в дар синоду.

...Внезапно кабанья тропа, по которой шел Савва, круто повернула вправо, и тут же глазам изумленного беглеца предстала река во всей своей северной красоте.

Пока еще не быстрая, несколько даже вальяжная, текла она неизвестно куда, необычайно радостная и нарядная, светлая под ярким покамест солнышком, вся сплошь в зеленых кляксах лощеных листьев водяных лилий и в зеркальном отражении чуть тронутых желтизной берез и высоченных кедров, растущих поодаль на противоположном красного гранита обрывистом берегу...

- Красота-то какая, Господи! - умиленно возликовал Савелий и присел (впервые после побега) перекурить, радостно щуря обожженные дымом папиросы глаза. - Красота... Да если бы подобное чудо, если бы речушку эту увидеть мне довелось в свое время, по малолетке положим, да неужто бы понесло

меня невесть куда, по дорожке моей, по кривой, по этапной? Да ни за что!

Так, скорее всего, размышлял Савва о жизни своей никудышной, вольготно развалившись над обрывчиком, поросшим распушенным, перезревшим уже кипрейником, покачивая ножкой в порыжевшем стоптанном ботинке и покусывая горьковатую жесткую былинку.

И так вдруг ему захотелось выспаться здесь, на этом бережочке, под сосенкой, с видом на безымянную эту речушку, подложив, под голову свою непутевую, кучку золотисто-желтой мягкой и не колючей хвои, что он чуть было в голос не завыл, но далекий надрывный лай собачьей своры, мигом отрезвив Савелия, сбросил каторжанина с обрыва навстречу реке-спасительнице.

- Уйду, суки, непременно уйду... - ругнулся Гридин и, не снимая ботинок, помедлив мгновенье, вошел в прохладные струи реки... - Уйду.

2.

Лай собак отчетливо приближался, а Савва все еще пытался выволочь на середку реки, мелкой в этом месте, большой корявый пень, черными корнями прочно зацепившийся за прибрежные влажные валуны.

- Ну пожалуйста. Ну что тебе стоит? Ну, давай, сучья лапа! - неизвестно к кому: к себе ли, к коряге ли этой неподатливой, в голос, в охрипший крик взывал беглец, но корневище сидело как вкопанное, лишь ломаный комель слегка колыхался в воде, словно дразня и издеваясь над каторжанином.

- Да ну и хрен с тобой! - взвыл от отчаяния Савва, спиной уже чувствуя горячее дыхание спущенных с поводков псов, как пень вдруг, вздрогнув, вывернулся и не торопясь, растопырив толстые, в руку, корни,

поплыл по воде, плавно забирая все более и более влево.

- Спасибо тебе, Господи! - наспех перекрестился Гридин и, плюхнувшись брюхом в реку, погреб вслед за уплывающим бревном.

Краем глаза Савва заметил возле берега появление собак – крупных псов, обиженно скулящих и бестолково шныряющих в прибрежной осоке, но спасительный пенек, а вместе с пнем и он уже заплывали за поросший густой ольхой небольшой каменистый островок...

- Ушел, - выдохнул Савелий и, вкарабкавшись на толстый обломок ствола, покрытый теплой шершавой корой, радостно засмеялся...

Комель, на котором расположился беглец, возвышался над водой, и вымотанный донельзя мужик, слегка поворочавшись, умудрился даже прилечь на нем, животом принимая все тепло, накопленное деревом за день.

- Ушел, - повторился Гридин и, прихватив руку ремнем, переброшенным через торчащий вверх обломок корневища, закрыл глаза.

- Ушел, - уже засыпая, шептал радостно беглый зэка, прильнув щекой к мшистой пробке, явственно чувствуя всем своим промокшим и озябшим телом ласковое прикосновение лучей предвечернего солнышка...

...Проснулся Савва совершенно продрогшим, но необычайно отдохнувшим и бодрым. Подсохшая было на нем одежда вновь стала волглой от обильной росы, выпавшей под вечер. Беглый вор потянулся, вновь заправил ремень в штаны и перевернулся на спину. Крупные звезды, мерцая холодным, безжизненным голубоватым светом, повисли, казалось, над самой рекой, отражаясь в черном зеркале воды слегка дрожащими крупными блестками. Река текла меж двух чернеющих скалистых берегов неспешно и почти

бесшумно. Лишь изредка слышалось негромкое ее журчание среди обломков породы, да шлепала пузом рыбья мелочь, спасаясь от зубов прожорливой щуки. Савва запустил руку под надорванный козырек черной брезентовой шапки и выудил мятую сигарету да расплюснутый спичечный коробок.

Табачный дым, почти невидимый в плотной предзвездной мгле, уносился прочь, отгоняемый легким, пропахшим хвоей и тиной ветерком. Сигаретный окурок, зашипев, погас, и вокруг Саввы, плывущего на своем пне, вновь воцарилась звездная темнота, донельзя наполненная ночными запахами и звуками. Счастливо хрюкнув, Савелий поплотнее запахнул бушлат и, зарывшись носом в засаленный воротник, вновь погрузился в сон, крепкий, без сновидений...

...Несколько раз за день река разбивалась на рукава, отдельные протоки, но Савва, слегка подгребая руками, постоянно выбирал самые левые ответвления, справедливо полагая, что, двигаясь к югу, он скорее наткнется на хоть какое-то человеческое жилье и попытается раздобыть для себя что-то из съестного. Хотя, справедливости ради должно сказать, что съестного вокруг Гридина было вдоволь. В камышах шебуршали отъевшиеся за лето, тяжелые утки. В черных лужах, наполненных теплым перепревшим илом, лежали, сонно провожая взглядом голодного, безоружного, а значит неопасного, зэка, наверняка ужасно аппетитные в жареном виде, но в настоящее время живые и несъедобные кабаны и дикие свиньи. К левому более пологому берегу, словно дразня оголодавшего мужика, частенько на водопой подходили нервные косули, передергивая испуганно хвостами, наскоро, короткими глотками, пили холодную воду и вновь скрывались в чаще. Перевернувшись на живот, Савва часами наблюдал, как в изумрудных, качающихся,

словно русалочки волосы, зарослях элодеи безбоязненно выискивали что-то у дна широкоспинные хариусы и плоскоголовые усатые налимы.

На высоких отвесных скалах, проплывающих мимо беглеца, иногда виднелись покосившиеся столбы с разодранной колючкой да поваленные вышки – заброшенные, безжизненные лагеря времен культа личности...

...И вновь выпала вечерняя роса, и вновь наступила звездная ночь, но Савелию было уже не до ее красот, да и чувство эйфории, опьянение от свободы, давно уже улетучилось, уступив место жуткому голоду, притягивающему и без того плоский живот к самому позвоночнику... С отвращением набив полный рот сосновой корой, оторванной с пня, Савва, старательно ее пережевывая, попытался проглотить это безвкусное, отвратно-пресное крошево, но оголодавший организм мужика все ж таки не принял эту обманку, и уже через мгновение Гридин, стоя на карачках, блевал в воду горькой желчью вперемешку с разбухшей корой.

... Рано утром, когда Савва в очередной раз отгребал пеню влево, в протоку с более медленным течением, ему показался чей-то негромкий рассудительный говорок, но, присмотревшись, он понял, что это небольшая волна просто-напросто бьет в разошедшийся борт лодки.

От неожиданности зэка чуть не упал в воду и даже ополоснул лицо речной водой, но ничего не изменилось: вот поросший камышом заливчик, вот кабанья тропа, уходящая в чащу леса, вот темный от ила песок, а вот и лодка, до половины вытащенная на берег, но самое главное, от лодки к большому валуну, наклонно торчащему из песка, тянулась буро-красная от ржавчины цепь.

Савелий прыгнул со своего пня, по самую грудь провалившись в студеную воду, и, оттолкнув ненужную более коряжину, побрел к берегу.

3.

Одного взгляда хватило разочарованному Гридину, чтобы понять, что лодкой уже давно, слишком давно не пользовались. Сквозь щели в ее бортах свободно просачивалась речная вода, а сквозь дно – тоненькая осинка умудрилась пропихнуть темно-серый, гнутый ствол.

Хлюпая водой в раскисших ботинках, Савва, как мог, поспешил по тропе вверх. Падая и сдирая в кровь пальцы о довольно пологий склон, он неожиданно вышел на почти идеально круглую поляну, притаившуюся среди столетних сосен и кедров.

Прямо перед ним стояла покосившаяся, рубленая из дерева часовенка, а чуть поодаль, за небольшим погостом с кособокими трухлявыми крестами, виднелся притулившийся к древней березе сруб с небольшими подслеповатыми оконцами. Сруб был обнесен плетнем, но плетень хитрым: каждая веточка высушенного орешника, каждая жердь, поставленная вертикально, были старательно заточены, и примитивный, хлипкий на первый взгляд заборчик при более внимательном знакомстве оказывался серьезной защитой от непрошенных гостей, будь то зверь таежный, будь то варнак беглый.

- Скит, - откуда-то из глубины памяти Савелия выплыло это слово, и он, сбрасывая с себя мокрый бушлат, штаны и ботинки, по росистой траве поспешил к дому.

- Скит, - повторил уже более уверенно зэка, плечом приоткрывая тяжело поддающуюся дощатую дверь калитки.

- А калитка-то не заперта, - с радостной опаской отметил Гридин и, осторожно ступая босыми ногами по мягкой и прохладной траве, направился к крыльцу.

...Убранство дома поражало своей основательностью и простотой.

Бревна, из которых были сложены стены, хотя и отличались друг от друга по толщине, но тем не менее казались хорошо обтесанными, а мох между ними был старательно и плотно забит. Вдоль стен стояло несколько скамеек, грубоватых, но прочных, а в простенке между окон расположилось слегка кособокое плетеное кресло. В оконцах вместо стекол были вставлены тонкие пластины слюды, серовато-зеленой на просвет.

В углу, на полочке, застеленной неопределенного цвета тряпицей, стояли темные, выгнутые иконы, с которых на непрошеного гостя с укором и грустью смотрели какие-то лики.

Чуть левее, на четырех вбитых в стену гвоздях, висели четыре офицерских шашки в простеньких потертых ножнах с позеленевшими, видимо медными, кольцами. Савве подумалось, что в свое время на этих же гвоздях висели и кителя, но сейчас лишь легкая потертость бревен говорила об этом.

За скамейкой, аккуратно приставленной к бревенчатой стене, в ряд стояли четыре винтовки Мосина, тускло поблескивая пыльными стволами...

В комнате густо пахло махоркой, мышами и еще чем-то затхло-пыльным. Но все это: и шашки, и иконы, и скамейки с креслом - Савелий рассмотрел много позже, только после того, как смог несколько успокоиться и пройти по дому, ну а пока же он не отрываясь смотрел на стоящую на столе домовину (вырубленный из цельного бревна гроб) в которой, торжественно сложив руки на груди, лежало тело древнего старика с реденькой седой бородой, в белой гимнастерке с двумя прямоугольными карманами на

груди и темно-синих шароварах с ярко-алыми лампасами, в правом ухе – крупная золотая серьга. Вся левая сторона груди усопшего казака была увешена крестами и незнакомыми для зэка орденами. Но не ордена и кресты, украшающие грудь, по-видимому, отважного при жизни казака, останавливали взгляд Саввы, а его руки. Руки темно-коричного цвета, напрочь высохшие, с тонкими длинными пальцами и резко выпирающими суставами.

- Е-мае! - выдохнул пораженно Савелий и, судорожно сдернув с головы шапку, принялся... Но нет, пахло всем чем угодно, но только не тленом. Не было того приторно-отвратного запаха разлагающейся плоти, обычно сопровождающего уход человека из жизни...

- Когда ж вы, ваше благородие, изволили откинуться? - подбодрил самого себя Гридин и притронулся к правой руке усопшего, у которого меж высохших пальцев неизвестно каким чудом держалась коротенькая церковная свечечка коричневого воска.

Под чуткими пальцами беглого вора кожа хозяина домовины зашуршала пересушенным табачным листком, тускло и одновременно вызывающе громко.

- Похоже, давненько... - решил Савва и, не обращая на покойника более никакого внимания, принялся осматривать дом.

Несмотря на кажущиеся небольшие размеры сруба, зэка обнаружил, кроме основной комнаты с гробом на столе, еще небольшую кухоньку, половину из которой занимала массивная печь, выложенная из обломков сероватого сланца. Из кухни, через широкий дверной проем, занавешенный куском простенькой материи, Гридин попал в спальную. Широкие нары, вместо матрасов медвежьей шкуры, прикрытые почти прозрачной от ветхости и

многочисленных стирок простынею с остатком золотого шитья по уголкам в виде какого-то герба; уже виденная Саввой на кухне печь, одной из своих стен выходявшая как раз к ногам нар, так что зимой здесь, надо полагать, было более чем тепло... Складывалось впечатление, что тот, который сейчас лежал в кедровой домовине, перед смертью старательно прибрался во всем доме, и можно было подумать, что хозяева скита вот-вот вернуться... если бы не слой лежащей повсюду пыли.

...Естественная физиологическая потребность выгнала зэка из дома и он, как был босиком, выбежал во двор. Как ни странно, туалета Савелий не обнаружил, и, помочившись в заросли лопуха, он, поджимая от холодной росы босые ступни, направился к странному сооружению, торчащему посреди двора. На высоком столбе, густо обмазанном медвежьим жиром, под крышей из дранки примостилось нечто похожее на необычайно большой скворечник с метровой дверцей на тронутой ржавчиной щеколде.

- От зверья надо полагать, - решил Савва и, приставив к «скворечнику» лестницу, лежащую тут же в траве, нетерпеливо забрался наверх.

Окислившиеся петли натужно скрипнули, и в лицо ошарашенного беглецашибанул сказочный, ни с чем не сравнимый запах меда, которого здесь было явно немало. На полочке стояло несколько берестяных округлых коробок с нарезанными крупными квадратами сотами, полными уже побелевшего меда. У противоположной стены на крепком шпегате богато поблескивали выступившей солью несколько сушеных рыбин, а в самом углу кладовочки, на деревянном сучке-крючке, висела темно-багровая, почти черная, кабанья ляжка – солонина.

- Ну, ни хрена себе! - радостно хрюкнул Савва и, сдернув мясо с крюка, не без труда поволок его в дом, не забыв, впрочем, за собой плотно прикрыть дверцу «скворечника».

- Ай да казаки, ай да молодцы! - не переставая повторял он, нетерпеливо орудуя острым ножом на наспех протертом от пыли кухонном столе. Под толстой и твердой, как подошва, коркой солонины оказалось необычайно сочное и вкусное мясо.

Кусок за куском, почти не пережевывая его, глотал оголодавший Гридин дармовое угощение, сожалея лишь об отсутствии воды...

- Эх, сейчас бы чифирьку кружечку! – сытно зажмурившись, откинулся от стола Савва и запустил пальцы под козырек своей шапки, заведомо зная, что сигареты уже давно закончились...

Оставив на столе все как есть, он с трудом приподнялся с табурета и, пройдя несколько тяжелых трудных шагов, рухнул в постель...

- Да, чифирь сейчас бы не помешал... - мечтательно пробормотал Савелий уже сквозь сон...

4.

- ...Ты уж, малый, похорони меня как-никак, - увещал его сквозь сон чей-то голос, негромкий и спокойный.

- Негоже с мертвяком под одной крышей находиться. Не по-христиански это как-то... Одежу можешь взять, тебе она нужнее будет... Только исподнее будь мил оставь да на кресты не зарься, в гроб положи... У тебя, чай, свой крест, не из легких... А что курева нет, не тужи – в светелке, под образами, найдешь табачок, верно говорю... Но похорони меня... Устал я, ох как устал...

- Да похороню, похороню, сука буду, если совру, - нетерпеливо проговорил Савва и тут же проснулся от звука собственного голоса.

Сквозь слюдяное оконце с трудом пробивался утренний, мрачный покамест свет.

- Это ж что получается, - подумал зэка. - Выходит, я целые сутки проспал...

Он с трудом поднялся и, попытавшись проглотить вязкую, словно с похмелья, слюну, прихватив в сенцах помятое жестяное ведро, как был в трусах и босиком, побрел к реке. Росистая трава холодила ноги, и Савва, взбодрившись, проснулся окончательно.

...Зачерпнув ведро студеной до ломоты в зубах воды, Савелий поспешил к скиту, по пути подбирая разбросанную вчера одежду и ботинки. Ступая по влажной траве, он глупо и счастливо улыбался, вновь разглядывая свое новое жилище, свой вновь обретенный дом. Часовенка показалась ему довольно забавной, кресты на погосте уже не омрачали его душу, да и сам домик с маленькими слюдянистыми окнами уже стал почти что родным.

- А может быть, хватит тебе, Саввушка, бегать-то по тайге, а? Ну что тебе еще надо? Дом есть, лес вокруг, зверья небось полно... рыба опять же... Не пацан уже, сороковник разменял... А что людей нет, так кто знает, так оно быть может даже и к лучшему... - размышлял Гридин, подходя к дому и помахивая влажной еще одежкой.

Глотнув еще водички, теперь уже не торопясь, из стакана, Савва поймал себя на мысли, что нарочно оттягивает время, и ему ужас до чего не хочется проходить в дом, искать табак под образами...

...Табак и в самом деле нашелся сразу: в углу на скамеечке лежал, аккуратно перехваченный мохнатым шпагатом, средних размеров мешок,

наполовину полный крупно нарезанным табаком-самосадам...

- Ну спасибо тебе, казачок, за подсказку, - скосил взгляд на домовину Савелий и с удивлением заметил стоящую возле стола штыковую лопату с отполированным до грязно-серого шелка черенком, незамеченную намедни.

- Ладно-ладно, не журишь, - миролюбиво проговорил зэк, - раз обещал похоронить, значит, похороню. Дай только бумажку какую найду... Вот курну и похороню...

На печке, на сланцевом приступочке, он наконец-то обнаружил довольно толстую тетрадь, исписанную мелким почерком странными буроватыми чернилами...

Наверное, марганцем писали, а может, и от времени побурели... - уважительно подумал Савелий и, развернув тетрадь, прочитал первую страницу:

«Во имя Отца и Сына и Святаго духа, аминь.

Я, Божьей милостью Хлыстов Иван Захарович, подъяесаул Уральского казачьего войска, по личному приказу генерал-лейтенанта Толстова В.С., с четырьмя сотоварищами, моими подчиненными, оказался здесь, в этой Богом забытой северной глуши.

Старший урядник Попов Петр, его младший брат – урядник Попов Александр и два приказных – Давыдов Емельян и Громыко Алексей, не ведая истинной причины и конечной цели нашего предприятия, тем не менее оказались до последних вздохов верными моим приказам и воинской присяге, да пребудут они с миром в царствии небесном...

...Зная мое пристрастие к сочинительству, генерал-лейтенант Толстов в приватной беседе попросил меня в моих записках – если я таковые надумаю писать – о цели и месте нашего предприятия по возможности не указывать, в чем я, как человек

благородный, не мог ему отказать, тем более что ни генерал, ни я в эту затею атамана Дутова не верили и надежд на нее особых не возлагали...

После беседы с генералом мы покинули его штаб-квартиру и все вместе (впятером) отправились к атаману Дутову, который уже ожидал нас на вокзале маленького уральского городишки Миасс для дальнейшего инструктажа. Инструктаж получить мы так и не успели. Красные подогнали к вокзалу бронепоезд и под защитой его брони начали в упор обстреливать как вокзал, так и привокзальную площадь, где в это время находился Дутовский обоз. Атаман со своим объединением вынужден был отойти несколько севернее, в горы, но через адъютанта передал нам записку с пожеланием и ордер для предоставления его в атаманское казначейство.

Получив сухой паек, спирт и некоторое количество денег, мы, минуя заслоны красных, через «Малиновый хребет» поспешили прочь из города. Предприятие предстояло довольно опасное, а, на мой взгляд, где-то даже и авантюрное...»

Прочитанный листок Савва аккуратно вырвал из тетради и, не жалея табака, соорудил себе отменную самокрутку.

Сидя на крылечке, он, с удовольствием вдыхая в себя горячий табачный дым, умиленно поглядывал на окружающую его тайгу, безоблачное небо, покосившуюся часовенку...

- На курево буду брать только прочитанные листы, - великодушно решил зека и, загасив самокрутку обслюнявленными пальцами, нехотя поднялся.

- Хочешь не хочешь, а старика хоронить все ж таки придется... Тем более раз обещал. - Он еще раз окинул восторженным взглядом слегка позолоченные осенью леса и вошел в дом...

Небольшое, ничем не огороженное кладбище начиналось сразу же у стен часовни.

На округлом, окатанном рекою валуне красного гранита в глубоко выбитых неровных буквах застряла пыль и поселился темно-зеленый мох, так что надпись практически не читалась:

«Здесь покойся основатель и
первый.....иеромонах
Андрей.....24июля.....189.....
Спи с мир.....»

На соседних деревянных крестах надписей либо совсем не было, либо они выпвели под воздействием дождей и солнца, и лишь на двух крайних сохранились истлевшие остатки казачьих фуражек. Кокарды от них, позеленевшие с годами, кто-то заботливо прибил к перекрестьям...

Выбрав небольшой, освещенный солнцем холмик, Савва аккуратно срезал прямоугольный пласт дерна и принялся копать могилу.

Плодородный слой оказался на удивление тонким, сантиметров пятнадцать, не более, а под ним пошла сплошная глина вперемешку с мелким камнем. Лопата скрипела по гальке, черенок предательски гнулся, но Савелий упорно, штык за штыком вгрызался вглубь северной земли...

- Не переживай, Иван Захарович, закопаю. Савва никогда сукой не был. Раз пообещал, что похороню, значит, похороню... - подбадривал себя зэка, отбрасывая в сторону каменистое крошево.

- Лишь бы валун не попался... - продолжал он разговаривать сам с собой. - Вот с валуном мне в одиночку не справиться... Придется начинать новую если что...

Валун Гридину не попался, и уже к вечеру он стоял над глубокой ямой, из стенок которой торчали и исходили пьяным запахом перерубленные кедровые корни...

Вонзив лопату в кучу сырого грунта, Савелий с трудом разогнул заболевшую спину и поплелся к скиту перекурить...

«...Мы идем уже четвертые сутки, все глубже и глубже забираясь в уральскую тайгу. Слава Богу, что предприятие наше началось весной и лошадки во время стоянок вдоволь находили для себя молодой сочной травы, да и с водой также проблем особых не было: кое-где в лесу еще лежит снег, а небольшие овражки и впадинки полнехоньки талой воды. Я еду замыкающим, передо мной братья Поповы, потом Громыко, а в голове отряда Давыдов Емельян, приказной казак, потомственный рудознатец и горняк. Казаки по большей части молчат, но, как мне кажется, о цели путешествия догадываются. Сегодня утром, объезжая Верх-Исетский завод, напоролись на патруль из десятка казаков, но с красной лентой на папах... Я уже было приказал «К бою», как вдруг Алексей Громыко в красном есауле, старшем в патруле, признал своего дальнего родственника – не то свояка, не то сына крестного отца – одним словом, разошлись мы в разные стороны без боя, однако и спин стараясь не показывать...

С пару часов ехали молча, под впечатлением о встрече, как вдруг Громыко прорвало. Смех и слезы, мат и сопли – все в кучу...

- Ваш благородь... – это он мне, – ...Да что же такое на свете-то сейчас происходит, а? Я же с ним в детстве на Кисегач за линиями ходил... Наши батьки на паях в семнадцатом рудничок покупать собирались, драгу приобрели... А он на меня сейчас, как на

последнюю блядь, зыркал, сабелькой поигрывал... Сука!

Чтобы несколько разрядить обстановку, я решил объявить привал, спирта каждому по сто пятьдесят плеснул, приказал спать... В караул сам себя назначил... Костерок развел, рядом прилег... Руки зудят, к бумаге просятся...»

5.

...С трудом стянув с покойного гимнастерку и галифе с лампасами, Савва еще раз поразился тому, что тело подьесаула не разложилось, а высохло: под пергаментно-темной кожей, сухой и шершавой, отчетливо проступала каждая косточка, каждое ссохшееся донельзя сухожилие.

Первым делом Савелий отволоч к свежевырытой могиле домовину-долбленку, после – точно такую же тяжелую крышку и лишь потом, на вытянутых перед собой руках, – необычайно легкое тело бывшего казака. Сбросив гроб и крышку в яму, Гридин спрыгнул туда сам и аккуратно опустил тело, поддерживая подьесаула под спину, словно опасаясь, что позвоночник усопшего не выдержит и переломится. Уложив тело в гроб, Савва на грудь его, как мог, разложил кресты и ордена, на миг пожалев, что боевое это серебро и золото через миг безвозвратно будет для него утеряно, но тем не менее ничего не взял и, закрыв домовину крышкой, выбрался наружу.

Солнце уже садилось, и от церквушки и соседних крестов на пожухлую траву упали темные тени.

- Отче наш, иже еси на небесах... - попытался вспомнить хоть одну молитву Гридин, но не сумел и, бросив на гроб горсть глины, сказал просто, от души: - Спи мужик. Судя по наградам, был ты настоящим человеком, не трусом и не сукой. Пусть будет земля

тебе пухом... А крест я уж завтра сколочу... Гадом буду, сделаю.

Уложив на образовавшийся холм дерн, разрезанный лопатой на квадраты, Савва постоял минуту, посмотрел на полную масляно-желтую луну, выползшую из-за леса, и, неумело перекрестясь, побрел домой по холодной от росы траве...

Вскипятив на плите печки чайник, Гридин поужинал солониной с медом, запивая мясо голым кипятком. После чего, собрав со стола твердые мясные обрезки - края окорока, бросил их в чайник, а чайник поставил на горячую еще печку:

- За ночь разопреет, станет мягким и не таким соленым... Что ж добру пропадать задаром, - пробурчал он устало и отправился спать в душную (ох уж эта печка!) спальную.

... - Ты уж крестик-то поставь, раз обещался... - опять ночью наставлял Хлыстов разомлевшего Савву. - А то смотри, являться к тебе каждую ночь буду... И панихиду прочти по усопшему рабу божьему Хлыстову Ивану Захаровичу... Прочти, не ленись...

- Да как же я тебе панихиду прочту, мужик, когда я и молиться-то не умею? - не очень-то испугался Савелий и, сбросив с себя жаркую медвежью шкуру, повернулся на другой бок.

- А ты сходи, милок, в церкву, сходи... Там все и найдешь... Сходи, велю...

- Велит он... - хмыкнул зэка, окончательно засыпая...

Раннее утро последующего дня Гридин встретил в чистой и сухой одежде подьесаула, с трудом вколачивая ноги в жесткие, задубевшие, словно колодки, офицерские сапоги.

- Ничего, небось в росе размокнут, пока по лесу брожу, - решил Савва, выходя во двор, поправляя на плече ремень винтовки.

Топор, заботливо наточенный аккуратным Иваном Захаровичем, он засунул за ремень офицерской портупей толстой тяжелой кожи.

Тайга начиналась сразу же за стеной скита. Но лес, в основном кедровый и сосновый, был светлым и чистым. Золотистые стволы деревьев стояли далеко друг от друга, отчего солнечные лучи вольготно и свободно проникали сквозь шуршащие где-то в выси иглистые кроны. По мягкой подушке мха и опавшей хвои, посвистывая, носились нагло-любопытные бурундуки, мелькая полосатыми спинками почти у самых ног Савелия, блаженно покуривавшего свою первую утреннюю самокрутку.

Шебурша тонкими цепкими коготками по сосновой коре, вверх и вниз носились по стволам поползни, самоуверенно попискивая и поглядывая на человека удлинненными черными глазками.

Подергивая полупрозрачными розоватыми на солнце ушами, крупный заяц пристроился у кустика княженики, усыпанного красными, схожими с малиной, ягодами.

Гридин сдернул было трехлинейку с плеча, но стрелять передумал: мяса пока еще было вдоволь, а выстрел не дай Бог могли и услышать ретивые лагерные вертухай.

- Жри, не бойся, - смиловился зэка и направился к невысокой сосенке.

- Пожалуй, для креста лучше и не надо, - решил Савелий и взял в руки топор.

... А в часовенку Гридин все ж таки заглянул...

Сквозь слюдяные оконца полуденный свет проникал в часовню радостными слегка радужными пучками, ложился на пыльный пол и бревенчатые стены четкими светло-желтыми квадратами.

Убранство часовенки мало чем отличалось от интерьера самого дома, где сейчас проживал

непрощенным, незванным гостем Гридин Савелий. Те же бревенчатые стены с тщательно уплотненным мхом меж отдельных бревен, точно такие же скамеечки возле стен и точно такая же неуклюжая печка, сложенная из камня. Лишь небольшой иконостас с десятком почти черных ликов да невысокие перильца с грубо вырубленными балясинами, наверное, огораживающие условный алтарь, – вот, пожалуй, и все увиденные Саввой отличия... Да еще небольшой аналой с лежащей на нем толстой книгой с тремя металлическими застежками, даже сквозь слой пыли блесевшими золотом...

Сава перекрестился, бросил шапку на скамейку и, сдув с книги пыль, щелкнул застежками...

«...Покой, Господи, душу усопшего раба Твоего Хлыстова Ивана Захаровича.

Отверз уста моя, Спасе, слово ми подаждь молиться, Милосерде, о ныне преставленном, да упокоиши душу его, Владыко...»

Малопонятные слова рукописного этого молитвослова с трудом давались Гридину, но он упорно читал и читал, спотыкался, возвращаясь к уже прочитанному, и вновь шел вперед, пока смысл торжественного этого обращения к Господу, вся суть канона за усопшего не легли на его душу, уставшую и замерзшую за годы отсидки.

- Ну, вот и все, дорогой ты мой Иван Захарович, крест я сделал, панихиду справил, как мог, теперь не обессудь: явишься во сне – матом покрою, вот увидишь, - перекрестившись, проговорил зэка и пошел прочь, прихватив стоящий на скамейке бидончик с медвежьим жиром и обожженным фитильком, торчащим из продырявленной крышки...

6.

«...Уже несколько дней подряд идем сквозь болота. Судя по картам, мы находимся где-то в бассейнах рек Лозьвы и Северной Сосьвы. Идем медленно: лошадки измучены дорогой, бесконечными колыхающимися мхами и тучами комаров, мошки и прочего гнуса, кружащего и над нами. Слава Богу, что Емельян Давыдов, таежник и геолог-самоучка, захватил защитные сетки для лиц, но щадя и жалея боевых наших лошадей, каждый из нас держит в руках по тлеющей дымящейся гнилушке: едкий белесый дым хоть сколько-то отгоняет мерзких насекомых от животных.

...Болота довольно однообразные, но иногда на выпуклых островках, среди полярных березок и вереска, нет-нет да и блеснет розовым цветом багульник, корявый и низкорослый в этих местах...

А иногда, среди осоки, изумрудом ряски и тины притягивают взоры бездонные топи... Давыдов (таежная душа) умеет их чувствовать заранее, и мы покамест не потеряли еще ни одного человека и ни одной лошади... Хотя, если отбросить сентиментальщину, лошади в нашем случае не менее, а, пожалуй, и более ценные, чем люди...

Господи, мне страшно от моих таких мыслей... Даже не верится, что они могли посетить мою голову, голову пусть и бросившего обучение, но все ж таки почти что священника... Ужас...Зачем, зачем я согласился на эту авантюру? Но с атаманом Дутовым шутки плохи. Александр Ильич горяч и требует полного повиновения от подчиненных... Одно дело погибнуть на коне, в сражении, там хоть все честно: либо ты, либо тебя... Как уж Богу будет угодно...А почтить в Бозе по приговору трибунала где-нибудь возле проссаной стенки в Богом забытом Миассе - нет уж, увольте.

...Наконец-то болота закончились, вышли к реке, довольно многоводной, похоже, Щугору. Казачки соорудили шалашики, и буквально за час возле ближайшего порога, в черной яме, наловили столько хариуса, что его хватило не только на уху и жаркое, но и на копчение, благо братья Поповы в этом были большими мастерами... Что там ни говори, но сухой паек довольно скоро приедается... Достаточно мы его в Германскую пожевали...

Решили здесь, на сухом каменистом берегу, передохнуть основательно, сутки...

Емельян Давыдов намекает мне на необходимость нанять проводника из местных, хотя бы из манси. Страшает какими-то «скрытниками», сектантами-староверами, ушедшими в эти дебри целыми семьями, и очень жестокими к случайным людям, обнаружившим их поселения.

Я не из трусливых, но здесь, в этой бесконечной и глухой тайге, наш маленький отряд перерезать - вопрос нескольких минут...

Наступает ночь, писать уже трудно даже и при свете костра. Назначил часовых и дай нам Бог проснуться утром...»

...Рано утром Гридин, босым выскочивший по малой нужде, вскрикнул от удивления – всюду, куда только ни падал его взгляд, лежал плотный белый иней: и пожухлая, съезжившаяся трава, и остроконечный плетень, и древняя корявая береза, растущая возле самого дома, так и неуспевшая сбросить листву, - все сияло молодым, неокислившимся серебром...

Подпрыгивая от холода и нетерпения, зэка помочился и поспешил в дом, где за последние дни уже каждое бревнышко стен, каждая дощечка пола довольно впитали сухого печного тепла...

- ...И в чем же вы, господа казачки, зимой на улицу выходили? В гимнастерках? Слабо верится... - прихлебывая кипяток, настоящий на брусничном листке, громко рассуждал Савва, в который раз обходя свой дом...

- Балда слепопшарая! - рассмеялся он, увидев возле трубы, уходящей сквозь потолок, маленькую дверцу, ведущую, судя по всему, на чердак...

Две шинели, подпорченные дробью и темными следами высохшей крови, и бешмет из белого шерстяного сукна, подбитый темно-коричневым каракулем, щедро обсыпанные табачной крошкой, покачиваясь на зябком сквознячке, висели на суковатой палке, вбитой поперек крыши...

Бешмет, хоть и был явно великоват Гридину, и от запаха табака свербело в носу, пришлось по вкусу беглому зэка и, оставив шинели на потом, он, обрадованный находкой, выбрался с чердака, белый от пыли и паутины...

- Живем, Саввушка, живем, - с грустью выдохнул Гридин и, не снимая приглянувшейся одежды, присел на скамейку у окна... А за окном, сквозь слюду, еле заметными темными пятнышками кружились редкие снежинки, не ко времени случившегося первого снега.

«...Вопрос с проводником отпал сам собой. Низкорослый, не старый еще, мужичок, ханты, якобы охотник из деревни Мичабичевник, вышел на нашу стоянку, когда мы уже собирались в путь: тушили костер и приторачивали к седлам джутовые мешки с копченой рыбой. В картах он якобы не разбирался по причине малограмотности, но дорогу к Медвежьему камню, а далее к хребту Маньпупунёр и к семи каменным столбам-останцам показать брался, запросив на удивление мало... На своих кривоватых коротких ногах, обутых в шитые стеклярусом и орлиными когтями меховые сапожки, он скоро шёл по

лиственничной тайге, двигаясь почти наравне с нашими лошадьми.

На третий день Давыдов, притормозив свою гнедую, шепотом выразил опасения, показав на выступающий над тайгой пик каменного Шихана:

- Иван Захарович, а ведь кружит нас проводничок, чтоб я сдох, кружит... Этот утес я еще третьего дня видел... И так же слева, как и сейчас. Вы бы спытали его, ваше благородие, на кой хрен ему это нужно?

Я вытащил компас, подаренный мне генерал-лейтенантом Толстовым, и тотчас убедился в справедливости опасений сметливого Емельяна Давыдова. Впрочем, глазастый ханты, заметив компас в моих руках, видимо что-то заподозрил и, не дожидаясь допроса с пристрастием, поспешил скрыться в пещере, чернеющей метрах в двадцати от нас... Пытаться преследовать его, вооруженного дробовиком, в этой крошечной пещерной темноте было бы полным безрассудством, и тогда обозленные братья Поповы двумя гранатами засыпали вход в лаз, хотя я почти уверен, что из этой пещеры есть еще, как минимум, один выход... Дай-то Бог, чтобы я ошибся... неприятно быть расстрелянным этим аборигеном в спину...

Коварство нашего «проводника» стоило нам несколько лишних дней пути... Одно радует, что здесь, поблизости от высоких уральских хребтов, тайга легкая: деревья, в основном кедры и лиственницы, растут далеко друг от друга. Такое ощущение, что мы находимся не в уральской северной глухомани, а где-то в подмосковном парке, в загородном имении какого-нибудь сиятельного князя или богатого заводчика... Ветерок, свободно струящийся сквозь золотистые стволы, отгоняет комаров и мошку, что также здорово...

Внезапно Емельян взмахнул рукой, и мы, тревожно оглядываясь, подогнали своих лошадок к нему. Перед нами предстал толстенный пень древней лиственницы, срез которого был зачем-то обильно залит желтым воском... Если верить словам Давыдова, в выдолбленном стволе лиственницы хранятся священные книги «скрытников-староверов». Лиственница не гниет столетиями, и в ее стволах, залитых воском, книгам ничего не угрожает – ни вода, ни годы... Одно плохо: подобные схороны сектанты сооружают обычно недалеко от своих поселений. Я приказал спешиться и, взяв лошадей под уздцы, пройти это место тихо и незаметно.

Мы шли по широкой кабаньей тропе, как вдруг урядник Попов Александр, младший из братьев, по видимому неосторожно наступил на какой-то сучок – ловушку. Обильно пропитанная дегтем веревка змеей взметнулась ввысь, и в тот же миг, ломая хвойные лапы, на него сверху рухнул обрубок бревна, утыканный смертоносными деревянными же шипами. Урядник умер на месте, а его лошадь, которой конец бревна переломал хребет, еще некоторое время, загребая копытом желтую хвою, пыталась подняться, жалобно хрипя и глядя на нас мокрым от слез глазом.

Давыдов, полоснув кобыле по шее, прекратил ее мучения и, отводя взгляд от онемевшего Петра, старшего из Поповых, стянул с головы фуражку. Мы последовали его примеру, и лишь побелевший лицом старший урядник грохнулся на колени перед братом и, что-то бессвязно мыча, пытался с искалеченного тела сбросить утыканное шипами бревно...

- Упокой Господи душу безвременно погибшего Александра Владимировича Попова... Аминь...»

Выпавший так рано снег сошел на следующий день, но ежеутренние заморозки говорили сами за себя: осень прошла, того гляди, грянет и зима. Зима...

...Несколько суток подряд метель завывала голодной сукой-волчицей, швыряя в слюдяные оконца пригоршни жесткого, колючего снега. Гридин во двор почти не выходил, разве что прихватить охапку дров из поленницы, запасливо заготовленной казаками, да за соленой рыбиной или же медом... Все эти дни Савва проводил в постели: лежал, с тоской глядя в низкий потолок, слушал завывание ветра да треск замороженных дров в печке, разговаривал сам с собой, философствуя ни о чем, читал записки подъесаула Хлыстова и отчаянно тосковал...

Когда пурга закончилась, и на дом обрушилась полная, звенящая тишина, Савелий как бы даже и расстроился: настолько органично вписывались тоскливые завывания ветра в мирные домашние звуки. А вот утихла метель, и скит ровно осиротел: тишина давила на зэка во сто крат сильнее пьяных криков барака, высокомерного громкого мата накуранных вертухаев...

Тщательно упаковавшись в теплый бешмет и сапоги, в лагерную свою шапчонку, с винтовкой на плече, Гридин вышел во двор. Глаза резануло: казалось, яркое, огромное солнце одновременно отражалось в каждой снежинке... А снежинок этих тысячи, сотни тысяч! Плетень почти полностью замело, и теперь вокруг дома возвышались неправдоподобно красивые, сияющие барханы... Снег поскрипывал под ногами, но было не холодно: полное безветрие и солнце... И тишина... Казалось, всеобщий вселенский мир воцарился над скитом, засыпанным снегом, словно некто всесильный и всемогущий распростер свои длани, и никто, совершенно никто не

посмеет не то что нарушить этот дрожащий от солнца и тишины мир, а даже и помыслить об этом... Отбросав от калитки толику снега (лишь бы протиснуться), Савва приторочил к своим сапогам надыбанные на чердаке странные, короткие и необычайно широкие, лыжи, подбитые желтоватым мехом. Несмотря на внешнюю неказистость этих «снегоступов», по глубокому снегу шлось в них довольно ходко, даже и без палок...

Тишина в тайге обманчива и только на первый взгляд кажется полной: вот треснул с сухим ружейным звуком замороженный березовый ствол, вот захлопали где-то вдали, за молодым ельничком, спутнутые кем-то неуклюжие куропатки, а вот заскрипел предательски снег, зашуршала сухой пробкой сосновая кора - сохатый прет через тайгу... Куда прет, зачем, кто знает?

Гридин прижался спиной к торчащему из снега валуну, кварцевому обломку в два человеческих роста, снял шапку и, подставив вспотевшую, исходящую бледным паром голову под лучи солнца, бездумно прикрыл глаза, отдыхая, впитывая всем своим существом покой и свободу...

Солнце пробивалось сквозь опущенные веки розовым, и Савелию хотелось верить, что теперь уж точно вся его оставшаяся жизнь пройдет в точно такой же розовой, покойной тишине...

Зэка встрепенул, широко зевнул и, растопырив руки, оторвался от валуна: решил пройтись туда, к ельничку, за куропаткой, как вдруг со стороны тайги раздался одиночный, тоскующий волчий вой, к которому вскоре присоединился еще один, потом еще и еще... И вот уже вся волчья стая, казалось, зашлась воем, страшным, голодным и с каждой минутой все более и более громким.

- Суки! Суки! Суки... - в иступлении зашелся Гридин и, схватив ружье, выстрелил дважды в синее, неправдоподобно синее, глубокое небо...

...Он бежал в сторону спасительного скита, бежал, загнанно оглядываясь, глотая обжигающий горло воздух вперемежку с горькой, тягучей слюной, отчетливо соображая, что против целой стаи голодного зверья здесь, в лесу, даже и с карабином, ему не совладать...

- Суки! - задыхаясь, прохрипел Савва, обессиленно вваливаясь в дворик скита. - Суки, - обиженно повторил он в голос, непослушными пальцами запирая калитку на заиндевелую щеколду. - Такой день...

А темные, высоко подпрыгивающие из-за глубокого снега силуэты волков уже показались у края леса. ...Их было много... Перестроившись на бегу в цепочку, стая начала огибать обнесенный плетнем скит... Плотный пар при каждом выдохе зверья вырывался белыми облачками из ощеренных волчьих пастей. Волки как-то вдруг, уж очень дружно, оборвали вой, но от этого приближающаяся стая показалась Гридину еще более страшной...

С каким-то странным, несколько даже радостным, воодушевлением, словно после доброго стакана неразбавленного спирта, он забежал в дом, схватил в охапку все винтовки и, засыпав в карманы по горсти чуть слышно звякнувших патронов (благо цинковая коробка с ними стояла тут же, под скамейкой), выскочил во двор. Не раздумывая, повинаясь своему инстинкту, быть может, не менее древнему, чем у волков, Савелий, приставив лестницу, забрался на крышу стоящего во дворе схорона, в котором, кроме пары пересушенных, пересоленных щук да капелюхи меда, ничего уже не осталось... Отбросив сапогом лестницу, зэка усмехнулся, ожидая появления хищников во дворе.

- ...Ничего, ничего, падлы! Идите, идите, а то что-то я вас заждался... Ну, где же вы?! - уже ничего не соображая, словно в горячечном жару, кричал Гридин, пристраиваясь на скользкой, заснеженной покатою крыше.

Громкий треск ломающихся кольев плетня заставил Савелия резко повернуться. Крупный лось, с роскошными рогами на гордо поднятой голове, грудью проломив плетень, ворвался во двор скита, глубоко пропоров при этом заостренными кольями и прутьями брюхо возле паха. Сделав несколько беспорядочных кругов по заснеженному двору, смертельно раненое животное упало возле крыльца, и несколько раз дернув мощными, длинными ногами, затихло. От осклизлых сизо-красных кишок, вывалившихся на снег, пахло горячей кровью и свежим навозом...

Волки, почуяв свежую кровь, уже более не опасаясь, ринулись в широкий пролом... До этого случая Гридин видел волков только в детстве, в зоопарке, но там, в тесных грязных вольерах, они напоминали скорее беспородных дворняг, линиях и худосочных. Эти же, взрослые на воле, на свежеубиенной добыче, были не в пример мощнее и выше в холках. Первым прорвался во двор крупный темно-серый кобель и, не обращая внимания на сидящего на крыше «скворечника» человека с ружьем, рванулся к сохатому, проглатывая на бегу пропитанный кровью снег. Выстрел и громкий визг вожака стаи слились в нечто страшное, рвущее на части душу и уши возбужденного зэка. А тот, уже более не обращая внимания на недобитого волка, стрелял и стрелял во все прибывающих и прибывающих хищников. Он и сам уже, похоже, превратился в хищника, злого и беспощадного, троекратно подстегнутого собственным животным страхом. Это была не охота... Это была бойня...

Выстрелы, пороховой едкий дым, отборный радостный мат торжествующего каторжанина и взвизгивания убитых и только раненых волков, переплетаясь, превратились в дикую первобытную какофонию торжества человека над зверем.

Скоро, до обидного скоро все закончилось... Несколько уцелевших волков и легких подранков, пачкая снег пятнами крови и мочи, подвывая от обиды и боли, скрылись в лесу. Гридин же, мокрый от пота и перевозбуждения, все еще не решаясь спуститься вниз, одиночными прицельными выстрелами добивал лежащих на истоптанном, темном от кровавых проталин снегу волков.

Спрыгнув вниз, Савва, с трудом переставляя все еще дрожащие ноги, направился в дом за топором (лося было необходимо разрубить на части и, покамест еще не слишком темно, забить мясом эту хитроумную кладовочку... Но сначала все ж таки закурить... Или помочиться?!

8.

«Похоронив Александра Попова, мы уже вчетвером двинулись дальше в горы. Но по тропам теперь старались не двигаться, благо лес с каждой верстой становился все реже и реже. Высочайшие кедры, лиственницы и сосны уступили место корявому низкорослому кедрачу да странно изогнутым, также очень низеньким березам. Копыта наших лошадей все чаще и чаще начинали скользить и разъезжаться на гранитных и базальтовых валунах, поросших толстым, всегда влажным мхом... По совету Емельяна Давыдова мы вновь спешились и шли впереди лошадей, выбирая путь. Неожиданно лес оборвался, и мы оказались на плоской, будто искусственно выровненной каменной площадке, размером разве что чуть меньше, чем плац при

Екатеринбургских гренадерских казармах, с десятком небольших округлых луж...

Давыдов вдруг неизвестно чему обрадовался и, подбежав ко мне, взмолился:

- Ваше благородие, разрешите объявить банный день. Сколько ден уже не мылись, как бы не обовшиветь.

Я было удивился, но он тут же подвел меня к ближайшей луже и, погрузив в нее руку по локоть, объяснил, что это на самом деле каменные чаши и в них собирается талая или дождевая вода, очень мягкая и теплая в это время года. Я пригляделся и не мог не согласиться с ним. Чаша была довольно глубокая, а вода в ней и в самом деле была очень теплая, особенно в сравнении со студенными водами горных рек, виденных нами ранее.

Уже через четверть часа мы все неглиже лежали в этих самых каменных чашах, покуривая папиросы и лениво переговариваясь, а наше обмундирование, хорошенько прополосканное, сохло рядом на нагретых камнях, овеваемое теплым ветерком, дующим с юга с завидным постоянством.

Опасаясь ночного нападения местных лихих людишек, мы решили устроиться здесь же, на этом ровном каменном плато. Оделись в высохшее белье и обмундирование и, перекусив копченой рыбой, легли отдыхать. Я присел у единственной тропы, ведущей к нашему бивуаку, и при затухающем свете солнышка написал эти строчки...

Господи, когда же все это закончится? Чем дальше мы забираемся на север, тем явственнее я понимаю, что предприятие наше бесполезное, и красных нам скорее всего не переиграть... Поздно, похоже. Поздно...»

На дворе почти стемнело, когда Гридин закончил наконец-то с разделкой лосиной туши. Куски мяса

быстро замерзали на морозе, и в кладовку Савва их уже закладывал твердыми как камень. Несмотря на кажущиеся небольшие размеры кладовочки, лось, разрубленный на части, вошел практически полностью. Лишь голова с раскидистыми рогами осталась валяться в окровавленном снегу возле деревянной колоды (Савва просто не знал, что с ней сделать). Желудок сохатого Савелий, хорошенько промыв в ледяной воде, прямо в ведре поставил вариться на печь, на всю ночь... Когда Савва был еще маленьким, их домработница, баба Клава, живущая в их же квартире, частенько готовила сочные рулетики из говяжьего рубца...

Застывшие, твердые, словно поленья, тела расстрелянных волков зека уже затемно оттащил ближе к лесу и сбросил в небольшой овражек... О том, чтобы содрать с них шкуру, Гридин даже и не подумал, скорее всего, он просто и не сумел бы это сделать...

А ночью, когда он расслабленно лежал на постели и блаженно прислушивался к бульканью бульона в ведре с кипящим рубцом, к нему опять явился подъесаул Хлыстов.

Присев где-то в ногах, в тени от печки, он со смешком осведомился, слегка покашливая:

- Ну что, раб божий Савелий, одиноко?

- Одиноко, - зэка, казалось, совсем не удивился странностям этой беседы с давно уже усопшим подъесаулом. - Ну, а тебе что все неймется, старый? И закопал тебя, и крестик поставил, и панихиду даже справил... Чего тебе еще?! Зачем приперся-то? Да и имя мое откуда узнал, а?

- Эх ты, варнак беглый... Приперся... Просто пришел поболтать с тобой, за жизнь, так сказать... Мне ведь там тоже не ахти как весело...

Старик легко поднялся и, уходя за Занавеску, вновь повторил ворчливо:

- Варнак, он и есть варнак...

А Савелий после событий с волками совсем затосковал. Все чаще он заходил в часовенку, подметал пол, тряпичей протирал иконы, зачем-то протапливал печь и уходил, громко, со злостью хлопая ветхой дверью... Часами зека сидел на берегу замерзшей реки, конопатил и ремонтировал для чего-то рассохшуюся лодку, а то, пробив небольшую полынью возле берега, пробовал мыть золото в самолично грубо сработанном лотке...

Золота было много... Иной раз в лотке среди золотого песка выкатывался и самородочек, пусть и не очень большой, а все-таки... Гридин равнодушно ссыпал золотой песок вместе с самородками в большую жестянку от монпансье, найденную в церкви, и иногда, когда совсем уж сон не шел к нему, измотанному одиночеством, Савва зажигал фитиль лампы-бидончика и часами перебирал золото пальцами, скорее всего бездумно, механически...

А однажды он поймал себя на странной мысли, что, может быть, и не стоило уж так цепляться за свою никчемную жизнь в схватке с волчьей стаей...

- Да кому нужна такая жизнь, волчья?! - думал он, час за часом бесцельно мотаясь по жарко натопленной комнате. - Прав был Иван Захарович, ох как прав... Варнак я и никак иначе... Варнак...

«... Плато с каменными чашами осталось позади, а впереди одна сплошная неизвестность. Лошадей и большинство припасов мы были вынуждены оставить под присмотром старшего урядника Петра Попова, все равно после гибели брата он стал ровно малахольным, разговаривал сам с собой, частенько хватался без причины за оружие, часами плакал. А мы, с мешками на спине, вступили на узкую, уступчатую тропку, шедшую по самой вершине хребта, чем-то напоминающего разрушенную стену

древнего замка. Лошадям по тропе этой пройти не представлялось никакой возможности... тем более сгруженным, с седоками.

Едва мы поднялись на несколько метров вверх по тропе, как на нас обрушился резкий холодный ветер, от которого до этого нас спасали высокие скалы. Камень под нашими ногами местами покрывали мхи, замерзшие и опасно скользкие. Идти поодиночке было чревато, и мы обвязались длинной и прочной веревкой. Хребет скоро, через пару верст, повернул налево, и нам наконец-то открылся вид на те самые, столь долгожданные семь каменных столбов-останцев. Я, шедший во главе нашего маленького отряда, остановился, пораженный увиденным... Зрелище и правда было необычайно завораживающим. Вид семи отдельно друг от друга стоящих черных скал, рвущихся в небо на фоне кроваво-красного заката и темнеющей внизу волнистой тайги, даже у нас вызывал необъяснимый ужас вперемешку с восторгом, а что уж говорить про местные, по большей части практически первобытные племена.

У подножия одного из столбов, в пещере, якобы и находилось то, ради чего мы забрались в эту глушь, ради чего уже погиб один человек, а сколько еще погибнет, одному Богу известно... Укрывшись за небольшим каменным уступом, испещренным древними рисунками, мы, запалив небольшой костерок, устроились худо-бедно на ночлег.

Господи, что нас ждет завтра? Помоги, Боже, рабам твоим: Ивану, Петру, Емельяну и Алексею. Аминь...»

9.

...Из куска лосиной шкуры, тщательно отчищенной и обклеванной синицами и поползнями, Савелий сшил нечто схожее с рюкзачком, держал его в доме, в углу под иконами, и сыпал в него золото, как только баночка от карамели вновь наполнялась...

Лодку Гридин, как смог, подлатал: большие щели забил тонкими кедровыми плашками, проконопатил ее мшистыми жгутиками, пропитанными лосиным жиром. Вместо краски, ученый жизнью зэка, за несколько приемов, сварил жутко вонючую, но вроде бы стойкую пасту из смеси кедровой живицы и медвежьего жира, коей и обмазал лодку со всех сторон толстым, быстро загустевшим слоем.

Подъесаул Хлыстов в последнее время что-то зачастил... Раньше он приходил изредка, да и то только по ночам и задерживался ненадолго, теперь же посещения надоедливового старика стали практически ежедневны. Голос его, негромкий, но упрямый, не терпящий возражений, доставал Савелия везде, где бы тот ни находился. И хотя Гридин иногда и пытался, резко повернувшись, поймать назойливого собеседника, но за спиной зэка, как всегда, никого не оказывалось - хитроумный казак успевал скрыться, чтобы через мгновение очутиться уже совсем в другом месте. По первости эти назойливые беседы раздражали Савелия, но через пару-тройку недель он настолько свыкся с наставлениями неугомонного подъесаула, что уже начинал скучать, если не слышал, не ощущал его присутствия хотя бы с час...

- Ну и зачем ты, детинушка, золотишко все моешь и моешь? Что тебе оно, тем более здесь, в глуши, когда за весь свой мешок ты не то что бабу, например, или там собаку какую-никакую не купишь, но даже и хлебца или, положим, картошечки и то не

укупишь?.. Брось, говорю, лоток, брось... Сбегай-ка ты, паря, лучше к вон тем рябинкам, я там в свое время глухарей снимал от души... Надоела небось сохатина?

Савва, ни слова не говоря, красными от студеной воды пальцами выбирал тускло блестевшие золотинки и мелкие, как дробь, самородки в жестянку и, прихватив винтовку, шел за несколько верст к указанным рябинам. Глухарей там, естественно, не оказывалось, и лишь большая стая клестов нехотя поднималась с кривеньких, уже полуобъеденных деревьев.

- Вот же сволочной старикашка, опять надул! - сплевывал с досадой в очередной раз ошельмованный мужик и пустым возвращался к скиту... От тетрадошки осталось всего несколько листочков, и Савелий выточил из орешника трубку с длинным отполированным мундштуком... Обкуривая трубку, Гридин исходил надсадным кашлем, сходным с собачьим лаем. Вытирая ладонью сопли и выступившие слезы, зэка материл понапрасну старика Хлыстова и, прочитав толику его записок, скручивал «козью ножку», которую тут же выкуривал с видимым удовольствием...

«...Утром мы, мокрые от обильной росы, позавтракали рыбой и начали спуск к еле заметным в плотном молочно-белом тумане утесам. Идти приходилось очень осторожно, ноги нещадно скользили на влажных и частенько неверно качающихся камнях.

У подножия первого из семи каменных столбов-останцев, я, как и было уговорено с атаманом, сломал красный сургуч и вскрыл пухлый, упакованный в плотную серую бумагу пакет.

В нем оказались две заношенные остроконечные «Богатырки» с красными звездами, красноармейская линиялая гимнастерка и небольшой конверт.

“Господин подьесаул, коли вы вскрыли сей пакет, значит, ваш отряд уже у цели. Может быть, вы посчитаете мой приказ приказом выжившего из ума человека, но заклинаю вас сделать все, о чем я вас прошу. Иван Захарович, у подножья второго столба, если идти с юга, должна находиться пещера, в которой вот уже несколько сот лет хранится так называемая Золотая баба, предмет поклонения почти всех уральских, сибирских, алтайских и северных народов-идолопоклонников. Что это за баба, как она выглядит, я не имею ни малейшего представления, да это и не важно, а вам, Господин подьесаул, надлежит либо вывезти эту реликвию, либо уничтожить ее, а на месте, где она находилась, оставить эти предметы красноармейского обмундирования. Вы, может быть, сочтете это полной глупостью и пустяшной, детской затеей, но, зная мстительные характеры аборигенов вышеупомянутых мест, я хочу, чтобы у красных сволочей, кухаркиных детей, возомнивших себя хозяевами России, под ногами горела земля сибирская... И да хранит вас Бог. За сим Атаман Оренбургского казачьего войска Дутов Александр Ильич. 5 мая 1918 года от рождества Христова”.

Прочитав письмо атамана, я закурил и пустил бумагу по кругу. И хотя, после беседы с генерал-лейтенантом Толстовым, я предполагал нечто подобное, но теперь, здесь, вся эта затея мне все меньше и меньше нравилась...

-...Ох, бя!.. - вскочил на ноги сидевший до этого на пне Давыдов. - Да на хрена нам все это нужно?! Если мы эту чертову куклу украдем, или тем паче порушим, то не у большевиков, а у нас под ногами земля запылает, и нам уже из тайги живыми не выбраться. В этих гаях и сгинем...

Громыко Алексей также был против плана, задуманного Дутовым.

- Ваше благородие, Иван Захарович, ну ее к лешему, бабу эту... Возвернемся назад, пока Бог хранит... А уж что сказать атаману у нас еще будет время...

В душе я был полностью согласен с товарищами, но уйти, хотя бы краем глаза не взглянув на эту «Золотую бабу», я просто не мог.

- Сделаем так.

Давыдов и Громыко щелкнув каблуками, вытянулись.

- Я сейчас схожу один, посмотрю на идола этого, и через час начнем восхождение на плато...

Я, отбросив красноармейскую одежду в сторону, не оглядываясь, направился ко второй скале.

Высоченная, более трех метров, фигура грубо вырезанной из дерева женщины с обвислыми грудями сидела на большом плоском камне. Толстые, выпирающие губы были черны от высохшей крови, а в руках у нее покоилось широкое блюдо, чуть ли не медный таз, доверху заполненный золотыми монетами и грубыми украшениями... И справа и слева от идола, вдоль стен, покрытых халцедоном натечным, навалом лежали десятки, сотни отрубленных по локоть рук. Многие из них явно лежали уже не один десяток лет, высохли и сморщились, но от некоторых шел ни с чем не сравнимый запах гниения... Рой черных, отливающих зеленью мух, жужжа, поднялся над этими страшными трофеями (а может, жертвоприношениями?) при моем приближении. Я, человек истинно верующий в Бога, даже под расстрелом вряд ли бы согласился на уничтожение этой, пусть языческой, но все равно почитаемой людьми, святыни...

Я выскочил из пещеры, и, как оказалось, вовремя. В том направлении, где остались мои казаки, слышались глухие выстрелы наших винтовок и раскатистые - дробовиков... Подбежав к товарищам, я

понял, что они отстреливаются вслепую, не видя противника, а те, напротив, из густых зарослей малины и морошки стреляли прицельно, наверняка. И у Давыдова, и у Громыко уже кровоточили небольшие, но болезненные раны от крупной дробы местных охотников. Выстрелив пару раз в сторону кустов, я, а следом и оба приказных бросились к тропе, ведущей на плато, пригибаясь к земле и петляя на бегу... Крупная дробь еще долго царапала камни, за которыми мы прятались, пока короткими перебежками поднимались в гору.

- ...Кажись, оторвались, ваше благородие, - прохрипел Давыдов, выскакивая на плато и бросаясь к своей лошадке, коротко заржавшей при виде хозяина...

«Да, оторвались, - подумал я, направляясь к встречающему нас старшему уряднику Петру Попову. – Оторвались... Надолго ли?»

10.

...Зима явно шла на убыль. У кедра лохматые лапы несколько приподнялись от земли и изогнулись – нет более верной приметы, что дело идет к весне... Да и без кедра все было ясно: конец зиме, конец...

...Что затуманилась, зоренька ясная,

Пала на землю росой!

Что призадумалась, девица красная,

Очи блеснули слезой!

- Ну, ты, дед, даешь, - хмыкнул Савва и резким тычком вогнал жало топора в доску крыльца. – Мало того, что ты и так со мной ежедневно болтаешь, равно живой, так теперь еще и петь надумал...

Он сидел на просохшем под солнцем крыльце босой, подстелив под ноги кусок лосиной шкуры: солнце солнцем, но снег даже во дворе пока еще полностью не сошел - прохладно...

- Ну, так что же, Савушка, - в голосе Хлыстова явно чувствовались виноватые нотки. - Я, понимаешь ли, песню эту очень любил. Иной раз скачешь по степи, долго, день почитай из седла не встаешь, да если еще шашкой от души намашешься, а вот запоешь не громко, для себя, вполголоса, и веришь – как будто и не устал... Сам не знаю отчего...

*...Много за душу твою одинокую,
Много я душ погублю;
Я ль виноват, что тебя черноокою
Больше, чем душу, люблю!*

Гридин, все так же улыбаясь, отложил свежеструганное весло, сгруппировался, словно кошка перед прыжком, и, оттолкнувшись босой пяткой от обиженно скрипнувшей доски крыльца, резко повернулся... Как всегда, Господин подьесаул (до чего же скор, старая сволочь!) обманул Савелия: ни на крыльце, ни в полутемных сенях никого не было. Лишь наглый смешок раздался где-то за углом. Зэка фасонисто, по-блатному цыкнул слюной сквозь зубы и, смахнув ногой с крыльца золотистые стружки, пошел в дом. Громкий, протяжный треск, ударив в спину расслабленного зэка, бросил его испуганного на пол. Треск повторился, но на этот раз еще более громкий и резкий, и Гридин сообразил, что это может быть не что иное, как начало весеннего ледохода. Натянув кое-как сапоги на босые ноги, он, проваливаясь по колено в жесткий, крупчатый снег, поспешил к реке. Зеленоватый лед от берега до берега пересекала крупная извилистая трещина толщиной в руку. Лед, на изломе толстый и блестяще-влажный, отливал бутылочным стеклом, радостно поблескивал, разбрасывая тонкие радужные лучики...

- Господи, наконец-то весна! – Савелий обессиленно присел на перевернутую, загодя перенесенную выше на берег лодку и, облокотившись

на ее округлое рубчатое дно, громко трубно высморкался... - Весна...

«...Без лишних слов, мы взобрались на лошадей и направились к тропе. Цокот копыт заглушил звук выстрела снайперской, по-видимому, винтовки, пуля рассерженной пчелой пролетела над головой моей лошади и с явственным чмоканьем вошла уряднику Петру Попову, ехавшему по правую от меня руку, в живот, чуть выше пряжки ремня. Мужик ойкнул и, зажав растопыренными пальцами тут же почерневшую от крови гимнастерку, откинувшись назад, упал под ноги своей кобыле. Кровь, просочившись между пальцами, попала в ближайшую каменную чашу и, извиваясь розоватыми кудрявыми завитушками, растворилась в воде.

Спрыгнув с коней, мы попытались перебинтовать раненого, но тот, вдруг решительно вырвавшись из наших рук, приподнялся и проговорил, тихо, но внятно, сощурившись куда-то в сторону обрыва:

- Тише, братцы, тише. Неужели вы не слышите? Ну...

Мы непроизвольно прислушались, но, кроме шума ветра да вороньего карканья откуда-то снизу, из зеленеющих под нами крон деревьев, ничего не услышали...

Петр приподнял окровавленную руку с вытянутым указательным пальцем и, улыбнувшись посиневшими губами, прошептал:

- Сашка, Сашка меня зовет, а вы здесь расшумелись... Тише Христа ради...

И неожиданно шагнув к обрыву, круто уходящему вниз, не мешкая, шагнул в пропасть.

...Вот уже несколько дней, мы, практически не слезая с коней, бежим сквозь враждебную тайгу на юг, лишь иногда давая им часовой роздых. Несколько раз наш небольшой отряд обстреливали невидимые нам

люди. Чем эти охотники смазывают дробь – неведомо, но ранки необычайно быстро загнивают и очень болезненны... Гной вместе с сукровицей сочится не переставая, а целебные листья подорожника нам покамест еще не попадались. Давыдов иногда примечал поднимающийся над гаем дым сигнальных костров, и мы вынуждены были обходить засады за несколько верст... Преградившая нам путь пока еще бурная, полноводная по-весеннему река принесла нашему отряду неожиданное спасение. Мы заметили, как ниже по течению к берегу причалил местный рыбак и, вытащив на камни свою лодчонку, с веслами на плече исчез в кустах... Было очевидно, что бурную реку эту с лошадьми нам не осилить, а оставаться на берегу было смерти подобно, и мы вместе с Давыдовым и Громыко, привязав бедных, преданных животных к осине, забрались в лодку и, оттолкнувшись от берега, отдались на волю волн и Божьему расположению к нам... Простите нас, лошадики... Надеюсь, вас найдут скорее наши преследователи, чем оголодавшие волки или рыси...»

Гридин кое-как слепил из ивовых ветвей нечто схожее с мордой, побросав в нее остатки мяса и костей, и далеко, насколько хватило сил и бечевки, закидывал ее в воду. Хоть какое-то, но дело, удерживающее его возле практически освободившейся ото льда реки... Теперь Савва как бы «на законных основаниях» (как же, ловля рыбы дело нужное, все лучше, чем дома в четырех стенах сидеть), блаженно щурясь, часами поглядывал на черную воду с большими ледяными кляксами, медленно проплывающими мимо него... На мясные объедки рыба зарилась редко, но зато теперь, практически каждый вечер, Савелий варил крупных раков до оранжевого свечения и ел их, запивая черным травяным настоем...

Все бы хорошо, но одуревший от одиночества эзэка явно чувствовал, что еще немножко, совсем чуть-чуть, и он сойдет с ума...

А тут еще проклятый казак со своей нескончаемой, унылой песней...

11.

«Товарищам моим совсем плохо. Я не врач, но мне кажется – у них все признаки гангрены. Вокруг ранок от дробы – огромные, с ладонь, багрово-сизые пятна, от ран дурно пахнет. Жар...

Отсутствие весел сказывается на скорости хода лодки. Первое время я еще пытался подгрести ладонями, но, поняв тщетность подобных действий, плюнул и, пересев на нос лодки, лишь иногда с трудом направлял её в ту или иную протоку, коими богата эта безымянная река. Молю бога, чтобы нам не попались пороги: без весел мы однозначно приговорены...

Сколько дней мы плывем, я уже точно и не скажу...

Сегодня ночью умер Давыдов Емельян. Я спал и не видел этого, но, обнаружив его тело, изогнутое дугой на дне лодки, догадался, что он, наверное, страшно мучился перед кончиной... Громыко Алексей пока еще жив, но бредит не переставая, плачет и зовет матушку...

Господи, упокой душу усопшего раба твоего Емельяна, а нам дай шанс выжить... Голова кружится, ежеминутно хочется пить... Боюсь, что и у меня жар...

Лодку прибило к берегу, и я, увидев шедшую от песка тропку, пошел по ней... Каково же было мое удивление, когда на небольшой поляне совсем недалеко от реки я увидел старенькую часовенку и небольшой домик поблизости от нее. Господи, неужели там люди? Православные?..

Скит оказался заброшенным, хотя и не разграбленным. Хорошо хоть это... Перенес Алексея Громыко в дом, а Алексея в часовню...

Передохну и займись похоронами... Спасибо тебе, Боже, за милость твою... Спасибо»

Самокрутку, свернутую из последнего листочка записок подъесаула Уральского казачьего войска Хлыстова Ивана Захаровича, Гридин искурил на берегу реки... Выбросив окурок в мутную, глинистую воду, он уже было собрался идти домой, как вдруг заметил на небольшой, чуть более крышки стола, плывущей льдине что-то черное.

- Неужто косуля, - обрадовался Савва. Мясо уже подходило к концу, а в лес он идти побаивался: опять по ночам частенько слышался волчий голодный вой. Судя по всему, в этих местах вновь появилась стая.

Плюнув на холод, Савелий, прихватив длинную коряжину, валяющуюся на берегу, вошел в воду. Провалившись по грудь в студеную реку, он зацепил палкой льдину и аккуратно, не торопясь, начал подтягивать ее к берегу. На хрупкой, неверно покачивающейся льдине лежала, свернувшись в комочек, молодая женщина, скорее даже девушка, в темном пальтеце и промокших валенках.

- ...Ах, еб... - начал было ошарашенный зэка, но тут девушка приподнялась надо льдом и, упершись в холодное крошево красными, озябшими руками, посмотрела на него удивительно крупными зеленоватыми глазами...

- Дедушка, дедушка... - лицо ее сморщилось в плаче, и она вновь упала на лед, сотрясаясь в рыданиях, горьких и беззвучных...

...Подбросив в печку дров, Гридин положил девушку на медвежью шкуру своей постели и рывком, неуклюже и грубо стащил с ее плеч промокшее,

отяжелелое пальто. Легкое платье и поношенная шерстяная кофточка, еле сходящиеся на округлом ее животе, также были пропитаны холодной, талой водой.

Отбросив неожиданно возникшее чувство неловкости, Савелий, не обращая внимания на робкие, бессвязные протесты девушки, раздел ее догола и грубой, жесткой своей ладонью начал растирать по шершавому, в морозных пупырышках тельцу размякший возле раскаленной печки медвежий жир, гадая мысленно, как, отчего эта беременная девушка оказалась на льдине, на реке...

- Никак на сносях бабенка?! - ехидно поинтересовался у него за плечом вездесущий Хлыстов.

- Глядишь, через месяц родит... Что делать-то будешь, паря?

- Не знаю, отстань за ради Бога, - отмахнулся от казака Гридин и, аккуратно перевернув девицу на бок, растер жиром ее спину, ягодицы и ноги, вплоть до маленьких, розоватых пяточек...

- Смотри, милок, вдруг что не так пойдет, или, того хуже, вдруг при родах отойдет... Что тогда? Мясом дитяти кормить станешь?

- Да что ты раскаркался, ваше благородие?! - взорвался зэка, выпрямляясь. - Сам знаю, к людям нужно. Но не сегодня, и не завтра, а как приспичит, так и поеду...

- Дедушка! Дедушка, а кто меня вчера раздел?

Савва тяжело проснулся, приподнялся с брошенной на пол рухляди, где проспал остаток ночи, и опалело уставился на беременную девицу. Она уже успела одеться в свое хоть и мягкое, но высохшее платьице и выглядела необычайно мило, по-домашнему.

- Да какой я тебе дедушка? - Савва обиженно засопел и, запахнувшись в потрепанный уже бешмет,

присел на лавочку. – Мне, девочка моя, всего-то сорок два скоро будет... А ты: дедушка...

Она, приснув, присела рядом и тонкими пальчиками прикоснулась к его всклоченной, черной, с редкими седыми пучками бороде.

- А это что, дяденька?

Зэка почесал буйную, неухоженную свою бородку и, тоже смеясь, ответил, глядя в зеленую бездонность ее глаз:

- Да понимаешь, девонька, не могу я, несподручно как-то бриться без зеркала, да к тому же саблей... Ну не умею...

Она посмотрела на арсенал, развешанный на стене, и в голос рассмеялась, весело и беззаботно...

...Девушка странным образом довольно быстро освоилась в по-холостяцки не обустроенном жилище Савелия. Придерживая крупный живот рукой, она проворно носилась по избе: там подметая, там вытирая, там что-то скобля до блеска... Девушка была из разговорчивых, и часами не умолкала ее высокий веселый голосок, но стоило Гридину поинтересоваться, кто она такая и откуда, тут же умолкала и могла после этого часами молча сидеть на крылечке, укутавшись в просторную и теплую казачью шинель...

Всю тяжелую работу по дому, будь то ходить за водой или же дровами, Савва старался выполнять сам, но девушка, словно верная собачонка, потешно переваливаясь перекормленной уткой, всюду сопровождала хозяйственного мужика.

- Дядя Савелий, - пристала она как-то к нему, когда он, скользя по влажной глине и шепотом матерясь, пер в горку полное ведро мутноватой воды, - а ты почему здесь живешь совсем один? Ты, что ли, старорец? От людей ушел? К Богу?..

- ...Ага, варнак, попался... - встрял в разговор язвительный Иван Захарович. - Ну и что ты ей теперь

на это ответишь, кем назовешься: баптистом или геологом? – Господин подъяесаул хрипло рассмеялся и закашлялся глухим, удаляющимся кашлем.

- Нет, зоренька, - обреченно признался ей зэка, вновь хватаясь за дужку ведра. - Никакой я не баптист, да и геолог я тоже никакой... Вор я, девочка. Вор. Самый что ни на есть обыкновенный квартирный вор... А теперь к тому же и беглый...

Девушка умолкла, приотстав, расстроено поглядывая на ссутулившегося Савелия.

- ...И давно ты тут прячешься, Савелий Александрович? - зэка скорее догадался, чем услышал ее, семенящую где-то позади него. - Давно?

- Кому как, - Савва распахнул перед ней плетеную калитку.

- Кто-то, быть может, и годами в бегах прожить может счастливо, в ус не дую, а мне эти мои восемь месяцев большим сроком показались...

...Они сидели на лавке, возле остывающей печки, не зажигая света и молчали. О чем думала эта молодая и, надо полагать, из-за беременности ставшая такой чуткой женщина, он знать не мог, а сам, глядя на темные окна, все никак не мог решить: правильно ли он сделал, во всем ей признавшись, или же нет?

- Может быть чайку, дядя Савва? - нарушила она молчание и поднялась с лавки, подошла к накрытому деревянной крышкой запотевшему ведру...

Нагнувшись, девушка зачерпнула чайником воду, как вдруг рухнула на колени и часто-часто, словно старая сука-дворняга в полуденную летнюю жару, задышала широко раскрытым ртом, а потом, отчаянно схватившись за живот, с криком упала Савелию в ноги...

- Да ты что, родная?! - засуетился тот и попытался приподнять роженицу.

- Ой, йёй, йёй, больно, больно мне! - запричитала она как-то уж очень по-бабьи, прозрачной ладошкой вытирая с лица обильно выступивший пот.

- Потерпи, потерпи родная, завтра по утрам ко врачу поедим... У меня лодочка есть... Как знал, на днях весла справил... Потерпи рожать, кому говорю, потерпи... У меня по-хорошему еще ничего, ты слышишь, ничего не собранно... Так что ты поспи пока, Зоренька моя, поспи...

Савва поставил на печь котел с оставшимся лосиным мясом, от души посолил воду и приправил молодой, совсем мелкой еще черемшой, что в изобилии проклюнулась на прогретом, южном берегу реки. Покончив с мясом, приоткрыв шторку, Савва прислушался к мирному посапыванию спящей девушки, перекрестился торопливо и вышел из спальни.

...Месяц, четкий, словно вырезанный из сияющей жести, еще болтался в темном утреннем небе, когда в спальне раздался громкий, болезненный стон...

- Ой, дяденька, ой, Савелий Александрович, больно мне! Ой, как больно, мамочка родная...

Гридин заметался по комнате, упаковывая в мешок отварное мясо, завернутое в кусок давно уже порванной на ветошь простыни. Казачью шинель, свернув в тугой узел, так же впихнул в мешок (мало ли что), остатки табака пересыпал в карманы и, накинув на плечо мешок с золотым песком, наклонился над побелевшей девушкой.

- Ну, вот и все, Зоренька. Пошли.

- Куда, куда ты направился, Савелий Александрович? - тут же подал голос неугомонный подъясаул. - Вниз по реке сплошные пороги, я проверял в свое время. Сгинете на такой лодчонке. Вверх - на сто верст ни одной деревни... Куда, куда ты, дураковатый?

- Вверх, Иван Захарович, - вздохнул безнадежно Гридин. - Вверх...

Набросив на девушку пальто, заботливо поддерживая ее за плечо, он вышел из дома, старательно прикрыв за собой дверь...

...Девушка, свернувшись комочком, укрытая шинелью от росистой ночной прохлады, плакала и вздрагивала во сне на корме лодки, а он, сдирая в кровь ладони грубо оструганными веслами, все греб и греб, монотонно сгибая и разгибая ноющую спину.

- Может, одумаешься, солдатик? - хихикнул примостившийся на носу лодки Хлыстов.

- Ну что тебе она? Ты даже имя-то ее так и не узнал... Чуть-чуть подтолкнуть ее веслом - и все, нет девоньки... Обратно вернешься в скит... Я тебе богатое золото покажу и копь смарагдовую, коли пожелаешь... Дорого камень этот стоит, ох дорого, иной подороже брильянта будет... Что, скажешь плохо нам с тобой вдвоем было? Ведь нет же...

- А не пошел бы ты, Иван Захарович, куда подальше... Надоел, спасу нет...

Он закурил и заметил, что девушка уже и не спит, а со страхом смотрит на него...

- Ты с кем, с кем, дядя Савелий, разговариваешь?

- Не бойся, Зоренька, - успокоил ее раздосадованный эка. - Это я со своим дружкой бывшим беседую... В свое время не договорили, вот он и пристаёт, писатель, мать его... Все в душе моей копается... Человековед...

Гридин выбил трубку о борт лодки и снова взялся за неподъемные, казалось, весла...

- Куда, куда ты меня везешь? - девушка приподнялась и, придерживая живот, осмотрелась вокруг... - Здесь даже деревень-то и тех нет, а уж докторов и подавно не найдешь...

- Туда, - мужик коротко махнул головой, не переставая налегать на весла... - Там уж точно и доктор есть, и медсестра опять же.

Он рассмеялся, старательно моргая, пытаясь сбросить с ресниц предательские слезы... Потом, замаявшись, вновь пристал к ней с давно уже мучившим его вопросом:

- Ты лучше, голуба, скажи мне наконец, ну, вроде бы как на прощанье: на кой ляд на лед в такое время пошла?.. И вообще, колись, откуда ты, Зоренька, появилась?

Она помолчала, упрямо глядя на Гридина, потом потупившись, выдавила:

- Я, дяденька, из Ивдели, есть такой городок... Я, я специально на лед пошла... К полынье... А потом испугалась... Не смогла... А тут и лед пошел...

Она вновь заплакала, обиженно вытирая слезы маленьким кулачками.

- Ну, зачем, зачем ты меня с льдины снял? Мне уже и не холодно стало... Совсем не холодно. Правда-правда... А теперь у тебя, Савелий Александрович, через меня неприятности могут случиться...

- Неприятности... - хмыкнул он и умолк, ни о чем особенно не думая...

- ...Мягко сказать, неприятности...

12.

...Колючка, вышки, длинные бараки лагеря, того самого, откуда прошлой осенью Савелий Гридин так удачно бежал, несмотря на поздний вечер уже отчетливо виднелись сквозь редкие сосны, а он все искал и искал причины и предлоги оттянуть тот момент, когда перед ним вновь откроются высокие лагерные ворота...

Встав на колени, зэка, под недоуменным взглядом роженицы, жесткой ладонью содрал пухлую,

мягкую заплатку мха, бугрившегося возле ярко-черных корней завернутой в спираль березы, невесть когда порченой молнией. Быстро по-собачьи выкопав в легкой, песчаной почве небольшую ямку, он потянулся к золоту. Подраспустив тесемки мешка, Гридин захватил несколько горстей самородочков покрупнее и, заполнив ими ямку, вновь вернул мох на прежнее место, для верности утопив в нем парутройку раз кулак. Поднялся и, отряхнув ладони, нежно прикоснулся к ее волосам, легким и пушистым.

- Ты, Зоренька, березку эту крепко запомни, а когда все закончится, купи какой-никакой домишко. Домой, в Ивделю свою не возвращайся... Ни к чему, я думаю. Тут тебе, если дурой не будешь, и на дом, и на скотину за глаза хватит...

- Стой, мужик! Куда прешь! Стой, стрелять буду...

Вертухай-краснопогонник направил на Савелия и девушку поблескивающий свежей смазкой автомат.

- Врача. Позови врача, бестолочь! - Гридин нарочито злобным голосом прогонял из души своей последние сомнения. - Зови лепилу, видишь, девочка рожает...

- Наташа, Наташа я... - пискнула она, а долговязый, черный от щетины грузин-врач в белом расстегнутом халате, из-под которого виднелись голубая несвежая майка и мятые офицерские штаны, уже подхватывал ее, обессилено обмякшую, на руки.

- Наташа?! - он, жалобно проводив девушку взглядом, недоуменно пожал плечами...

- Так какого ты мне раньше не назвалась, а то все Зоренька да девочка?.. Чего стеснялась?

На КПП пришел и вызванный дневальным начальник зоны, полковник Смоленский, умный и незлобивый мужик... Прищулив близоруко глаза, он внимательно вглядывался в лицо Гридину, странному типу, заросшему и грязному, одетому в потрепанный казачий бешмет, шаровары с широкими линиями

лампасами и высокие офицерские сапоги тонкой, мягкой кожи...

- ...Заклученный Гридин Савелий Александрович, номер сто восемьдесят шесть дробь четырнадцать, статья сто сорок четвертая УК Российской Федерации, часть четвертая. Добровольно вернулся из побега...

Потом вздохнул и, сняв свой заветный мешок, передал его в руки оторопевшего офицера:

- А это вам, гражданин начальник. Может быть, пригодится...

Полковник запустил руку в мешок, поднес ладонь с золотым песком к глазам, хмыкнул неопределенно и, высыпав его обратно, проговорил негромко и веско:

- Ну, хорошо, Савелий Александрович... Сегодня я песочек взвешу и обдумаю... Пожалуй, кило за год вас не обидит? Нет? Ну и ладушки...

13.

Дневальный по барaku широко распахнул дверь в темное, давно не проветриваемое помещение и громко, весело гаркнул:

- Савва, дуй на КПП! Кум приказал. Там до тебя гости приехали! Жена, кажись...

- Какие там гости? - буркнул тоскливо Гридин, отбрасывая старую, зачитанную, в жирных селедочных пятнах газету.

- Мне до звонка месяц остался... Какая, к лешему, жена?

...Возле высоких металлических ворот, усиленных сверху колючкой, в нарядном голубеньком платье стояла красивая молодая женщина с необычайно зелеными, радостно распахнутыми глазами. Рядом с ней, в мокрых, видимо только что проссанных, колготках, копошился светловолосый

пацаненок лет двух, может быть, чуть старше, увлеченно лепивший пирожки из пыли, замешанной на собственной моче.

- Здравствуйте, Савелий Александрович, – протянула она ему узкую, прохладную ладошку. - Я все сделала, как вы и хотели: купила домик прямо возле речки... Хорошая такая речка, тихая... Коровенку, поросенка и даже мотоцикл для вас...

- Для меня? - опешил зэка. – Наташа, ты?! ...Мне?!

- Ну да. А кому же еще? – искренне удивилась девушка и, бросив ласковый взгляд на мальчика, добавила: - Если вы, Савелий Александрович, согласитесь меня с таким приданым в жены взять...

Гридин посмотрел на Наташу, на сына ее и, прислонившись к теплым, крашенным зеленым листам лагерных ворот, закурил...

- Да я же старый для тебя, Зоренька, старый...

- Вовсе и не старый, правда, Саввушка?

Мальчик подошел к Савелию и протянул ему грязную, пыльную ладонь, коверкая слова, заученно проговорил, потешно, словно для поцелуя, вытягивая губы:

– Папка, здравствуй...

Часовой, прятаясь от полуденного солнца в тени от будки, громко, намекая кашлянул...

- Да, да, - зачастил Гридин. – Я сейчас...

Потом подошел к девушке и, словно не веря в ее реальность, слегка дрожащими пальцами прикоснулся к ее щеке...

- Что, Наташа, и адрес скажешь? - словно все еще сомневаясь в чем-то, протянул Савелий.

- Конечно, - рассмеялась девушка и протянула ему бумажку с заранее написанным адресом...

ВОДОВОРОТЫ ГОРОДА

БастЭт Нуар (Анна Народицкая)

Родилась в Москве в семье художников. Окончила школу и жила в районе Аэропорт, который всегда считала и считаю своей малой родиной.

Окончила Московское художественное училище памяти 1905 года, получив профессию графика и дизайнера. Параллельно с учебой начала преподавать фитнес. Это увлечение подарило еще одну профессию, которой занимаюсь с 1985 года. С 2004 года веду школу восточного танца и класс йоги.

Как и многие из нас, с детства писала стихи, но недавно начала писать прозу. Итогом моих творческих поисков стала первая книга, которая вышла в 2010 г., - «Волшебный калейдоскоп» («Новый современник», 2010).

Джинн

Давным-давно на земле появился Джинн. Да-да, настоящий волшебный Джинн. Много тысячелетий назад он проник к нам из другого измерения и остался среди людей, которые всегда о чем-то мечтают. Для Джинна это было очень важно, потому что исполненные желания приносили ему волшебную

энергию, благодаря которой он продолжал жить веками.

Сначала старый чародей поселился в глиняном горшке, а позже, когда люди научились обрабатывать металлы, перебрался в медный кувшин. Да так в нем и остался, меняя только страны, города и века. У себя в кувшине старый волшебник по многу часов занимался йогой - он лично был знаком с Кришной и научился у него великим практикам. С помощью концентрации Джинн легко уходил в астрал и заставлял людей загадывать желания. Это всегда срабатывало, и хитрый волшебник получал очередную порцию животительной энергии. Столетие за столетием он давал людям деньги, власть, любовь, творил чудеса на глазах изумленных просителей, а потом, хихикая, забирался в кувшин и предавался очередной медитации. Джинн подсмеивался над людьми, потому что исполнения желаний всегда носили немного двоякий смысл. Получая желаемое, люди обязательно теряли что-то важное в жизни. Но не все придавали этому значение, так что обман, как говорится, «прокатывал». Каждые три исполненных желания давали плуту три века спокойного пребывания в кувшине.

Но однажды Джинн заметил, что как-то слишком давно никто не реагировал на призывы, и волшебство оставалось невостребованным.

И вот, выйдя из очередной нирваны, чародей решил сам отправиться на поиски жаждущих быстрого чуда. Выбравшись не без труда из запыленного и изрядно помятого кувшина, хитрец попал в двадцать первый век. Джинн проспал последние двести лет и теперь был обескуражен колоссальными изменениями.

Города выросли, как сорняки, их количество пугало беднягу. Высота и форма зданий удивляли. По улицам носились странные экипажи с колесами. Все

мелькало, мигало огнями, гудело и светилось. Понадобилось некоторое время, чтобы шокированный Джинн немного привык к непростой современной жизни. Но как только волшебник освоился, он решил продолжить привычную для него работу, соблазняя исполнением заветных желаний.

Бродя по холодным декабрьским улицам, чародей выискивал подходящих людей. Его не волновало, в какую страну и город он попал, это не имело значения, ведь джиннам полагается владеть всеми языками мира. Главное, здесь были люди, много-много людей, праздно гуляющих в поисках отдыха и развлечений в предновогоднем городе.

Первым делом хитрец выбрал себе облик, который помогал ему не выделяться из толпы, и отправился в ночной клуб. Волшебник полагал, что большое скопление праздных людей - вполне благоприятная для него аудитория. Он был уверен, что очень скоро пополнит свой запас жизненной силы.

Пройдя внутрь, Джинн слегка оглох от громкой музыки и на время ослеп от ярких огней и изобилия нарядно одетых женщин. Когда первый шок прошел, чародей стал изучать обстановку. В центре зала беспрерывно двигались танцующие, разгоняя сигаретный дым. А вокруг сновали официанты, разнося яркие разноцветные коктейли. В углу, за одним из столиков, несколько изрядно выпивших мужчин что-то горячо обсуждали. Наш герой потихоньку пристроился рядом.

Через некоторое время голоса затихли, и спорщики устали на бесцеремонно подсевшего к ним мужика.

- Ты кто такой? Чего надо? – подал голос самый старший.

- Друзья, я хотел вам предложить то, от чего вы не откажетесь, - интригуя улыбаясь, промурлыкал Джинн.

- Ты не по адресу, красавчик, – ехидно фыркнул другой, более молодой, - и мы тебе не друзья, не мечтай!

Все засмеялись.

- Вы не поняли, – воскликнул волшебник, - я только хотел предложить вам немного волшебства, которое вы никогда не забудете!

И Джинн, глядя на собеседников сверкающими глазами, театрально поднял руки вверх.

- А ну вали отсюда! А то МЫ тебе устроим волшебство! - угрожающе привстал старший, и выражение его лица не обещало ничего хорошего.

Джинн не понял, что произошло, но почувствовал, что оставаться здесь небезопасно. Пробормотав какие-то извинения, он быстро ретировался из заведения.

Никогда еще старый чародей не попадал в такую неприятную историю. Раньше он всегда действовал через астрал, чем приводил клиентов в трепет. Это, конечно, содействовало успеху предприятия. Но в этом веке такой способ не годился. А человеческое тело, пусть даже временное, было весьма уязвимо. Так что приходилось импровизировать на ходу.

«Ну и ладно, найду других», - подумал неудачливый исполнитель желаний и решил поискать среди нищих. «Уж там наверняка найдутся жаждущие!» – размышлял он.

Найдя бездомных рядом с городской свалкой, соблазнитель принялся рассказывать им свои «сказки». Он предлагал им несметные богатства, власть и даже молодость. Но, увы, и отсюда кудесник был изгнан, да с позором. Ему не поверили, приняв за безумца, да ещё и посчитали, что над ними издеваются. К тому же на прощанье волшебник

получил в подарок вполне ощутимый и очень яркий синяк под глазом.

Совершенно расстроенный, Джинн некоторое время сидел в парке и обдумывал свое затруднительное положение. Но, успокоившись, воспрял духом и, поколдовав немного над синяком, продолжил поиски. На этот раз он решил обратиться к женщине. Поискав глазами среди толпы, чародей заметил стоявшую возле витрины ювелирного магазина девушку, которая, приблизив лицо к стеклу, отогревала дыханием маленькое окошечко. Там, в глубине витрины, сверкало бриллиантовое кольцо. Джинн обрадовался. Наконец-то он встретил человека с желанием!

- Вам нравятся бриллианты? Золото? Хотите получить все это? – вкрадчиво спросил волшебник.

Девушка медленно повернула голову, в ее глазах промелькнула горькая ирония.

- И что же я должна за это сделать, дорогой? – устало спросила она.

- Ничего! Только пожелайте, и получите! – воскликнул странный соблазнитель.

- Ну да, а потом меня арестуют? Нет уж, спасибо! - девушка развернулась и пошла прочь.

- Пойдите! У вас будет столько алмазов и рубинов, сколько пожелаете! Только попросите! Сделайте это для меня, мне это так нужно!

И Джинн кинулся догонять девушку.

- Да ты еще и больной на всю голову! Отстань от меня, извращенец! – крикнула та и пустилась бежать.

Совершенно обескураженный, «извращенец» остался стоять посреди улицы. Почему девушка убежала? Он ничего не мог понять. Прохожие толкали его, но Джинн был так огорчен, что не замечал этого. Спустя несколько минут он пришел в себя и подумал, что раз молодая женщина испугалась его, то надо найти пожилую. У пожилых женщин больше

мудрости и наверняка есть желания. Зайдя в ближайший книжный магазин, старый волшебник сразу увидел ту, которую искал. Серьезная дама не первой молодости, одетая в строгое и тоже выдавшее виды теплое пальто, рассматривала глянцевою книгу о путешествиях.

- Вам нравятся путешествия? – осторожно спросил Джинн.

- Да, но мне это не по карману, вот только почитать если... - женщина грустно вздохнула.

- Если вы выслушаете меня, то сможете путешествовать куда угодно и когда угодно! – обрадовался волшебник. - Вы будете жить в раю! Вам надо только поверить!

Женщина категорически подняла руку, останавливая эмоциональный монолог Джинна.

- Вот только не надо меня никуда агитировать! – резко перебила она. – Я честная католичка, и ваши пламенные речи меня не волнуют! Идите подальше отсюда со своей сектой.

И женщина, резко захлопнув книгу, направилась к выходу.

Джинн вообще перестал понимать что-либо. Он никогда не мог предположить, что найти человека, имеющего мечты, будет так тяжело. С этими мыслями он отправился в огромный торговый комплекс.

Обстановка внутри потрясла: многочисленная яркая реклама, празднично оформленные витрины, новогодние елки, увешанные гирляндами и игрушками, магазины, наполненные разноцветьем вещей, улыбающиеся нарядные люди - все это буквально обрушилось на старого чародея. Джинн присел на стул, чтобы перевести дух.

«Вот это волшебство! - подумал он. - Что же это? Тут все умеют колдовать?»

И Джинн заслушался приятной музыкой, льющейся откуда-то с потолка. Подошла официантка,

кокетливо вилия задиком, обтянутым короткой юбочкой.

- Что желаете?

Чародей поднял глаза и ошарашено уставился на девушку.

- Чего Я ЖЕЛАЮ??? – Джинн только сейчас осознал, что сидит за столиком кафе. Придя в себя и «переварив» вопрос, старик улыбнулся официантке: - Чай и что-нибудь сладкое. И побыстрей! - добавил он не без удовольствия.

Отхлебнув ароматного чая, волшебник немного расслабился и, положив в рот ложку нежного тирамиссу, совершенно разомлел. Наслаждаясь, он разглядывал людей, снующих вокруг кафе в поисках новогодних подарков.

Вдруг совсем рядом зазвучали голоса.

- ...чего еще желать? – донесся до Джинна обрывок чьей-то фразы.

Повернув голову, старик увидел за соседним столиком троих молодых парней. Они пили кофе и болтали. Волшебник прислушался.

- А мне мои предки на Новый год обещали самый наикрутейший Айфон! – похвастался рыжий вихрастый парень. - Причем я сам могу выбрать модель!

- Ваще крутяк! – согласился второй, щупловатый на вид. - А я своим сказал, мне салон надо в тачке обновить, не пикнули даже!

Они дружно загоготали и зачем-то стукнули друг друга над столом ладошками.

- А чего, пусть теперь стараются, они так трясутся за свою репутацию, им ни к чему сыновья-неудачники, - высказался третий пацан с бриллиантовой пуссетой в ухе. - Я теперь, чуть что, сразу отцу говорю - уйду из Универа, и всё! А он психует!

И все опять засмеялись.

Чародей внимательно слушал разговор и потихоньку вникал в то, что происходит вокруг. К своему огорчению, он внезапно понял, что ищет то, чего уже нет в этом мире. Мир без желаний, без мечты - звучит страшновато, даже для Джинна...

Посидев еще немного в кафе, волшебник подумал и решил изменить свои планы. Наколдовав себе денег, он обошел немалое количество магазинов, где всё и потратил. Оказалось, что делать покупки приятно, к тому же теперь надо было экономить оставшуюся волшебную силу.

Вернувшись в кувшин, Джинн расширил немного пространство внутри и разложил многочисленные приобретения. Затем плотно закрыл крышку и направился на далекие необитаемые острова.

И сейчас где-то там, вдалеке от цивилизации, чародей сидит в своем уютном кувшине и наслаждается жизнью. Попивая крепкий кофе френч-пресс, старик «бродит» по Интернету, а когда надоедает, смотрит DVD. Все за него делает новейшая бытовая техника, поэтому нет нужды тратить волшебную энергию на мелочи. А это значит, что у Джинна есть еще в запасе пара сотен лет.

Может, за это время в мире появятся наивные романтики, умеющие мечтать и загадывать желания. А пока у волшебника есть ПСП, Айфон, нетбук... значит, ему скучно не будет.

А чего еще желать?

Мария Сидлер

Я из породы «библиотечных крыс» - библиотекарь со стажем (окончила Московский государственный университет культуры, работала в библиотеке Дома Гоголя). Но судьба распорядилась, чтобы я не только читала чьи-то книги, но и начала писать свои... Сказки. Для детей и взрослых. Потому что сказкой может стать любая мелочь – надо только сильно захотеть увидеть сказку в своей жизни.

Я – МАМА. Потому что моя удивительная сказка началась с рождения моих дочерей.

Я – ЖЕНЩИНА. Именно с большой буквы и большими буквами.

У меня собственная Философия Бурной Реки: «Жизнь – это Бурная Река. И сколько бы раз на пути она ни вспенивалась – ее надо преодолеть, сколько бы раз она ни бросала в водовороты – надо из них выбраться, сколько бы раз она ни предоставляла убежище в тихой заводи – лучше из него уплыть...»

Я и Город Цикл миниатюр

Москва, я не знаю тебя!

Я не знаю свой город...

Не знаю его одноликих улочек, разбросанных по окраинам, трущобных свалок с бомжами и бродячими собаками, запутанных эстакад и шоссе с неизменными автомобильными пробками.

Не знаю снующих, толпящихся, суеющих людей; таджиков, сидящих на корточках;

бизнесменов, заруливающих к бизнес-центрам; холеных женщин, выходящих из салонов красоты.

Не знаю, для кого призывно светят огни дорогих ресторанов и клубов.

Не знаю, кому продают элитные шубы и квартиры, для кого столько рекламы на улицах. Не знаю, зачем вырубает последние деревья под стоянки авто, почему замусорены улицы и как можно жить в загазованном пространстве.

Не знаю, отчего в этот город стремятся попасть провинциалы и сколько здесь беспризорников, пьяниц, наркоманов.

Не знаю, можно ли без опаски ездить в метро, ходить по улицам, сидеть в сквере.

Не знаю, что от города ждать, не знаю, как в нём жить. Москва, я не знаю тебя!

Город не знает меня.

Не знает, что я живу здесь, хожу по его улицам, езжу в транспорте уже третье поколение подряд.

Не знает, что я люблю его.

Не знает, что я ужасаюсь его запущенности и напыщенности.

Не знает, что я знаю, каков он на самом деле, мой задиристый, лубочный город.

Город не знает, что я люблю его двор на Никитском бульваре, где грустно смотрит сквозь решетку забора Николай Васильевич и особняк Толстых, последний приют Мастера...

Город не знает, что мне нравится гулять по воде от Краснопресненской набережной до Смоленки, пешком по Ермолаевскому переулку до Патриарших, по Новому и Старому Арбатам.

Город не знает, что я часто бываю в Свято-Покровском монастыре, чтобы поклониться Святой Матронушке, в театре «Сатирикон», чтобы окунуться в атмосферу вседозволенности, на смотровой

площадке Воробьевых гор, чтобы представить себя в полете над городом ... Москва, ты не знаешь меня!

Я не знаю свой город. Мне не хватит одной жизни, чтобы узнать его.

Город не знает меня. Потому что сложно сосчитать камешки брусчатки.

Город не знает... Не знает... Знает.

Я не знаю... Не знаю... Знаю.

Призрачный город: лето-2010

«Пить», - шепчут высохшие деревья.

«Пить», - шелестит выжженная трава.

«Пить», - шуршит растрескавшаяся земля.

«Пить», - разевают клювы растрепанные голуби.

«Пить», - молит раскаленный город.

Но никто не слышит этих голосов, никто не напоит страждущих. Они ведь почти призраки...

И только раскаленное солнце безучастно взирает на почти безлюдные площади и парки с ранней желтизной. Какое ему дело до изнемогающих от жары?

Шершавыми губами делаю глоток пластиковой воды. Кажется, в городе остались только призраки и вода в фирменных бутылках.

Призраки деревьев выступают мрачными тенями из тумана... «Пить!»

Призрак травы сухой соломой рассыпается под ногами... «Пить!»

Призрак земли... Призраки угорающих людей... Призрак города, коптящегося на чудовищной жаровне...

И неоткуда помощи ждать – все окутано дымом лесных пожаров, все пронизано удушьем зноя и мглы... Все в городе не живет – выживает. Не двигается – растворяется. Застыло время – заблудилось. Застыла мгла – куда ей идти? Здесь она

питается людскими липкими страхами. Здесь она накрыла грязным покрывалом крыши домов. Осела ключьями на деревьях. Закутала в коконы людей. Мгла давит и подавляет живое, заставляет прятаться. Только она живая в городе. Не призрачная, вполне осязаемая...

Протягиваю руку, хватаю кусок. Трепещется, хочет обратно на асфальт упасть сизым комком и растечься безразмерным пространством, поглощая все на своем пути. Деревья, соседний дом, собаку... Ненасытная мгла! Сколько еще ты будешь ползти, змеясь, по улицам? Скольких еще задушишь в объятиях?

«Пить!» - из последних сил просит город... Он ждет избавления, ждет дождя. Прозрачная вода прогонит мглу, напоит деревья, траву, землю, голубей, людей... Город встрепенется, почистит перышки, скинет серые призрачные балахоны... Оживет. Люди будут жить...

Но солнце, такое же призрачное, как и все здесь, по-прежнему смотрит безразлично кровавым глазом на город, которого уже почти нет...

Мне в толпе людской неуютно...

Мне в толпе людской неуютно... Спину взгляды буравят косые. Оглянуться? Но как-то страшно. Вдруг со смертью я встречу взглядом? С черной смертью, глаза в глаза. И не скатится вниз слеза, и не дрогнет ее рука, не появится мысль: «За что? Что мне сделали люди в метро?»

Мне в толпе людской одиноко... Каждый занят собственным горем. Кто-то ругань затеял утром, кто-то сжег любимую блузку, кто-то просто не выспался сильно, а быть может еще не проснулся... Вот последним умирать не страшно – это просто плохой сон приснился.

Мне в толпе людской очень скучно... В серый лист слились лица-маски. Перекошенные и смешные, длинноносые и расписные... И никто друг друга не знает, и никто никому здесь не нужен. Только смерть где-то рядом витает... Мне не хочется стать ее другом, побрататься со всеми кровью...

Мне в толпе людской так тоскливо... Обреченность, покорность моменту. Моя жизнь в руках очень многих... Настороженность, раздраженность. Все от страха готовы сорваться.

Накричать, нагрубить... Очень жалко, если этим закончится путь. Мне не нравится этот образ.

Мне в толпе людской неуютно... Я стараюсь ездить все реже. Не смотреть, не смеяться, не плакать. Подобраться и думать о главном – если смерть вдруг стоит за спиной,

то сумеет распознать за мгновение. Заглянуть ей в глаза, вдруг на сетке отражается доля сомнения? Ну, зачем же нам гибнуть вместе? Это все же не женское дело...

Люди-снеговики

Как же просто слепить снеговика! Накатаешь несколько снежных комьев, один больше другого, да и поставишь кое-как друг на дружку. Вот и готов снеговик. Вместо носа – красная морковка, рот застыл черной щелью. Некультиистый снеговик. Гражданин зимней страны.

Растопырил снеговик руки и пошел по улице, подметая белой шубой обледелую дорогу.

Идет, с боку на бок переваливается, переставляет снежные ноги, с трудом сохраняя равновесие. Что с него взять? Неуклюжее порождение зимы.

А кто еще, кроме снеговиков может населять этот белый холодный мир? Все живое спряталось, уснуло

до весны, и только снеговики бродят неприкаянные, с одним им ведомой целью...

С мыслями, промерзшими до ржавого ведра на голове.

С сосульками на морковных носах.

С рыхлыми, ватными боками.

Вот так посмотришь темным зимним утром на улицу – в сером сумраке одни снеговики бредут из дворов по извилистым снежным тропинкам...

Мысли-снежинки

...А за окном опять метель... И мысли разлетаются снежинками - выдули их холодные ветры.

Мысли мои стелятся теперь февральской поземкой над белым городом. Мысли никому не нужные, стылые...

Зябко. Теплый шерстяной свитер не помогает согреть душу – белая шерсть, словно ледяной коркой, сковывает её.

И мне не выбраться, не согреться, пока не выглянет весеннее солнышко.

Но где оно? Нет солнышка. Лишь серые тучи нависли угрожающе и все сыплют, сыплют опостылевший снег. Одно лишь желание осталось – спать. Спать, накрывшись белым снежным покрывалом.

Так и земля, верно, уснула сном упоенным под толстыми сугробами и ждет живительного тепла. Дождется ли? Или навсегда сгинет под снежными заносами?

За окном опять метель... Снова мысли путаются и кружатся... Или это снежинки? А может, это авитаминоз в ослабленном за зиму организме моем творит злые шутки?..

Тоска

Отчего так тоскливо на душе? Отчего так пусто?
Отчего сердце рвется и мечется в груди, будто в клетке?

Не от того ли, что грязные тучи свинцом легли на дома? Не от того ли, что холодный ливень смыл с земли все краски, кроме одной – черной?

Оголенные скелеты деревьев – мои нервы...
Морось – мои слезы... Ржавчина разъела летнюю радость, чавкает под ногами слякотью и прелыми листьями.

Все умирает вокруг, все умирает...

Как тяжело смотреть на угасание дня, на сумрачные, мятущиеся тени за окном... Ветер резкими порывами выдувает последние крохи тепла из жилищ... Гнет, заставляя кланяться Ее Величеству Непогоде, кустарник в парке... Люди на улицах мрачные, закрылись зонтиками, будто масками... Точно дохлые мухи меж стекол окна – без эмоций...

Осень... Что же ты делаешь с нами, осень?

Как хорошо перелетным птицам! Как хорошо! Они могут улететь туда, где по-прежнему светит ласковое солнышко! Забыть сырость и ждать новую весну... Но я не птица... Отчего ж?

Окно распахнуто... Ветер рвет занавески... Дождь наплакал лужи на подоконник...

Как долго до весны... Как долго... Не дожидаться, не дожить...

Холодно. Дрожу... Я больна... Больна тобой, осень...

Мокрое лицо... Распахнутая шаль... Пестрые ее края – вот мои крылья...

И я улечу от тебя, осень! Я улечу вслед за летом!

Птицы! Птицы! Подождите меня...

Парк

Осенний парк таит молчаливую печаль и тихо шепчет сказки... Безмолвно тоскует по солнцу, по гомону птиц, по беготне детей... Тоскует вместе с облезлыми воробьями, молчаливыми голубями, бездомными собаками... Тоскуют и черные скелеты деревьев... В мольбе протянули к угрюмому небу свои ветви...

О чем они молят? Быть может, о лете? О красивых зеленых одеждах? О нескольких теплых мгновениях перед долгим холодным забвением?

Тоскует парковая горбатая скамейка... Сиротливо притулилась, бедная, возле застывшего фонтана, полного гнили... Тоскует облупленная фонтанная дива... Нищенкой бездомною стоит под ледяными струями дождя...

А омут осеннего пруда непостижимо притягивает редких прохожих... Манит черной водой... Околдовывает стальной гладью... Страшно заглянуть в его мертвое око,

страшно дотронуться до обжигающе холодной воды... Лишь деловитым уткам все нипочем – собираются в дальнюю дорогу, окаянные.

Под шум ветра одинокий парк готов бесконечно шуршать осенние сказки...

О том, как короток день – угасает, не успев осветить прозрачные аллеи...

О том, как птицы улетели – бросили свое пристанище...

О том, как люди спешат мимо – какое им дело до молчаливой печали осеннего парка...

Тонкое наблюдение

Каждое утро, по дороге на работу я прохожу через парк. Прохожу, пробегаю - не замечая времени года, не замечая погоды, не замечая ничего вокруг. Я всегда тороплюсь. Я опаздываю на работу, опаздываю жить....

А сегодня, случайно уронив сумку и тем самым замедлив бег, я обнаружила, что листопад уже сменился пушистым снегом... В душе неожиданно поселилась грусть – опять наступила зима, а я снова, как и в прошлом году, пропустила летний отпуск. Вот так и жизнь уходит безвозвратно... Может, надо что-то поменять?

Да! Надо начать ходить другой дорогой.

Я живу в себе

Я вижу. Цветные тени живут во мне. Голубое милосердие, красная любовь, белая печаль... Они спорят, ссорятся, мирятся. Они – это я.

Я слышу. Музыка жизни звучит во мне. Минорная грусть, мажорная радость. Чуть тише, иногда – чуть громче. Музыка всегда со мной.

Я говорю. Слова мне не нужны. О боли, тепле, холоде, ласке – языком жестов. Я постоянно в движении.

Я не вижу окружающих, но вижу себя изнутри.

Я не слышу посторонний шум, но слышу свои мысли.

Я не говорю ни слова, но умею рассказывать.

В коконе немошной оболочки живу Я.

ВОДОВОРОТЫ

ИГРЫ

Иван Мазилин

Писать начал в первом классе ручкой со стальным пером, которую приходилось постоянно макать в чернильницу-непроливайку. Мазилки, кляксы в тетрадке и те «двойки» по чистописанию оказались несмываемыми...

В жизни перепробовал много разных профессий, но так и остался в ней только наблюдателем, только прохожим по тому отрезку времени, что отпущено мне. Пишу, потому что хочу верить, что не просто же вариантом отличается моя жизнь от других миллионов жизней, а неповторимостью. Тем, что именно я – один – жил и еще пока живу на этой земле, и только это и имеет общее значение.

Кухня

«Нарезка» из повести «Весь мир – театр»

Формат сборника вынуждает автора выбрать из полнометражной повести отрывок. Получилась действительно «нарезка» - собрание кусочков из разных мест произведения. Автор тем не менее надеется, что у него вышло нечто законченное. Если же эта «Нарезка» оставит у читателя состояние неутоленного голода, то автор приглашает его к столу по ссылке:

<http://www.litkonkurs.com/index.php?dr=45&tid=70101&pid=45>

Вечер поздний. В зале. Возле авансцены. Художественно-технический кворум.

– Света, скажи, пожалуйста, в театре ты... сколько ставок у тебя? Смотрю – помреж, художник, не удивлюсь, если обнаружу, что и кассир...

– Нет, только билетер еще... в театре многие совмещают, вы табель не видели.

– Когда ты это успеваешь все?

– Пал Михалыч, работа приходит и уходит, а кушать хочется хотя бы два раза за день.

– Я понимаю. Ну, давай посмотрим твои эскизы. Ставь сюда. Костя, с галерки можешь «бебик» дать?

– Легко. Минутку... так пойдет?

– Годится. Спускайся к нам посмотреть эскизы декорации.

– Я их уже видел. В процессе... дома.

– Я не понял. Так вы?..

– Пал Михалыч, второй год она мне вместо ужина гуашь разводит.

– Не знал. А ябедничать... о женах нехорошо-с... угу... вот, значит, как. Что-то уже я видел. Так, вспомнил – театральный фестиваль. Флоренция. Год... полосатый.

– Вы там были, Пал Михалыч?

– Был, недолго. Значит, Светик, так... работа неплохая. Но.

– Но?..

– Вот именно... я не Айвазовский, но карандаш мой что-то и сам умеет. Смотри сюда. Все, что в объеме ты нагородила, в плоскость и на «аванплац». Сюда. Вот так. А пандус развернуть. Вот так, пожалуй, хватит. Посмотрим по месту.

– Пал Михалыч, но тогда пустая сцена.

– Я этого и хочу. Мы недалеко от Вильяма Шекспира утопаем при этом. Играть мы будем вне

времени и вне определенного пространства – «сейчас, сегодня, здесь». И никаких тонов пастельных, не Дега, все грязно-мрачное. «Горизонт»... бязь серая, двунитка... а лучше мешковина. Поняла?

– Как у Любимова?

– В «Гамлете»? У него – трансформер-Занавес. Здесь же «горизонт» – драп-дерюга драный, с разводами под плесень. Поняла?

– Поняла. Теперь эскизы костюмов персонажей. Что скажете, попала?

– Умница какая, попала в точку. А теперь... забудь. Мне нужно смешение эпох. С четырнадцатого по двадцатый век. Конечно, в стилизации.

– Но я...

– Оружия побольше. Всех до зубов вооружи. И тоже – от мечей и копий до бластеров из «Звездных войн»...

– Но это будет Бергман.

– Бергман, Бертолуччи, Феллини... кто еще? Грузин советский с «Покаянием» своим. И что с того? Пусть будет как у Бергмана. Я так вижу. Все равно – что было, то будет вновь, и так до скончания... пока не кончится театр. Это мир Театра. Тебе понятно?

– Понятно.

– Все. Работай. Теперь... Владимир Васильевич, когда?..

– Чертеж, размеры и через неделю.

– Вы что, смеетесь? Три дня и не секундой больше. Осталось – ничего. Еще спрошу. Сколько наверху штанкетов?

– Всех – шестнадцать. Из них четыре – световые.

– Так. Света, тебя я попрошу еще... ты с графикой компьютерной в ладах?

– На «ты».

– Очень хорошо. Нужно мне фото Марка Яковлевича, в мантии и при короне короля Дункана. Завтра.

– Легко.

– Ответ отличный. Теперь я верю, что Костина жена, «легко» – это ваше общее словечко... Владимир Сергеевич, завтра с диском в типографию аллюром. Нарезать на плоттере дюжину портретов. От... метр на полтора до четырех с половиной на шесть.

– Пал Михалыч, если не секрет?

– На сцене самого Дункана, увы, мы не увидим. Но как только речь пойдет о нем, на заднем плане появится портрет... потом еще, еще, все ближе, ближе. Чтобы в финале как возмездие портрет последний Макбета... одним словом, «порешил».

– Это... я понимаю, образное решение? Как оно...

– Пришло как? Света, это не «решение», а вынужденная мера. Её я взял на полке. Встал и руку протянул. Владимир Сергеевич, что вам непонятно?

– Да нет, понятно все. Но надо бы у Ольги Ивановны наличными, под расчет, чтобы быстрее было.

– Так возьмите.

– Не даст мне.

– Александр Сергеевич, вы как новый директор с Ольгой Ивановной утром «перетрите» вопрос сей.

– Я, Павел Михайлович, подробно все записал и по всем вопросам постараюсь сделать все как надо. Но вопрос есть и у меня.

– Давайте.

– Даже не вопрос, а просьба. Пресса рвется в гости. И нам для раскрутки не мешает брифинг провести.

– Брифинг – это громко очень... не раньше, чем через неделю.

– Поздновато. Хотя бы послезавтра. Звать?

– И здесь достали. Ждут скандала... черт с ними. Пусть будут. Всех зовите разом, скопом, чтобы сто раз на одни и те же грабли вопросов не наступать. А

лучше на Галину Владимировну стрелки перевести, пусть что хочет, то и...

– И вот еще...

– Да, Александр Сергеевич...

– Завтра анонс я запускаю и послезавтра открываю кассу.

– Хорошо. Надеюсь, премьерный зал дорожке стоит у вас?

– Я пока не знаю. Не готов ответить. Для меня театр – новое дело.

– Все когда-нибудь что-то начинали... узнайте, как до вас билетный стол работал, и вперед. Удачи всем нам.

– Хорошо.

– Да, чуть не забыл! Владимир Васильевич, что лонжи, троса, лебедки, блоки? Установили? Проверили?

– Грешен, сам вчера над залом и над авансценой полетал. Незабываемые ощущения, скажу. Завтра по второму плану будем тоже делать. Игорь Кио лучше бы не выдумал... а троса я у военных выпросил – чуть толще лески и совершенно в полумраке не видны...

– Сам не похвалишь себя, сбоку не дожدهшься. Ну, если вы не грохнулись, и если сто двадцать килограмм...

– Сто двадцать пять...

– Во как! Годится. За девочек тогда я не боюсь. Еще нужны мне «шайбы».

– Хоккейные? В реквизите на складе...

– Нет, вы не поняли. Костя, популярно объясни.

– Мне свет «лягушек» на сцене от зрительного зала бы прикрыть. Чтоб в лица не светили.

– Костя, извините, от тебя мне ровный световой столб нужен не один, штук двадцать.

– Понял, не дурак. Нужны такие... ну, в общем, «шайбами» мы их назовем условно. Я нарисую как смогу.

– Не надо. Понял. Что-то такое было на складе от «Мух» или «Облаков» Аристофана... сейчас не помню. Я завтра посмотрю.

– Ну вот и все, пожалуй. Всем спасибо. Остальное - в процессе. Уж поздно, разбежались. Света, предупреждаю строго, гуашью Константина не травить. Он, равно как и все здесь присутствующие, во здраве мне нужны. Спокойной ночи.

– Пал Михалыч... Я боюсь, что не успеем мы...

– Света, а куда нам с вами с этой подводной лодки, что лежит на грунте брюхом? Костя, вон, расскажет, каково это...

– Да, никуда не денешься, и в самоход не двинешь.

– Так вовремя всплывем, чтобы не задохнуться.

– Хорошо бы.

– Так и будет. Все, пока.

– Пока, пока.

– А где же верный мой «оруженосец»? Где мой кот? Кто видел Мортонса?.. Так я и знал, уже удрал, подлец...

Я люблю сидеть в пустом зале. Лучшего отдыха не знаю. Я понимаю, дело вкуса, но я отдыхаю только посреди толпы и в пустом зрительном зале. Репетиция вначале была ни к черту – фальшиво, вяло, сонно... все плохо было, все было в никуда. Я еле удержался, чтоб не грохнуть дверью. Матерился, как последний... Екатерину до истерики довел. И так часа четыре. До перерыва. После перерыва, кажется, Ильин вопрос задал, откуда-то слетело и пошло. И это уже не я был...

Я медленно поднялся на сцену и... эти строки сами все сделали, и я был ни при чем. Я просто прочитал их.

*О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью убивают,
Нахлынут горлом и убьют!
От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.
Но старость это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.
Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.
Ломиться в двери пошлых аксиом,
Где лгут слова, и красноречие хромает?*

*О! Весь Шекспир, быть может, только в том,
Что запросто болтает с тенью Гамлет.*

– Надо же, еще чего-то помню... – Спустился в зал, прошел в последний ряд. Сел на крайнее от прохода кресло и тихо сказал:

– С выхода Макдуга, пожалуйста... пошли.

Это было важнее всех «лекций» об актерском мастерстве. Нет, я не хочу сказать, что дальше все пошло само собою, гениально... нет, по-всякому было, но эти строчки, точно «второе дыхание» у спортсменов. Себе не признавался, но этого момента ждал я... но не торопил. Дальше... тьфу-тьфу-тьфу... даже произносить не буду. До этих пор всегда так было, не подводило...

И вот теперь почувствовал, как навалилась усталость прожитого дня. Я буквально разваливался

на части. Вспомнил, что с утра, кроме шести или семи чашек кофе, в желудке ничего не было. Пойти бы надо, что-нибудь пожевать, да хоть подметки. Насчет подметок лишнее сморозил, я помню, что в холодильнике еще не оскудел «запас», и даже ждут меня там две банки пива...

*...Откуда ты, кинжал,
Возникший в воздухе передо мною?
Ты рукояткой обращен ко мне,
Чтоб легче было ухватить. Хватаю -
И нет тебя. Рука пуста. И все ж
Глазами не перестая я видеть
Тебя, хотя не ощутил рукой.*

«Что он делает?! Что они все так... так еще рано, рано, рано...» – с этой мыслью я покинул свой режиссерский столик и, «слушая спиной» происходящее на сцене, пошел по проходу в конец зала. Пробрался в бельэтаж и сел в последнем ряду.

*...Но я грожу, а обреченный жив,
И речи охлаждают мой порыв.
Звон колокола.
Пора! Сигнал мне колоколом подан.
Дункан, не слушай: по тебе звонят
И в рай препровождают или в ад...*

«Борька, паразит, добился-таки звука надтреснутого колокола. Теперь... все можно. Давай крик совы и... да, да, да... и только так... под сурдинку «поплыл» над текстом...»

В полутемном зале на последний прогон набралось зрителей – человек двадцать или около. Там, справа, Надежда. К ней пристроился Владимир

Васильевич. Перед ними и слева – Галина и директор Александр Сергеевич. В середине второго ряда, сидит Светлана. В конце партера несколько пришедших родственников артистов, «службы» театра. С большой неохотой разрешил...

*...Один воскликнул: «Господи помилуй!»,
Другой: «Аминь!» – как будто увидав,
Как прячусь я во тьме, и оградившись
Молитвой от соседа палача.
А я, услышав: «Господи помилуй», -
За ними вслед не мог сказать: «Аминь».*

«Господи, Колька, верю я тебе, сукину сыну. Как зритель верю. Только не гони так лошадей... Я теперь, кажется, понял, откуда твой «взбрык» тогдашний – нужно было тогда себя взвинтить, совесть-сука замучила... тоже... мудрило. Я сам бы так не смог. Что делает, подлец!! Утром сегодня еще врал, как... сивый мерин! Нет, все, смотрю как есть, и будь что будет...».

Утром проснулся от тишины. За окном все серо и размыто туманом с мелким дождем. Окно с редкими полосами лениво скатывающихся капель. Тоска, одним словом, и настроение ни к черту, такое же серое. Сейчас бы забиться под одеяло с головой, надышать собственного тепла и спать целый день.

Впервые опоздал на репетицию на целых десять минут. У всех состояние тоже полусонное. Надежда откровенно громко зевает в последнем ряду. Хотелось послать ее домой, объяснив, что «ловить» сегодня нечего будет. Тоска зеленая, одним словом.

Кое-как начали прогон, также кое-как закончили. Медленно, вяло, запинаясь и едва волоча

ноги. Было желание отменить второй спектакль, было. Но... что-то мне подсказывало, что этого не следует делать. Завтра генеральная репетиция и все, отступать некуда – в пятницу премьера. Единственное, что я позволил, так перенес время второго прогона на четыре часа позднее. Была такая мысль, что привычные для спектакля 19.00 что-то смогут изменить. Нужен был хороший перерыв. Смутная надежда была, что погода переменится к лучшему.

Не улучшилась. Не переменялась. Город на целый день накрыло промозглым серым туманом. Осень делала свое дело, с каким-то неистовством отвоевывала свое время. Не хотелось даже высовывать нос на улицу, хотя в театре тоже было все серо, тоскливо и сыро. В перерыве все же пришлось выйти. Ходил в мэрию обедать один. Надежда ушла до вечера домой.

В сквере под ногами скользили ржавые опавшие листья. Всю дорогу туда и обратно у меня в голове скреблась занозой дурацкая фраза: «Листья клена падают с ясеня...», продолжения которой, как я ни старался, не мог вспомнить. Впрочем, я и не очень-то старался, просто бубнил под нос эту строчку, поеживаясь от сырости, проникающей под ветровку.

В мэрии встретил Богатову. Галина напросилась на прогон, объясняя, что вполне возможно не сможет попасть на премьеру. Скрепя сердце разрешил с одним лишь условием – после окончания прогона никаких замечаний в адрес спектакля...

Кто же знал? Кто мог предполагать, что что-то в планах Всевышнего изменится? Что все, над чем лопатились больше месяца, ненужной шелухой вдруг стихнуло, и обнажился сам плод, настоящее чудо природы...

*Не спрашивайте. Сами поглядите
И будете не в силах говорить.
Звоните в колокол! Измена! Встаньте!
Убийство! Банко! Дональбайн! Малькольм!
Стряхните сон с себя, подобье смерти,
Чтоб смерти подлинной взглянуть в лицо!
Малькольм и Банко! Встаньте, встаньте,
встаньте,
Как души из могил на Страшный суд!
Вот ужас!..*

«Света здесь многовато... Костя... нет, все же убрал четыре «столба» и дал синий «прострел». Молодец. А это еще что? Откуда здесь «басовый ревер»? Черт, черт, черт... Борис... здорово... еще немного и «наложи хвост» на текст. Меня кондрашка хватит – что они творят! Мы так не договаривались, рано так «тратиться». Вас же на премьеру не хватит, паразиты, поэкономней! Впрочем, я уже вам не судья... теперь я только зритель».

*Цари, Макбет, покамест не полез
На Дуисинанский холм Бирнамский лес.
Всю жизнь неси уверенно венец
В надежде на естественный конец.
Еще одно, прошу, ответьте мне:*

Давно, в детстве еще, я ходил в кино. Любил фильмы про войну. Я застал тот переломный момент конца восьмидесятых, когда еще было на экране старое советское кино. Да и сам я был пионером, верившим в «светлое будущее, завоеванное кровью моих предков»...

Я не собираюсь теперь заниматься воспоминаниями – не время и не место. С тех пор много что изменилось вокруг и во мне самом. Главное, что осталось во мне от тех походов в кино, –

это мучительное, до боли в животе нежелание, чтобы фильм заканчивался. Потрясением с отрицательным знаком был для меня момент когда в зале зажигался свет, зритель вставал и начинал выходить из зала. Почти всегда я выходил последним... часто зареванным.

Я давно смотрю на происходящее на экране или на сцене профессионально. Я давно забыл, что значит быть просто зрителем. Я знаю, как это делается, как создается «магия кино и театра». Я сам это делаю – это моя профессия...

С профессией я утратил что-то очень важное...

Довольно, довольно, милый мой! Ты все погубишь

этим вздрагиваньем...

Вымой руки. Надень ночное платье.

Почему ты такой бледный?

Повторяю тебе, Банко похоронили.

Он не может выйти из могилы.

«Не знаю, как бы это сделала Лариса, но то, что делает теперь Ирина с леди Макбет... ах ты, Господи, чуть «плюсанула», но уход отменный. К финалу близко, и мне как в детстве больно, что скоро все закончиться должно... до слез обидно. Я не хочу, чтобы спектакль заканчивался. Сейчас Макбет с Макдуфом... потом Макдуф с головой Макбета...»

Я не сдамся.

Перед Малькольмом землю целовать

И яростной толпы проклятья слушать?

Хотя Бирнам напал на Дунсинан

*И не рожден ты женщиной,
мой недруг,*

Мне хочется, свой щит отбросив прочь,

Пробиться напролом в бою с тобой,

И проклят будь, кто первый крикнет «Стой!»...

«Я не хочу!!! Нет, все-таки финал. Бетховен - это классно, хорошая кода. И, как ни печально, это – Конец!

Какая жалость! Какая вдруг пустота и выжженность внутри... и вместе с этим... Нет, все же Аристотель прав: катарсис - это очищение «посредством страха и сострадания». Быть может, второй раз в жизни я это испытал сегодня как зритель. В первый раз... какая разница... давно. На фильме «Прощание»... Ларисы Шепитько.

Из честолюбия, наверно, пожалел, что не теперь премьера и зал пустой...

Костя медленно «ввел» на тридцать процентов зал. Убрал со сцены свет, оставив только одну «пушку» на большом портрете Марка. В бельэтаже оставалось темно.

После большой паузы неподвижной тугой тишины, за кулисами чем-то грохнули, раздался смех, а совершенно будничным и даже как будто бы сонным голос Макса по громкой связи изрек:

– Пал Михалыч, на спектакле Занавес будем давать, или как?..

И даже эти звуки не нарушили то оцепенение, которое присутствовало в зрительном зале.

Еще секунд через двадцать из-за кулис на авансцену вышел Борис Парфенович Ежов. Подошел вплотную к рампе и из-под руки стал искать меня в зале.

– Павел Михайлович... э... нам переодеваться? Или сначала «разбор полетов»?.. Дальше молчать не имело смысла. Я достал носовой платок и вытер глаза.

«Да, да, да, что устались?.. Я что... не имею права на скупую мужскую слезу?»

Я поднялся с места, вернулся к режиссерскому столику и взял микрофон:

– Всем «службам» спасибо. Господ артистов прошу спуститься в зал... хотя... после пятиминутного... нет, все же двадцать минут на переодевание... а то ведьм наших застудим. Костя, дай полный свет и перекур. А после с Максом и Борисом тоже спускайтесь к нам. Светлана, не в службу... в кабинете...

– Павел Михайлович, извините, я сейчас поставлю чайник.

– Не спеши. Мне еще Галину Владимировну проводить надо...

Богатова даже подскочила с места:

– Значит, на кофе ты меня не приглашаешь?

– Если очень хочется услышать, как я матерюсь, оставайся.

– Напугал ежа... и, потом, я же не с пустыми руками сюда шла. Мне «отстегнули» натуральным продуктом, я по закону делиться должна. Это ты Надежду приручил, она -тебе в рот смотрит, а я все-таки твоё непосредственное начальство. Светочка, сумка моя...

– Галина Владимировна, я поставила ее в шкаф.

– Потроши быстренько.

– Бегу уже.

– Вот что, женщины, давайте пройдем в кабинет. Нехорошо если...

– Предупреждаю, спаивать тебя не собираюсь, но сама хочу пятьдесят капель успокоительных принять. Так что придется подчиниться, поддержать компанию. И, потом, просто грех не выпить за такой...

– Галя, мы договаривались, о спектакле...

– Да пошел ты! Иди сюда! Давай свои лопухи, я тебя обчмокать хочу. Спасибо, Пашенька! Сразил наповал. В жизни ничего лучшего не видела. Я как-то сомневалась... но теперь...

– Галя, что ты еще придумала?

– В пятницу здесь будет телеканал «Культура» и куча прессы.

– Ты соображаешь, что говоришь? У нас и так переаншлаг, в проходах мест не будет.

В этом месте директор театра, Александр Сергеевич, до этого сидевший в глубокой задумчивости, вдруг мечтательно, с глупой улыбкой, откинул голову назад и буквально выдохнул в потолок:

– И еще три зала проданы... по цене премьеры.

– Паша, ты меня поправь, если что, но премьерных спектаклей, Александр Сергеевич, как я знаю должно быть десять. Так что сможете вполне поправить материальное положение театра. Или я не права, Паша?

– Галя, ты права... только на пятом-шестом спектакле будет ползала. Потом еще меньше. Но это уже без меня.

– А это мы еще будем поглядеть! Все, пошли в твои апартаменты, я курить хочу.

Через двадцать минут я все-таки выпроводил Галину вместе с Александром Сергеевичем. А мы с Надеждой вернулись в зал и остановились в дверях в недоумении.

Я ожидал увидеть всю труппу в зале, но, вместо этого, все они стояли на сцене и о чем-то спорили. Как только мы вошли, разом замолчали и... я не понял, кто ими командовал, но они один за другим стали опускаться на колени. Последним, кряхтя, шутовски опустился Борис Парфенович. Опустился и жестом попросил меня подойти ближе. Я подумал было, что это какой-то розыгрыш актерский...

– Извиняйте, господа, рясу не успел накинуть. В чем дело? Что за... – только и успел я спросить, подойдя к первому ряду.

– Уважаемый Павел Михайлович, – начал вполне серьезно Ежов, – все мы как один бьем челом с просьбой к вам.

– Для просьбы можно было бы и не исполнять это натурально, но если вам так нравится, то... я слушаю.

– Слух прошел, что, несмотря на уговоры, вы собираетесь скоро нас покинуть.

– Не слух, а мое решение. Действительно, через пять дней я уеду.

– Мы умоляем вас остаться. Вы просто необходимы нашему театру. Не бросайте нас.

– Я, конечно, тронут таким вниманием... но все же, со своей стороны, прошу вас всех подняться с колен и пройти в зал. Это выглядит не совсем...

– Павел Михайлович...

– Борис Парфенович, я не кисейная барышня, чтобы меня уговаривать. В конце концов, это просто глупо. Пока я еще такой же член коллектива, как и все вы. И давайте, прежде всего, себя уважать... и друг друга тоже.

– Я же говорила, что этого делать не нужно, – сказала, поднимаясь с колен, Катерина Зайцева. – Конечно, со стороны это выглядит глупо и смешно. Товарищи, живее спускайтесь в зал, время уже позднее... верно, уже одиннадцать часов...

– Половина одиннадцатого, Екатерина Леонидовна.

– Все равно. Живее, человек вас просит.

Наконец все расселись на первых рядах и успокоились. Я сел на край сцены.

– Хотел вам много сказать по сегодняшнему прогону... вот ведь, сбили своей «просьбой». Постараюсь очень коротко...

Коньяк и кофе на пользу мне не пошли. Тот внутренний восторг, что был у меня сразу по

окончанию спектакля, не то что исчез совсем, но казался теперь неуместным.

– ...Основное – спектакль готов. Он уже живет своей собственной жизнью. Все, что от меня зависело для его рождения, я, в меру своих способностей, сделал. Теперь он ваш, и только ваш. От вас самих теперь зависит, будет ли он держаться на... черт возьми, вы сегодня играли... нет, хвалить не буду. Но если вы так будете держать его дальше, то это будет выше всех похвал. Запомните, что и как вы сегодня «вытворяли». Я понимаю, что это почти невозможно, но сегодняшний прогон должен стать для вас эталоном этого спектакля. Для прощания с Марком Яковлевичем это... он был сегодня меж вами на сцене. И останется с вами, пока спектакль будет идти...

«Господи, я же каждому хотел сказать что-нибудь хорошее, что-нибудь значительное...»

– А по поводу вашей просьбы... Дорогие мои... очень важно в этой жизни все делать вовремя – вовремя появляться и вовремя уходить. Я очень хорошо знаю театр и свое существование в нем. Уверяю вас, что уже в конце первого же сезона вы бы меня возненавидели лютой ненавистью. Поверьте, я не могу... и главное, не хочу задерживаться долго на одном месте. Мне необходимо уехать. Пусть уж лучше я останусь в вашей памяти одним этим спектаклем, за который мне не стыдно.

«Ну вот, не удержался, расслонявился».

– Спасибо вам всем за сотрудничество. Завтра генеральной репетиции не будет. Ни к чему лишний раз... отдохните два дня. Только не растеряйте, в пятницу премьеры. У меня все. Все свободны. Спокойной ночи.

Вы думаете, они все тут же закричали «Ура!» и разбежались? Счас! Как бы не так! Каждому хотелось получить свою порцию «критики» по сегодняшнему

спектаклю. Минут, этак, за двадцать пять я, кажется, оценил каждого.

Наконец в зале остались только я и Надежда, сидевшая как-то уж совсем тихо с краю первого ряда. Я же подошел к своему режиссерскому столику и стал собирать в папку теперь уже принадлежавшие архиву листочки, записки, пометки.

– Надя, а ты что не идешь домой? Поздно уже.

Она вздрогнула, будто очнувшись, и обернулась ко мне:

– За мной Слава должен в полночь зайти. У меня еще есть время посидеть.

– Ты сегодня такая тихая. Не допекаешь меня своими вопросами.

– Я еще не «отошла» после спектакля. Это было... пока не знаю, что и сказать.

– Тогда молчи.

– Скажи, Паша, тебе не грустно?

– Грустно? Работа закончена, о чем грустить...

– А мне вот грустно. Светло на душе и грустно...

– Мне это понятно...

Ту же грусть вы испытали, дорогой,

Что и я, создав роман когда-то...

Как циркач, прошедший по канату,

Или женщина, что родила.

Иль рыбак, уставший от весла.

Как любовник, после наслаждения.

Как боец, идущий из сраженья.

Как земля по виноградном сборе,

Как звезда, встречающая зори!

Было что-то здесь, что потрясает нас:

Радость бытия и смелость без прикрас.

Вот, примерно, такая грусть. За точность цитаты не ручаюсь, быть может, что и переврал...

– Что это было?

– Чешский поэт Незвал... не знаю, жив ли еще теперь.

– Еще ответь – отчего ты сбегаешь? От себя или...

– Сбегаю?.. Ты не права. Я просто «Пес, бегущий краем моря». Море большое, берег длинный. Побежит, побежит да и присядет. Потом снова бежит. Еще проще. Я бегун на очень короткие дистанции. Спринтер. Меня хватает выложиться на один спектакль, а потом мне нужно заняться чем-нибудь другим... нужен длительный отдых перед следующим забегом.

– И ты уже знаешь где, когда и, главное, с чем будет следующий забег?

– Предположительно, это будут «Братья Карамазовы»... только сейчас подумал, а где и когда... еще этого чеха...

Вновь надеяться и потерять покой,

Как искатель жемчуга морской

Как слепой поэт, нашедший путь к прозренью,

И как мать, блуждающая тенью,

Над могилами детей в бреду.

Как скиталец, ищущий звезду.

Как курильщик в наркотическом тумане.

И как Агасфер, уставший от скитания.

Как преступник в день последней муки,

Как ребенок, ждущий птицу в руки...

– Вот, примерно так все это и должно произойти. Только очень, очень, очень прозаично.

– Хорошо. Но все же, почему вдруг «Братья»?

– Дожив до тридцати пяти... я задал себе вопрос. Зачем? Зачем все это?

– Это - что?

– «Весь мир – театр». Фраза из общих мест, но мне вдруг показалось, что люди в нем не актеры, не

творцы. Так, хорошие... и не очень, но все же статисты, марионетки. Я тоже таков. И где-то должен быть главный кукловод... или ну очень гениальный режиссер, который ставит спектакль для себя лишь одного.

– Хотел сказать ты, Бог?

– Как хочешь, так и назови, множество имен и ни одно не выражает в полной мере. И я вдруг захотел...

– Стать Богом?

– Нет, только лишь понять. Понять идею... сверхзадачу этого спектакля.

– Но при чем тут Федор Михайлович?

– Мне кажется, что он всю жизнь только одним этим и занимался – богоискательством. По-моему, так и не нашел, но в «Братьях» был от открытия на волоске. Я это дело хочу... в силу своей испорченности временем, продолжить. Все Карамазовы, да и не одни они, в романе ищут Бога и, черт возьми, находят, каждый своего. Понятно, не дописанный роман, как говорят литературоведы... вторя философам. Я хочу роман сей дописать, как сумею, конечно.

– Эпохально.

– По этой реплике я вижу, что напрасно, зря тебе все это выдал. Ты мне вот чего скажи... спрашиваю из праздного любопытства: что ты намерена писать о присутствующей здесь особе? Ведь, верно, есть уже посылы?

– Можно мне на сцену подняться?

– Нельзя непосвященным. Но если очень хочется – благословляю.

Надежда встала и как-то неловко, боком, поднялась на сцену.

– Паша, ты сядь. Не маячь перед глазами. Ты думаешь, легко импровизировать с ходу?

– Не думаю, а знаю – нелегко вначале только. Потом... я слушаю. Валяй.

– Я долго искала образ для сравнения. И, кажется, нашла. Хочу тебя с рекой сравнить.

– Ну, ты даешь.

– Заткнись и слушай, если напросился.

– Уже заткнулся.

– Ты – Река. Не прямая, но и без извилин мелких. Довольно большая, спокойная и мощная Река. Характер, норы, всего себя выплескиваешь лишь в узине. И узин... или порогов, ущелий разных ищешь. Хотя в том и не отдаешь себе отчет. Они тебе необходимы просто до забвения, чтобы потом попасть на глубину широкого разлива, там замереть и затаиться. Налиться силой и вновь искать преграду...

– Скажи еще – в осадок выпасть...

– И в осадке этом, на дне, на ощупь обнаружить самородок благородного металла, чтобы потом неистово дробить его о скалы...

– Мне кажется, моя Надежда завралась – то нимф речных удел. Я же не таков. Я грубее, циничнее, подлее даже и...

– Не продолжай! В ответ на твои «янь», «инь» и «М», «Ж». По сути своей Человек амбивалентен. От миссианства до идеала Содомы, все в нем есть. Все дело в широте и глубине, в амбивалентности. Все дело в маятнике меж тем и этим, куда качнет сильнее, чтобы потом пойти с не меньшей силой обратно. Все эти твои самооговоры, в которых много правды, – это мусор, несомый с грязных берегов. Вода все принимает и на своей поверхности несет, не смешиваясь с ним...

– Так, голубочки, попались! Воркуем или занимаемся художественной самодеятельностью?

Сократ, то бишь муж Надежды, Славка, как положено в плохой пьесе, появился в центральном проходе неожиданно, и тут же шумно рухнул на крайнее место последнего ряда.

– ...Надя, ты домой собираешься?

Надежда даже бровью не повела:

– Милый, ты мешаешь моей творческой работе. У меня назревает эпохальный материал, такой грандиозный очерк, о котором любой корреспондент только может мечтать, а тебе бы только набить свой желудок и заниматься маленькими семейными радостями в виде просмотра очередного боевика по «ящику».

– Не только.

– Об остальном мы умолчим. Не будем возбуждать нездоровый интерес у моего интервьюера. Он, по крайней мере, эти несколько дней, что я интересуюсь его жизнью, профессионально обходится без женской ласки, сублимируя ее в творческую энергию. Сегодня меня, по крайней мере, до катарсиса довел. До сих пор мурашки по коже на спине, и грусть, и радость и...

– Привет, Михалыч! Моя очень умная супруга тебе еще не надоела?

– А тебе, Сократ? А то только скажи, у меня где-то бутылка с цикутой пылится... может, поискать? Ты ее не стоишь.

– Мужики, вы что это? Я – неделимое целое. И к тому же свободная творческая личность. Не надо меня ни делить, ни бороться за меня. Я свой выбор сделала пять лет назад и пока не жалею. Среди ментов, как это ни странно в наше время, попадаются очень приличные особи.

– Все, ребята, проваливайте. И мне почему-то так кажется, что завтра и послезавтра Надежда должна взять отгул и посвятить его большим и маленьким домашним радостям. Я же хочу отоспаться и в омут погрузиться с головой.

– Паша, наш уговор не окончен. Он заканчивается в пятницу вечером.

– Сократ, убеди свою супругу, что присутствовать при сне или запое режиссера, что почти одно и то же,

особой необходимости нет. А я хочу посвятить этому делу сорок восемь часов.

– Михалыч, есть другая идея. Завтра мы запрягаем лошаденку – Чапая, и едем за город, на пленер.

– По такой-то погоде? И, потом, лошадка та...

– Была в ремонте, подковалась и скушала овса не в меру. Завтра я вам обещаю осколок лета бабьего. Солнце, свежий воздух, все золото осени и приличный пикник с костерком, шашлыками и... ну, и всем остальным.

– Поверим твоему мужику, Надежда?

– Я с вами, ребятки не поеду.

– А мы тебя и не приглашаем, между прочим. Творческая личность должна творить, а не... как это... дымом костра все краски осени на палитре прозрачности неба смешивать...

– Сам что ли? С каких пор ты стал поэтом? Но ты так это вкусно выразил, хотя и абсурдно... в общем, я еду с вами, уболтал.

– Что и требовалось доказать. Михалыч, в следствии это называется «идти от обратного» или «от противного».

– В режиссуре тоже.

Я жду.

Я сижу в кабинете Марка, зарывшись в кресло. Конец сентября, темнеет рано, но я не зажигаю свет. Уже минут пятнадцать, как прозвенел третий звонок и начался спектакль. Я слышу его из приглушенного динамика. Были несколько хлопков в самом начале – это, понятно, схавали «полет». Потом пару раз был слышен чей-то кашель... теперь совсем тихо стало в зале.

Я жду.

Кожаное кресло подо мной, кажется, плавится от ожидания, а сам я будто окаменел и весь превратился в слух. Я слышу не только то, что происходит на сцене и в зале, я слышу, как мне кажется, всю Вселенную. Наверное, еще месяц назад я сильно бы удивился, если бы посмотрел на себя сегодняшнего со стороны.

Я жду.

И это я. Я – математически умеющий разложить на составляющие любую эмоцию, любое человеческое желание. Без особых усилий выстраивающий любой конфликт на сцене... и переносящий это умение в свою собственную жизнь. Я – умеющий достучаться и вытащить из актера то, о наличии чего в себе он, может быть, и не подозревал. И очень давно не верящий в чистоту помыслов.

Я жду.

Я жду... и лихорадочно вспоминаю разные строчки. Но ничего приличного вспомнить не могу. Не могу вспомнить и только машинально за актерами на сцене повторяю Шекспира.

*Я дьяволу, врагу людского рода,
Свое спасенье продал для того,
Что после царствовали внуки Банко!
Нет, выходи, поборемся, судьба,
Не на живот, а на смерть! Кто там?*

Я жду!

Алёна Чубарова

Когда вопросов больше, чем ответов; когда сны объемнее реальности; когда всё придуманное вдруг оживает и становится судьбой, разве можно при этом не стать писателем или актрисой? А если и тем, и другим, да ещё и режиссёром... и при этом оставаться женщиной? Признаюсь честно – тяжело. Но этот выбор был сделан будто не мной, а если и мной, то задолго до рождения.

На сегодня издано шесть сборников стихов, пять сборников пьес, состоялось множество публикаций, спектаклей, выступлений... Но и сейчас, как много-много лет назад, когда впервые решила прочесть написанное вслух, ощущение, что самого главного ещё не сказала! А может, Самое Главное и невозможно ни написать, ни поставить, ни сыграть?.. Главное всегда останется между строк: в слезах, скрытых за улыбкой; в слабости, спрятанной за уверенностью; в бесконечном «прости и помилуй», растворённом в суетливых буднях.

Люблю людей и тишину. Но людям не свойственно молчать, а тишине не хватает человечности...

Наверное, поэтому в пьесах так люблю волшебное слово «пауза».

Чисто женская история

Хроника одной семьи

Действующие лица:

Смирнова Анна Дмитриевна, чаще
упоминаемая как **Мать**

Её дети в порядке старшинства:

Александр

Мария

Катерина

Ольга

Дарья

Женщина

Голоса внушек

Голос Леши

Голос Бори

Старушечьи голоса

В Первом действии матери – лет 40-45. Саше – 22, Маше – 20, Кате – 18, Оле – 17, Даше – 14. Время действия – начало семидесятых прошлого (XX-ого) века. Между действиями проходит примерно по пять лет. Действие последней сцены – в конце девяностых.

ДЕЙСТВИЕ 1

Вечер. Две девушки плачут на скамейке у подъезда.

ОЛЯ. Сашенька! Ну, я же не виновата. Ну, сестрёнка... Если бы мы были двойняшками, то ты могла бы вместо меня учиться...

САША *(сквозь слезы)*. Я шесть лет подряд поступаю... Шесть лет... А ты с первого раза. И совсем не готовилась...

ОЛЯ. Ну хочешь, я заберу документы, и мы на следующий год опять пойдем вместе. Да мне вообще все равно в какой институт...

САША *(не слушая сестру, в истерике)*. Неужели я такая бездарная?

ОЛЯ. Ты?! Саша, да ты самая талантливая! Эти экзаменаторы – дураки, идиоты, слепцы... Ты же великая актриса уже сейчас, тебе даже учиться не надо!

САША. Я со школы мечтала, с первого класса...

ОЛЯ. С детского сада. Да! С ясельной группы! Я помню...

САША. Да ничего ты не помнишь, ты тогда еще не родилась!

ОЛЯ. Саш, пойдём домой, там мама волнуется.

САША *(обреченно)*. Ты иди. Я здесь останусь.

ОЛЯ. Ну, давай только зайдём на минутку, маме покажемся, возьмём по бутерброду и обратно...

САША. Ты ещё можешь говорить о бутербродах?.. Я умереть хочу, понимаешь, умереть... А ты – о бутербродах... Иди, кушай масло с хлебом, играй на сцене...*(Снова рыдает.)* Вместо... Вместо... Вместо меня...

ОЛЯ. Саша!

САША. И в кино, и в театре, и всё-всё-всё, о чём я мечтала... Все ты! А я... А я... Поеду на север, на какую-нибудь комсомольскую стройку, и замёрзну там, в тундре.

ОЛЯ. Саша! Ну не плачь. Я завтра же, слышишь, завтра же заберу документы! Завтра утром. И мы вместе поедem в тундру и вместе там замерзнем...

САША. Нет, я одна поеду в тундру!

Из подъезда выбегает Катя; чуть не пробежав мимо сестёр, тормозит с разбегу.

КАТЯ. Сеструхи! Поздравляю! Я в булочную за тортом! Свершилось!!!

ОЛЯ. Что свершилось? Катька! Ты с ума сошла...

КАТЯ. Свершилось! Мы с вами – тётки! Витя звонил из роддома. Наша Машка родила. Вес 3 600, рост 51, девочка...

ОЛЯ. Так ей же ещё рано...

КАТЯ. А она у нас ударница, пятилетку досрочно... Я за тортом!

(Катя убегает. Оля затаскивает заплаканную Сашу домой.)

Комната Смирновых. Анна Дмитриевна спешно накрывает на стол. Ей помогает Даша. Бутерброды. Полбутылки вина. Вбегают Оля и Саша.

ОЛЯ *(подбегает, целует мать)*. Мама! Ты стала бабушкой!

МАТЬ *(и рада, и расстроена)*. Так хотела мальчика... Сыновей Бог не дал, так хоть думала, внук будет. И опять – девка...

ДАША. Я лично не понимаю, что в этих мальчишках хорошего... И вообще, женщина – существо высшего порядка, в то время как мужчина – цивилизованное животное, и это в лучшем случае.

ОЛЯ *(прыскает от смеха)*. Где ты это вычитала?

МАТЬ. Кто в артистки, кто в феминистки...

ДАША. Да! Я записалась в кружок юных феминисток...

ОЛЯ. Что-что?

ДАША. При клубе имени 8 Марта.

МАТЬ. А по физике двойка.

ОЛЯ. Mam, ты что, правда, так сильно расстроилась, что у Маши девочка?..

Мать тихо плачет. Достает таблетку под язык.

ОЛЯ. Mamочка! Ну что ты, мама... Мы с Сашкой тебе сыновей нарожаем... Правда, Саш? *(Саша горько усмехается. Мать плачет громче)*. Mam, ты что? Ну хочешь, я прямо завтра забеременею, чтобы тебе внука быстрее...

МАТЬ. Витя сказал, что крестить ребенка ни за что не позволит. Что он без пяти минут член партии, и церковное мрако... мракобесие противоречит его идейным убеждениям.

ОЛЯ. А-а. Так это понятно... И ты из за этого так расстроилась? Да кто его спрашивать будет, тайком окрестим – и все дела.

ДАША. У этого Вити по научному атеизму пятерка, а все контрольные по ихнему сопромату Машка за двоих писала!

Вбегают Катя с тортом, Мать вытирает слезы, немного успокаивается. Постепенно усаживаются за стол.

КАТЯ. Твой любимый, мам, Наполеон... А интересно, как они назовут нашу племянку? Столько имен красивых по дороге придумала: Жозефина, Беатриче, Гертруда, Эсмеральда...

ДАША. А мне очень нравится Ирина. Как Роднина... Вырастет – фигуристкой будет.

ОЛЯ. Лучше Наташа. Как у Толстого.

МАТЬ. Сашенька, а ты что молчишь? Иди к столу.

САША (*совершенно убитым голосом*). А я тебя сейчас очень обрадую.

МАТЬ. Как-то ты грустно говоришь о радости.

САША Ты ведь не хотела, чтобы я стала актрисой, да?

МАТЬ. Ну да, мне кажется, что это не самая лучшая профессия. Но это только мое мнение, и я его не навязывала...

САША. А я мечтала о театре с детства. И шесть лет упорно поступала в театральный. За это время могла бы уже закончить какой-нибудь другой... А я была верна своей мечте...

ДАША (*восхищенно*). Как ты красиво говоришь, Сашка, будто по книжке читаешь.

ОЛЯ. Тихо, ты.

САША. Сегодня со мной произошло очень серьезное событие. В тот самый момент, когда я твердо решила умереть...

МАТЬ. Господи Иисусе!

САША. Именно в тот самый момент Катя сообщила, что у нас родилась племянница. Не знаю... Наверное, если бы Катя выбежала из подъезда чуть раньше или чуть позже, может быть, ничего бы и не случилось... Но именно в тот момент... Я поняла, что умру не я, а только моя детская мечта. Я и не думала, что хоронить мечту... так больно.

КАТЯ. Ну, Сашка, такой монолог!!! А я-то, я какая молодец, что вовремя выбежала.

ОЛЯ. Заткнись, Катька! Саш, я завтра же заберу документы. Ты меня прости, я завтра же... Мне ведь совсем не нужно...

Телефонный звонок.

МАТЬ. Алло, кто это? Ты?.. Да, спасибо. А как ты узнал?.. Спасибо. Нет, я сейчас не могу. Мы с девочками отмечаем как раз это событие. (*Сёстры переглядываются*).

Ну хорошо, на пять минут. Да, на углу. (*Кладёт трубку. Дочерям*).

Один знакомый, сослуживец. У него тёща работает в том самом роддоме. Хочет поздравить меня с внучкой...

ДАША. Да иди, мам. Ладно, не комплексуй. Знакомый – это современно.

КАТЯ. Приводи сюда своего знакомого. Мы ему торта дадим.

ОЛЯ. Тебя проводить?

МАТЬ. Нет-нет. Что ты. Я ненадолго. Это близко... Сашенька, а твоей новости я действительно рада. Мы позже об этом поговорим.

Уходит.

ДАША. Вот это да! Маман пошла на свидание!..

ОЛЯ. С чего ты взяла?

ДАША. Ты что, не заметила, как у нее глаза заблестели?

САША. Как тебе не стыдно! Эх, Дашка, Дашка... Пойду еще чайник поставлю.

Уходит.

КАТЯ. А я, честно говоря, Машку не понимаю.

ОЛЯ. В каком смысле?

КАТЯ. Выскочила замуж за нищего студента. Живут в общежитии, а счастья полные штаны...

ОЛЯ. Так она же его любит!

КАТЯ. Любить можно любовников. А мужа надо выбирать с умом.

ОЛЯ. А помнишь, как ты убивалась по своему Лешке?

КАТЯ. Скажешь тоже, убивалась...

ОЛЯ. ...Который сначала с тобой гулял. А потом с Нинкой из 8 «Б».

КАТЯ. Это когда было! Я тогда была молодая и глупая, вот как сейчас Дашка.

ДАША. А я вообще с мальчишками не вожусь, я феминистка!

КАТЯ. К тому же Леша Нинку бросил, а меня опять в кино звал, только я не пошла.

ОЛЯ. Ну и кого же ты будешь выбирать с умом?

КАТЯ. А я уже выбрала.

ДАША. Ой?!

ОЛЯ. М-да?..

КАТЯ. М-да. Так что я тоже, наверное, скоро замуж пойду.

ОЛЯ. За кого?

ДАША. Ну, говори!

КАТЯ. За одного очень солидного человека.

ОЛЯ. Ну, не томи, кто он?

ДАША. Ну, говори же!

КАТЯ. Я когда на практике в больнице работала, времени даром не теряла, со всеми хирургами познакомилась.

ДАША. Ой!

КАТЯ. Бери выше: зав. отделением, профессор – Сергей Михалыч.

ОЛЯ. Так он же, наверное, старик?

КАТЯ. Ну, ему, конечно, не 20 лет и даже не 25... Но он вполне еще ничего. И главное, холост. При его положении это большая редкость.

ОЛЯ. А он в тебя уже влюбился, да?

КАТЯ. Пока нет, но это вопрос времени.

Телефонный звонок.

ДАША. Але... Кать. Тебя... Может, Сергей Михалыч...

КАТЯ. Почему бы и нет. *(В телефон.)* Да... А... Привет, Лёшенька!.. Я с тобой в кино... *(Подмигивает сестрам.)* не пойду. Не-а, не пой-ду. Вчера говорила, что пойду. А сегодня передумала. Пока. *(Кладет трубку. Победоносно.)* Я же говорила, что Нинку он давно бросил.

САША *(возвращается из кухни с чайником)*. Хорошо, что мама не слышит всех этих гнусностей о браке по расчёту.

Звонок в дверь. Даша бежит открывать, возвращается с матерью. У той букет цветов и глаза на мокром месте.

МАТЬ. Ключи забыла.

ДАША *(ехидно)*. Мам, а Катька у нас...

КАТЯ *(меняя тему)*. Цветы надо в вазу!

САША. Чайник горячий, и торт еще есть.

ОЛЯ. Давайте, наконец, выпьем за новорожденную!

МАТЬ. Девочки мои! Если бы вы знали. Как я вас люблю... Вы себе даже не представляете...

ДЕЙСТВИЕ 2

Квартира Смирновых. Та же комната, что и пять лет назад. Обстановка стала несколько богаче... Катерина у зеркала, её наряжают в невесты. Часть наряда на вешалке. Маша гладит нижнюю юбку. Оля делает причёску невесте. Даша рисует сестру с натуры. Посреди комнаты – нарядная и печальная мать. Сестры весело щебечут.

МАТЬ. Ведь не любишь ты его, Катерина, совсем не любишь.

КАТЯ. Зато он меня очень любит.

МАША *(сглаживая конфликт)*. Сергей Михалыч очень добрый. Они когда с Катей к нам в гости приходили, он Леночке куклу подарил и конфет. И билет на Кремлёвскую ёлку достал.

МАТЬ. Грех это, Катя, грех.

ОЛЯ. А раньше, до революции, все без любви выходили. Кого родители подберут, тот и жених.

МАША. Сергей Михалыч и венчаться согласен. У Катюши будет все как положено.

МАТЬ. А вчера вечером, Катюша, ты ведь не к Люсе ходила, а к Леше... Это накануне-то свадьбы... Грех это.

КАТЯ (*резко*). Ну ходила, да. Попрощаться ходила. Больше не пойду.

ДАША (*рисует*). Не дергайся, Катька. Ты ракурс меняешь. Сиди смирно.

МАША. А Леночка вчера весь день репетировала, как она тёте Кате фату будет нести. Они с Витей скоро подойдут.

МАТЬ. Катюша, одумайся, еще не поздно. Ты ведь не за человека замуж сейчас идешь, а за квартиру его...

КАТЯ. Хватит! Мы не на партсобрании! Морали мне читать не надо. Другая бы мать радовалась, что хоть одна дочь из пятерых с головой на плечах...

ОЛЯ (*закалывает шпильки*). Не вертись, уколю.

МАША. Как только появится ребеночек, всё встанет на свои места. С таким мужем, как Сергей Михалыч, можно хоть семерых рожать. Он Леночке моей куклу и конфет. И билет на ёлку...

КАТЯ. Mam, ну не смотри на меня так! Ну не смотри...

Пауза.

МАТЬ. Я буду у тети Вали, у соседки, позовёте, когда приедут.

Мать уходит.

МАША. А Леночка эту куклу так любит, ну, которую Сергей Михалыч подарил... Так любит... Это её самая любимая кукла...

КАТЯ. Помолчи, Маша.

Некоторое время все молчат. Телефонный звонок.

ОЛЯ. Алло... (*Шепотом.*) Это Лёша...

Катя вскакивает, затем передумывает, отрицательно мотает головой

Она не может подойти. Совсем... Её вообще нет, она в парикмахерскую ушла... Да, правда! Если придёт, передам...

Кладёт трубку.

Пауза.

ДАША (*заканчивает рисунок*). Ну, вот вроде что-то получилось.

Все рассматривают.

ОЛЯ. Ой, как похоже!

МАША. Где ты так рисовать научилась?

ДАША. Я только собираюсь учиться.

МАША. А как же твой юридический?

ДАША. Прошла любовь, завяли помидоры. Я сейчас в профиль попробую. (*Устраивается рисовать на новом месте.*)

ОЛЯ. Дашка у нас как колобок. Катится из одного института в другой...

Звонок в дверь. Оля идёт к двери.

КАТЯ. Если это Лёшка – не пускать!!! (*Мечется по комнате.*) Его непустишь, попробуй... Ворвётся... Ой, мамочки, что же делать?.. Я прячусь в шкаф. А вы говорите, что уже уехала в ЗАГС... Нет, не в шкаф, я в этом платье не влезу... На балкон... Найдёт...

Возвращается Оля.

ОЛЯ. Это телеграмма. От Саши.

КАТЯ. Телеграмма?.. (*Смеется.*) Телеграмма... (*Облегченно вздыхает.*) А я-то... Я... А что я так перепугалась... Просто нервы... Читай.

ОЛЯ (*читает*). Поздравляю днём свадьбы тчк. Горячий северный привет молодожёнам воскл. знак. Старшая сестра.

МАША. По правилам старшая сестра должна первая замуж выходить. А мы её не дождались.

ДАША (*нафосно*). Бедная Саша!

МАША. Она, между прочим, деньги матери каждый месяц присылает, а ты...

ДАША. Дармоедка, нахлебница, охламонка без царя в голове. Знаю. Мне уже сообщили. Зато, когда мои картины будут за бешеные деньги продаваться, я куплю вам с Витей кооператив, и ты сможешь еще кучу детей нарожать.

Телефонный звонок.

ОЛЯ. Алло... Лёша?.. Ты был в парикмахерской, её там нет?.. Ну, наверное, она в другую пошла... А-а... В третью... Ты же все парикмахерские в городе не обошёл... Сюда?.. *(Катя отчаянно мотает головой.)* Нет, что ты! Сюда она не вернётся. Сразу в ЗАГС. Да!.. В какой?.. *(Катя делает разные знаки.)* ...Нет, не в районный, и вообще, не в городе. Они где-то в области расписываются. У жениха там дача, и... Да нет, Леш. Я не вру... Леша! Леш... Положил трубку.

Пауза.

КАТЯ. Так. Сеструхи, надо что-то придумывать. Если он с Сергеем встретится, это будет – туши свет... Он же сумасшедший, он на всё способен...

ОЛЯ. Он тебя так сильно любит?!

КАТЯ *(и со страхом, и с гордостью)*. Он обещал Сергею голову свернуть. А меня украсть.

МАША. Вот это любовь!..

КАТЯ. Только мне этих глупостей не надо! Приятно – да. Но – не надо. Ну, придумайте же что-нибудь... Сеструхи!

ДАША. Кайф. Как в кино... Ладно, пойду из подъездных старушек оборону организую. А ты марафет быстрее заканчивай.

Уходит.

МАША *(вдруг плачет)*. Ой, Катька... То ли завидовать тебе. То ли жалеть тебя...

ОЛЯ. Не плачь. Косметику размажешь. *(Тоже начинает плакать.)*

МАША. Ой, забыла. Я же редко крашусь... Тушь потекла? Да?

КАТЯ *(Оле)*. И у этой глаза на мокром месте! Вы что... С ума посходили... Ну, не хороните же вы меня... Олька, перестань!

ОЛЯ *(плачет)*. А я... Кать... А мне... Мне преподаватель наш по сценречи, знаешь, как нравится...

КАТЯ. Ну и хорошо, что нравится.

ОЛЯ. А у него жена...

КАТЯ. Не стенка – отодвинем.

ОЛЯ. Дети...

КАТЯ. Оленька, милая! Мы решим твою проблему. Только не сейчас, ладно?

ОЛЯ. Он в институте останется. А меня распределят в Тмутаракань, в крохотный театрик в каком-нибудь Урюпинске... ..Он обо мне и не вспомнит.

КАТЯ. Чтобы тебя распределили, куда ты хочешь, сейчас нужно, чтобы дурак Лёшка не помешал мне выйти замуж за Сергея Михалыча. Поняла?

ОЛЯ. Так Сергей Михалыч в больнице работает, а не в театре.

КАТЯ. Зато все, кто работает в театре, в больнице лечатся... Теперь поняла?

ОЛЯ. Поняла.

КАТЯ. Так. Платки достали. Глаза вытерли. Слушать сюда. Я сейчас спрячусь у тёти Вали. Лёшка сюда придёт, будет меня искать. Вы незаметно выйдете и закроете его на ключ с той стороны. Поняли?.. Рёвы-коровы!

Вбегает Даша.

ДАША. Идёт! Бабульки продержаться минуты три... Что будем делать? Строим баррикаду?

КАТЯ. Я к тёте Вале... Где ключи? Главное – закрыть его внутри!

Шум на лестнице, стуки в дверь.

ДАША. Эх, бабули не устояли...

Звонки, стуки в дверь. Грохот.

ОЛЯ. Он ведь дверь выломает...

МАША. Может, милицию вызвать....

КАТЯ. Не надо. Милицию не надо. Лёшка мне еще пригодится. Но сейчас его надо обезвредить. Думай, голова, думай... *(Набирает телефонный номер.)* Алло, Боря? Боря, это Катя. Боречка, как

хорошо, что ты дома, мне очень нужна твоя помощь. Тут один парень к нам ломится, нужно его слегка нокаутировать... Не сильно, но чтобы до завтра не встал... Очень нужно... Срочно! Я в долгу не останусь. Срочно!.. Да, пятый этаж. Жду.

За дверями шум возрастает. Разные голоса. Среди них мужской.

ГОЛОС. Катя! Ты дома, я знаю, открой!.. Катюха, это я, ну, открой!

МАША (у окна, кричит в форточку). Витя! Витя! Леночка! Ждите у подъезда!

ГОЛОС. Катя! Открой! Открой, хуже будет! Катя!

МАША. Здесь на лестнице один пьяный хулиган, ждите внизу. Слышите...

ГОЛОС. Да пустите меня! Чтоб вас...

МАША. Витя! Не ходи! Ты драться не умеешь! Леночка, не пускай папу!

ДАША. А вон и машины свадебные едут... Ну, если твой Боря не подрастет, будет еще то кино... Не мелодрама. А боевик...

ОЛЯ. Тише, вы.

ГОЛОС БОРИ (из-за двери). Что, браток, хулиганишь? Нехорошо. (Звук удара, затем звук падающего тела.) Как было заказано – нокаут.

Звонок в дверь. Катя бросается в прихожую.

ОЛЯ. Господи! Что ж это делается-то...

МАША. Только бы Леночка не увидела... Она же испугается... Ой... Леночка испугается...

ОЛЯ. Можно ей сказать, что дядя спит.

ДАША. Без паники. Нокаут – это не смерть. Полежит и встанет, я по телевизору видела...

За окном позывные свадебных машин. Веселые голоса.

ДЕЙСТВИЕ 3

Ещё пять лет спустя. Та же комната. Новогодняя ёлка. На стенах висят картины Даши. Катя на последних месяцах беременности, у телефона. Маша шьет детское белье. По одежде сестёр сразу видна разница в их достатке.

КАТЯ (по телефону). Очередной победы на соревнованиях! Не посрами советский спорт! И не забудь привезти мне подарок! А как же?.. Ну, пока, моя радость. И тебя, Боренька. С наступающим. (Кладёт трубку.)

МАША. Ой, Катя, доиграешься...

КАТЯ. Не каркай. (Снова набирает телефонный номер.)

МАША. А я вот даже представить себе не могу, что у меня, кроме Вити, еще кто-то есть.

КАТЯ. Ты всегда отличалась недостатком воображения, так сказать, творческой фантазии. (По телефону.) Лёша, это я... Я сейчас у мамы. Пойду домой – тебе позвоню. Сможешь меня проводить?.. Что?.. Подарок?.. А какой... Ладно, потерплю. Хорошо. Хорошо... Пока. Перезвоню.

Пауза. Катя разминает спину.

МАША. А Настя у тебя с кем? С Сергеем Михалычем?

КАТЯ. С няней. Серёжу опять на операцию вызвали. Без него ну ничего не могут. Вся больница на нём. И ещё аспирантов навесили от кафедры.

МАША. С няней... (Вздыхает.) Что-то мама задерживается. Наверное, я её не дожжду. Леночка просила не задерживаться. (Заканчивает шитьё.) Вот, это подарок от нас.

Катя рассматривает чепчик, распашонку и штанишки.

КАТЯ. Рукодельница ты наша. Только ведь это всё купить можно.

МАША (*смущённо*). А спитое – оно теплее.

КАТЯ. У меня для вас тоже подарки. (*Из большой сумки достаёт коробки конфет, банки икры, батоны колбасы, бутылки шампанского.*) Это – маме с Дашей. Это – вам. Это – маме. Это – вам. (*Достаёт набор кукольной мебели.*) А это – Леночке. Лично от Сергея.

МАША (*чуть не плача*). Ой, Катя... Катя... Господи...

КАТЯ (*смеется*). Ну, накажет меня Бог, или как?

МАША. Спасибо тебе, но...

КАТЯ. Какие ещё но?..

Робкий звонок в дверь.

Ну, вот и мама.

Идёт открывать. Маша с восторгом разглядывает подарки. Из прихожей радостный визг.

Ой! Вот это сюрприз!!! Сеструха! Машка, Саша приехала! Ни писем, ни звонков, мать вся извелась. Ехать хотели на поиски...

Вводит Сашу с чемоданом. Саша сильно постарела, вид усталый, больной.

МАША (*бросаясь к сестре*). Вот счастье-то! К Новому году! Вот мама обрадуется! Ты на праздники?

КАТЯ. Сейчас шампанское откроем! Как здорово, что ты приехала!

САША. В твоём положении нельзя так волноваться.

КАТЯ. В моем положении можно все, что хочется, а мне хочется выпить шампанского за твой приезд!

МАША (*робко*). Сашенька, ты больна?

САША. Устала с дороги.

КАТЯ. Умыться надо. Привести себя в порядок. Ну конечно. (*Провожает сестру в ванную.*)

Звук опирающейся двери.

ГОЛОС МАТЕРИ. Ну и мороз... (*Входит мать, видит застывшую посреди комнаты Машу.*)

МАТЬ. Что-нибудь случилось?

МАША. Сюрприз.

МАТЬ. Катя родила? Кто? Мальчик?... Ну, не томи!

ГОЛОС КАТИ. Я ещё не родила.

МАТЬ. Оля с гастролей вернулась?

МАША. Вернулась. Но не Оля! Ты, мама, сядь, чтобы не упасть.

Маша усаживает мать. Катя вводит Сашу. Пауза.

МАТЬ. Что же они с тобой сделали?..

МАША. Она с дороги... Устала...

САША. Ничего, мама. Теперь уже всё хорошо.

Бросается к матери. Обе плачут.

МАТЬ. Почему ты перестала писать?

САША. Ничего, теперь уже всё хорошо.

МАТЬ. Я посылала запросы, телеграммы.

САША. Всё хорошо, мама.

МАТЬ. Я уже самое страшное думала...

САША. Теперь уже всё хорошо.

Катя и Маша переглядываются.

КАТЯ. А поехали все ко мне? Возьмём такси, заедем за Витей и Леночкой...

МАТЬ (*Саше*). Бедная моя девочка.

МАША. Такси дорого. Зачем... Я позвоню, они к остановке подойдут...

САША (*матери*). Всё хорошо. Всё будет хорошо.

КАТЯ. Сашка ведь Настю совсем крошечную видела. А у нас дома такая огромная ёлка!

МАТЬ (*Саше*). Что они с тобой сделали?

САША. А где Оля, Даша? Как они?

МАША. У Оленьки всё хорошо. Она главные роли играет. У них режиссёр такой талантливый! Они сейчас на гастроли уехали, кажется, в Омск или в Томск... Ой, Саш, я забыла, что ты...

САША. Теперь это не имеет никакого значения. Я рада за Ольку. Правда рада.

КАТЯ. А Даша пошла Новый год встречать к своим художникам. Она у нас теперь – Рафаэль. Правда, иногда...

МАТЬ. А замуж не хочет. Говорит, в кабалу влезть всегда успею.

САША. Дашка, Дашка...

МАТЬ. Что же я сижу? Надо на стол накрывать. *(Идёт на кухню.)*

КАТЯ. Так мы к нам не едем, что ли?.. Ну и как хотите. *(Пауза.)* Саш, а что с тобой все-таки случилось, а?

САША. Долгая история. Как-нибудь потом.

КАТЯ. Что-то политическое, да?

МАША. Тебе сказали потом - значит потом.

КАТЯ. А может, уголовное?

МАША. А у меня карточка есть, где Лена и Настя в зоопарке. Сейчас найду. Вот, смотри, какие взрослые.

САША *(рассматривает фотографию)*. Ну, Леночка вылитый Витя. А Настя не пойму на кого похожа. И на тебя не очень, и на Сергей Михалыча вроде...

КАТЯ. На Лёшку она похожа. На Лёшку из 8-ого «Б»...

Пауза. Длинный звонок в дверь.

МАША. Это ещё кто? Может, Оля сорвалась. Вот было б здорово!

Идёт открывать. Шум, голоса. Вваливается пьяная Даша.

ДАША. Ничего они не понимают в живописи, тупорылые индюки... Тиранозавры хреновы... Ма-ма! Я их ненавижу!!!

Застывает напротив Саши. Мать входит с подносом.

САША. Дарья?

ДАША. Ну Дарья! А это что за привидение?

МАША. Это Саша вернулась.

ДАША. Её надо нарисовать! Она похожа на тень отца Гамлета. А если в профиль, то на японскую икебану! *(Хохочет.)* Надо выпить за твоё возвращение. Выпить! Всем выпить!.. *(Саше.)* Ты надолго?

САША. Насовсем.

ДАША. Ну и ладно. Пусть. С нами жить будешь. Правда, Машка надеялась, что я выйду замуж, и она сюда Ленку сбавит, а сама ещё родит. Ей страсть как рожать охота, а жилплощадь не позволяет.

МАТЬ. Даша! Если выпила лишнего – иди спать.

КАТЯ. И я, пожалуй, пойду. Мне волноваться вредно. Всех с наступающим! Пока.

ДАША *(будто впервые заметила Катю)*. А, и эта здесь... А эта вот, наоборот, рождает, хотя ей и неохота. Зато ей другое охота, причём со всеми подряд.

МАТЬ. Даша! Прекрати.

МАША. Я тоже, пожалуй, пойду. Нехорошо под праздник ссориться.

ДАША. А что я такого сказала? Я правду сказала.

МАША. Злая ты, Дашка.

КАТЯ. Между прочим, если бы не Сергей Михалыч, кое-кому бы как собственных ушей не видать диплома.

ДАША. Да, я – плохой художник! Ну и что?

Неожиданно срывает со стены одну из своих картин, швыряет её вслед уходящим сёстрам.

МАТЬ. Ради Бога, Даша!

ДАША. Да не верю я в твоего Бога!

Мать бьет Дашу по щеке, та смеётся.

ДАША. Ты за Сашку каждую ночь молилась, а толку... Посмотри на неё! Помогли ей твои молитвы?

МАТЬ. Не смей! *(Бьет по другой щеке.)*

САША. Могла бы ведь и совсем не вернуться...

Пауза.

МАТЬ. Надо телевизор включить. Скоро Брежнев поздравлять будет.

ДАША. Машка – глупая клуша. Катька – умная шлюха. Ну а я – вообще, пьяница. Вот тебе, мамуля, как с дочками-то не повезло...

Звонит телефон. Никто не берёт трубку. Мать плачет.

Даша срывает со стены ещё одну картину, швыряет её на пол.

Дрянной и никудышный художник! И плевать! И пускай!

Ещё одной картиной сметает всё со стола. Мать опускается на колени, начинает молиться. Саша хватается за плечи, встряхивает.

САША. Прекратить истерику!

ДАША. Душно мне. Душно и темно. Кругом – тупик...

САША. Сейчас ты умоешься холодной водой и пойдёшь спать. Поговорим, когда проспишься. *(Выталкивает Дашу из комнаты, выходит за ней.)*

Звонит телефон. Мать медленно поднимается, делает тише телевизор, берёт трубку.

МАТЬ. Алло... Да, это я. Я вас слушаю... Оля на гастролях... Нет, вы что-то путаете. Павел Юрьевич? Да, я знаю, это их режиссёр. Они вместе работают, но... А я уверена, что на гастролях... В конце концов, моя дочь уже взрослая... А по какому праву вы... Ах, жена... Я всё же думаю, что вы ошибаетесь.

Из ванной Саша выводит мокрую и присмиревшую Дашу. Мать меняет голос на подчеркнуто приветливый.

Оленька придет через несколько дней. Вы позвоните и поговорите с ней.

До свидания. С наступающим Вас. *(Кладет трубку.)*

САША. Что-то ещё случилось?

МАТЬ. Так, одна знакомая поздравила с Новым годом. Смотрите-ка, бутылка шампанского не разбилась, упала на мягкое. Открывай... Бокалы разбились, но можно из чашек.

САША. С Новым годом, мама.

МАТЬ. С новым счастьем, девочки.

По телевизору бьют куранты.

ДЕЙСТВИЕ 4

Ещё пять лет спустя. Комната та же. Картин нет. У стены спортивный тренажёр. Дашу одевают в невесты. Она сидит на том же месте, где десять лет назад сидела Катя. Она печальна и как будто отсутствует. Катя делает ей причёску. Саша прикрепляет цветы к фате.

КАТЯ. Зря, Саша! Зря, зря, зря. При твоей сидячей работе в библиотеке. А потом ещё в институте снова сидишь. Без аэробики тебе грозит гиподинамия. Тем более что у нас свой собственный инструктор – Дашка! Хорошую она нашла себе работу. И нужную. Я с тех пор, как стала заниматься, чувствую себя на десять лет моложе. А мне сейчас надо выглядеть хорошо. Вот разведусь, стану снова свободной...

САША. Да не говори ты глупостей.

КАТЯ. Конечно, разведусь! Ну как он мог! Потерять такое место. Директор такого института... Не мог пойти на какой-то крошечный компромисс. А теперь что? Мне, что ли, на работу идти? На его нынешнюю зарплату и одному не прожить, а у нас семья.

САША. У Маши с Витей...

КАТЯ. Нашла кого в пример ставить!.. Эх, уехал мой Боря в Израиль... Такой был мужик...

САША. Боря в Израиль? Я и не знала, что он еврей.

КАТЯ. Угу... Еврей... У нас таких евреев вся страна. Специально на еврейке женился, паразит... Даша! Подавай шпильки, не спи... И Лёшка куда-то делся. Уехал на заработки.

Звонок в дверь.

САША. Открыто.

Заходит Оля.

ОЛЯ. Я увидела, что мама в сквере с девочками, успею, думаю, Дашу поздравить. Зашла вот...

КАТЯ. И очень кстати. Привет, Ольга.

САША. Да, помирилась бы ты с матерью, Оль. Сегодня такой день. А она тебя давно уже простила.

КАТЯ. У неё три внучки – девки. И это после нас, пяти дочерей. И наконец, твой – первый парень. Да она рада...

ОЛЯ. Сегодня Дашина свадьба. Так что не обо мне речь. А невеста что у нас такая печальная?

КАТЯ. Твой Павел Юрьевич – ещё та сволочь... Так что ты не виновата. А этот актёр, Серёжин папа, помог тебе получить комнату. Вот вернётся со съёмки и женится.

ОЛЯ. Даша! Да что с тобой? Ну, скажи хоть слово!

ДАША. Да.

КАТЯ. О! Сказала слово.

ОЛЯ (*Даше*). Репетируешь текст невесты в ЗАГСе?

ДАША. Да... В смысле, сёстры правы. Подумаешь, мать-одиночка. В стране сексуальная революция...

ОЛЯ. В мой огород камешек... Ну ладно. Я на репетицию опаздываю. (*Целует сестёр.*) Ну, Даша, будь. А с мамой я помирюсь. Теперь уже скоро. (*Уходит.*)

КАТЯ. Не нравится мне сегодня Ольга. Какая-то она перевозбуждённая.

САША. У неё новый роман. С оператором. То ли с Мосфильма, то ли с телевиденья...

КАТЯ. Новый роман?! Ах, как это бодрит... Давно у меня не было новых романов! Эх...

Включает магнитофон.

Ну-ка, Дарья, встань, пройдишь. Посмотрим, чем ещё тебя можно украсить.

Даша встаёт, послушно ходит. В костюме невесты она действительно хороша.

ДАША. Давайте выпьем, сеструхи.

САША. Ты же бросила?

ДАША. Да нет. Это другое. Тошно мне!

КАТЯ. Токсикоз?

ДАША. Не хочу я замуж... Не хочу!

САША. То есть как?..

КАТЯ. Ну, здрасьте, приехали.

ДАША. Не хочу! Не хочу! Не хочу! (*Достаёт бутылку и стопку, наливает.*)

САША. Такой хороший парень. Так красиво за тобой ухаживал.

КАТЯ. Дашка, не дури. Салаты уже нарезаны.

САША. И родители у него хорошие.

КАТЯ. А гостей-то сколько приглашали...

САША. У тебя просто возраст сейчас трудный. В это время всем хочется чего-то необычного. А после тридцати понимаешь, что...

ДАША. Ты стала похожа на мать, Саша.

САША. ...Понимаешь, что счастье – это когда ничего плохого не случается!

Звонок в дверь.

КАТЯ (*кричит*). Открыто.

Входит Маша, на ней лица нет. Пауза. Даша наливает ей стопку. Та выпивает. Закашливается. Сестры переглядываются.

КАТЯ (*неуверенно*). Мы уже без тебя невесту нарядили... Что-нибудь с Леночкой?

МАША (*без выражения*). Мама в сквере с Настей и Надюшей. И Леночку я с ними оставила.

САША. С Витей?

Маша достаёт из сумочки письмо. Передаёт сестрам. Катя и Саша отступают. Письмо берёт Даша.

ДАША (*читает*). Прости меня, если сможешь. Мы с тобой были счастливы. Но то, что я встретил теперь, – больше, чем счастье. Леночка уже почти взрослая. А ты ещё молодая, у тебя всё впереди. Виктор.

Пауза.

САША. Не может быть.

КАТЯ. Вот сволочь...

МАША. Это меня Бог наказал за тебя, Катя, за Олю. За вас, блудницы иудейские!

КАТЯ. С ума сошла...

САША. Он вернётся, Машенька. Вернётся. С мужчинами так бывает. Седина в бороду – бес в ребро. Погуляет и вернётся.

МАША. Мы только квартиру получили. Думала, наконец-то ещё одного ребёночка рожу.

КАТЯ. Ну, жук... Встречался бы со своей фифой в рабочее время, как все нормальные люди. Семью-то зачем бросать!

Даша незаметно выходит из комнаты.

МАША. А Леночка спрашивает, почему папа с нами на свадьбу не идёт. Я говорю, его в срочную командировку послали. А она мне: «Нет, мама, у него...» (*плачет*), «...у него – любовница...»

САША. Вот она – сексуальная революция.

МАША. А потом Леночка говорит: «Ты сама, мама, виновата, ты губы не красишь и одеваешься не модно...» (*Рыдает.*)

КАТЯ. А тут твоя Ленка права! Я тебе новое платье подарю. Будем ходить вместе к Дашке на аэробику... Найдем себе мужиков... У нас все впереди! (*Замечает отсутствие Даши.*) А где невеста?

В окно слышны крики с улицы:

ДЕТСКИЕ ГОЛОСА. Едут! Едут! Мама, тётя Даша, едут!

СТАРУШЕЧЬИ ГОЛОСА. Жениху передайте, без выкупа не отдадим. Пусть выкуп готовит.

Появляется Даша в брюках, курточке, с дорожной сумкой через плечо.

ДАША. Простите меня, я не могу... Простите.

Убегает. Шум подъезжающей машины. Голоса гостей.

ДЕЙСТВИЕ 5

Прошло ещё лет пять. Та же комната. Часть её напоминает оранжерею, вся в цветах. Часть похожа на библиотеку – вся в книгах. В третьей части – детская кроватка, игрушки. Мать вяжет. Маша ходит вокруг неё.

МАША. Mam, ну отдайте мне Серёжу. Даша вся в своём буддизме, совсем двинулась. Саша – в политике, на митингах горло надрывает. У тебя глаза плохо видят, печень болит. Вам тяжело с ребёнком.

МАТЬ. Оля Серёжу мне оставила. У меня и заберёт, когда приедет.

МАША. Да не приедет она. Она теперь эмигрантка! Это – ясно?

МАТЬ. У меня всегда были девочки. На старости лет Бог в утешение послал мне мальчика. А ты говоришь – отдайте.

МАША. Леночка совсем взрослая стала. У неё своя жизнь. А меня такая тоска гложет, хоть вой...

МАТЬ. В церковь сходи, помолись.

МАША. Ходила. Не помогает.

МАТЬ. Катя вот третью девку родила. Не знают, чем кормить. Попроси у нее, может, отдаст. Или сама роди – не старая ещё.

МАША (*кричит*). От кого?

Даша выглядывает из кухни.

ДАША. Потиху. Вы мешаете мне медитировать и впитывать космическую прану. *(Исчезает обратно)*.

МАША *(после паузы)*. Мам, а правда, поговори с Катей. Может, и вправду даст мне Анечку... Хотя на время... Пока эта революция, кризис.

МАТЬ. Она сегодня сама ко мне придёт, за гречкой. Я как диабетик получаю по талонам, ей отдаю для детей.

Из кухни выходит Даша в экзотической одежде. Несёт кувшинчик.

Медленно и церемонно поливает цветы. Затем протирает тряпочкой каждый листик.

МАША. Я Катю подожду.

МАТЬ. Жди.

ДАША. О душе пора думать, Мария, о душе.

МАТЬ. У Даши нынче в голове дикая смесь всех религий и философий. По этому поводу она, не дожив до старости, впала в детство.

ДАША *(тоном проповедника)*. Майя всё вокруг. Иллюзия. Любые желания – наши враги. Они плетут нам сети. А мы, как глупые овцы, снова и снова попадаемся в их ловушки.

Звонок в дверь. Маша идёт открывать.

Вбегает Саша в деловом костюме, очень энергична.

САША. Всем привет. Мне никто не звонил?

МАТЬ. На кухне картофельный суп. Разогрей. Поешь.

САША *(роется в столе)*. Некогда. Тут такие дела! Такие дела! Где же эти документы?.. А, вот, нашла! Всем пока. *(Убегает, на пороге сталкивается с Катей.)* Привет, Катюша. Как дети? *(Убегает, не дождавшись ответа.)*

Катя сильно располнела, под глазами синяки.

КАТЯ. Стояла в очереди за мылом. Вот на вашу долю взяла.

ДАША. Майя! Великая Майя! Что ты делаешь с людьми?!

МАТЬ. Как себя чувствует Сергей Михалыч?

КАТЯ. Вроде лучше. Но, говорят, операция всё-таки нужна.

МАША *(робко, вкрадчиво)*. Как дети?

КАТЯ. А он теперь в экстрасенсов уверовал и в голодание. Кричит, не нужна операция, сам вылечусь! Ну что ты с ним будешь делать?

МАША *(громче)*. Как дети?

КАТЯ. Дети? Это троглодиты, а не дети! Они всё время хотят есть! Как будто нет других занятий! А на продлёнке в школе теперь платить надо больше, а порции дают меньше.

Мать приносит два пакета с гречкой и ещё что-то, отдаёт Кате.

МАША. С Анечкой, наверное, тяжело?

КАТЯ. Я же из-за неё в детский садик устроилась. В больнице-то мне платили больше, да и с мужчинами там попроще... Но тут зато душа спокойней, и отпроситься в любой момент можно. У меня и сейчас, между прочим, рабочее время. А я тут с вами лясы точу... *(Укладывает продукты.)* О! Сахар! Мама! Са-а-ахар!!! Спасибо!!! *(Целует мать.)*

ДАША *(смотрит в окно)*. Какая-то иномарка к нашему подъезду подъехала. К кому бы это?

МАША. Катенька, я вот что вдруг подумала... Я сейчас в основном дома работаю... Я на бухгалтера переучилась и сотрудничаю сразу с несколькими фирмами... И зарабатываю даже неплохо... То есть, я могла бы... помочь тебе с Анечкой.

КАТЯ. Спасибо. Мы теперь в таком положении, что вот у мамы гречку берём.

МАША. Ты не совсем поняла меня... То есть...

Звонок в дверь.

МАТЬ. У Саши митинг, что ли, отменили? *(Ворчит, идёт открывать.)*

Врывается Оля. Разодетая, яркая, сразу и не узнать.

ОЛЯ. Мама! Сестрѐнки!

МАТЬ. Оля?

ОЛЯ. Родные мои! Как вы здесь живѐте? Неужели это всё правда, что о вас пишут? Весь мир в ужасе... *(Бросается всех обнимать. Сестры реагируют несколько сдержанно.)*

Мы следим за всеми событиями... Страшно! Невероятно! Как вы выживаете в этом аду? *(Достаёт из пакетов яркие упаковки.)* Это Лене, это Насте, это Наде, это Анечке... Мама! Где Серѐжа?

МАТЬ. В детском садике.

ОЛЯ. У меня через час самолёт. Генрих ждѐт в машине. Я за Серѐжей. Я теперь на постоянном контракте работаю. Купила дом. Если бы я могла всех вас с собой забрать!..

Катя и Маша закуривают.

ДАША. Майя иногда очень похожа на реальность.

ОЛЯ. Да что с вами? Вы все как под гипнозом.

МАТЬ. Зачем тебе Серѐжа? У тебя и так всё хорошо.

ОЛЯ *(растерянно)*. Как зачем? Он мой сын. Я хочу, чтобы у него тоже всё было хорошо. Я уже все документы оформила.

МАТЬ. А почему ты с нами не посоветовалась?

ОЛЯ. Я говорила по телефону... Мамулечка, у меня очень мало времени.

МАТЬ *(вдруг решительно, даже жестко)*. Ну, пять минут, чаю попить, найдѐтся. Даша, поставь чайник, а Катя пока подарки девочкам посмотрит. *(Отводит Машу в сторону.)*

Быстро беги в детский сад, заberi Серѐжу, и...

МАША. Куда?

МАТЬ. Нужен надёжный человек, адреса которого Оля не знает.

МАША *(пишет на бумажке адрес и телефон)*. Мы с ней вместе на бухгалтерских курсах учились.

МАТЬ. Сидите там, пока я не подам сигнал.

Маша незаметно выходит.

КАТЯ. Смотри, мама, какие красивые футболки! А это – для Анечки?.. Чудо. Просто чудо.

ОЛЯ. Mam, давай я тебе вызов пришлю. Будешь с нами жить. Я всех сразу не могу, а одного человека – без проблем... Зачем тебе здесь мучиться, что тебя здесь держит?..

МАТЬ. Я уже не в том возрасте, чтобы менять места обитания.

ОЛЯ. Ну, тогда Сашу. Я даже могу её в театр устроить, если она язык выучит. Там образование не имеет значения. Главное, чтобы данные были.

КАТЯ. Сашка у нас теперь революционерка! У нее тут такой театр, почище всякой сцены...

ОЛЯ. Ну, тогда Дашу.

ДАША *(выходит из кухни с чайником)*. А я, может, и поеду. Не всё ли равно, где предаваться иллюзиям.

ОЛЯ. И приглашение, и деньги на билет пришлю. *(Смотрит на часы.)* Мамуль, извини, некогда чаёвничать. В каком детском садике Серѐжа? В нашем?

МАТЬ *(тоже смотрит на часы, тянет время)*. Ему, наверное, вещи кое-какие собрать надо?

ОЛЯ. Ну, какие вещи, мама... Мы ему новое всё купим.

МАТЬ. Купить, конечно, можно... Все новое... Но у него есть любимые вещи. Вот Мишка, например, он с ним спит. Или сказки... Колобка он любит. Курочку Рябу... *(Плачет.)*

ОЛЯ. Хорошо-хорошо, мамочка, я возьму с собой его любимого мишку и курочку Рябу тоже. И всё, что считаешь нужным, – собери. Мы сейчас съездим в садик, на обратном пути заедем за вещами. В какой он

группе?.. Мама, ну что ты молчишь? Мы опоздаем на самолёт.

МАТЬ (*смотрит на часы*). Теперь уже ни в какой. Ты не найдёшь его, Оля. Можешь, конечно, попробовать через суд. Но из-за того, как работают наши суды, ты точно опоздаешь и на самолёт, и на все свои съёмки и спектакли.

Пауза. Под окном сигналит машина.

ОЛЯ. Что это значит?

МАТЬ. Только то, что Серёжу забрали из садика и очень надёжно спрятали.

ОЛЯ. Мама! Катя! Даша!.. Вы... Бред какой-то! В этой варварской стране вы совсем одичали...

МАТЬ. Ты оставила Серёжу, когда он был почти грудным. Он тебя сейчас и не вспомнит. Каково ему будет в чужой стране с малознакомой тётей и чужим дядей? Ты об этом подумала?

ОЛЯ. Он будет с матерью, а не с тётей.

МАТЬ. Его мама его бросила.

ОЛЯ. А что бы я могла ему дать, если бы я осталась здесь?

КАТЯ. Значит, я своим детям ничего не могу дать?!

ОЛЯ. Катя! Не о тебе сейчас речь... Где мой сын?

Под окном сигналит машина.

МАТЬ. Приезжай в следующий раз не на два часа, а на месяц. Поживёшь здесь вместе с мальчиком, познакомишься с ним... А потом мы у него спросим, где и с кем он хочет жить.

ОЛЯ. Да вы что?.. Я же специально прилетела, я ему няню наняла, детскую в доме оборудовала, компьютер купила...

Настоятельно сигналит машина.

КАТЯ. Езжай, сеструха. Опоздаешь на самолёт.

ОЛЯ. Я не уеду без сына. Грех это, мама.

МАТЬ. Уедешь. А я на исповеди покаюсь. Бог простит.

ДАША (*подталкивает сестру к выходу*). Приглашение мне не забудь прислать и деньги на билет.

Нервно сигналит машина.

ОЛЯ. Вы звери! Вы – не люди! (*Уходит, возвращается.*) Я сейчас уеду. Но я вернусь. И вам придётся отдать мне сына. (*Уходит.*)

Пауза.

КАТЯ. Ой, мама, не хорошо мы поступили, не хорошо.

МАТЬ. Иди, Катюша. У тебя ведь рабочее время сейчас. Иди.

Катя собирает продукты и подарки, уходит.

ДАША. Дождь пошёл. Пойду пообщаюсь с астральным миром. В дождь медитировать в кайф... (*Уходит.*)

Звонит телефон. Мать долго не берет трубку. Но телефон настойчив.

МАТЬ. Алло... Ты? Как ты давно не звонил... Я уже подумала, что ты умер. Хорошо, что ты позвонил. Хорошо, что ты именно сейчас позвонил...

За окном идёт дождь.

ДЕЙСТВИЕ 6

И ещё пять лет прошло. Та же комната после современного ремонта. Мягкая мебель. Даша лежит на диване с загипсованной ногой. Спит. На магнитофоне звучит курс английского языка. В дверь вваливается Катя с тортом. Она очень растолстела, от былой красоты не осталось и следа.

КАТЯ. Мама! Даша! Свершилось! Мама, ты стала прабабушкой. Коля звонил из роддома: Настя родила!

МАТЬ. Мальчика?

КАТЯ. Мама, но ты же знаешь, ультразвук давно показал девочку, мы уже имя дали: Юленька.

МАТЬ. Бывает, ультразвук ошибается... Я всё-таки надеялась.

ДАША. Мужчины – существа низшего порядка. Грядущее тысячелетие – эра матриархата. Это уже научно доказано.

Звонок в дверь.

МАТЬ и ДАША. Открыто.

Входит Саша с цветами и бутылкой виски. Она тоже постарела, но иначе. Стала сухощавой. Одета элегантно – бизнес леди.

САША. Я уже всё знаю. Вес – 2900, рост 49... Звонила в роддом по мобильному. Мелкие дети стали рождаться.

КАТЯ. Ничего, откормим.

Мать и Катя накрывают на стол.

САША (*Даше*). Как нога?

ДАША. До свадьбы заживёт.

МАТЬ. При твоём отношении к мужчинам «до свадьбы» – это в следующей жизни.

САША. Знала бы, не покупала бы тебе этот мотоцикл... Хотелось как лучше, а получилось...

ДАША и САША (*хором*). Как всегда. (*Смеются.*)

САША. В следующий раз куплю тебе...

ДАША. Машину?

САША. Нет.

ДАША. Яхту?

САША. Нет.

ДАША. Самолёт?

САША. Нет.

ДАША. А что?

САША. Квартиру.

МАТЬ. Чтобы я осталась тут одна?

КАТЯ. Давайте выпьем за новорожденную!

САША. А Маши почему нет? Ей сообщили?... Я позвоню.

ДАША. А ты ничего не знаешь?

КАТЯ. Да ты же недавно из отпуска. Тебе новости никто не сообщил.

САША. А что случилось?

Пауза.

МАТЬ. Наша Маша уехала в монастырь. Сначала просто пожить там, а потом постриг приняла. Она теперь сестра Варвара.

САША (*ошарашено*). Да-а... Дела... Ну что ж, наверное, так для неё лучше... А Оле звонили?

КАТЯ. Ей Коля с работы по факсу подробный отчёт послал. Ну, за здоровье Юлии Николаевны и её мамы Анастасии Сергеевны.

ДАША. И её бабушки Екатерины Александровны.

САША. И её прабабушки Анны Дмитриевны.

Смеются. Чокаются. Пьют.

МАТЬ. А всё-таки жалко, что мы Серёжу отпустили.

ДАША. Мам, ты опять?..

КАТЯ. Оля три месяца здесь жила. Он к ней привык. Он сам захотел с ней уехать.

САША. И ему действительно там лучше. Нам, старым перечницам, лучше здесь. А ему – там. Давайте выпьем за то, чтобы Серёжа прилетел к нам в гости и познакомился со своей новой сестрёнкой Юлей.

КАТЯ. Она ему не сестрёнка, а двоюродная племянница.

Чокаются. Пьют. Звонит телефон.

МАТЬ. Алло! Плохо слышно... Оля? Оля, это ты?... (*Голос её меняется.*) Ой, не узнала... Думала, что Оля... Да, спасибо. Да я сама только что узнала... А, ты звонил в роддом... Нет, сейчас я никак не могу, у меня гости. Вечером... Вечером ты не можешь... Завтра... Да. Спасибо... (*Кладёт трубку.*)

Пауза. Сёстры переглядываются.

Так, за что мы ещё не пили?

САША. За тебя, мама.

МАТЬ. Разве...

ДАША. Чтобы ты, мама, была счастлива.

Телефонный звонок.

МАТЬ. Алло... Оля? Ты получила сообщение? Да, Юля... Отмечаем... Спасибо... Что? Ты, наконец, выслала Даше приглашение?.. Язык она учит, да. А паспорт? *(Даша энергично кивает головой.)* И паспорт сделала. Правда, сейчас она в гипсе. Нет, ничего страшного, училась водить мотоцикл... Когда ты приедешь с Серёжей? Летом? Очень жду! Очень! Поцелуй Сережу! Сережу поцелуй, слышишь?..

Кладёт трубку, садится в мягкое кресло, видно, что она устала от волнений. Пауза.

КАТЯ. Mam, отец умер, когда ты была совсем молодой. Неужели у тебя так никого и не было?

МАТЬ. В наше время были более строгие нравы, чем теперь.

ДАША. Ну, может быть, какая-нибудь романтическая связь?

САША. Расскажи нам эту красивую сказку. Ты нам так давно не рассказывала сказок, мама.

ДАША *(капризничает по-детски)*. Хочу сказку!!!
Сестры хором скандируют: «Сказку, сказку!»

МАТЬ. Ну, что ж, сказку так сказку. Попробую... Однажды прекрасный принц и прекрасная принцесса решили пожениться.

Даша зажигает свечи, тушит верхний свет.

Но когда до этого торжественного события оставалось всего несколько дней, в замок приехал король соседнего королевства. Он сразу влюбился в принцессу. И так очаровал её своими достоинствами, что она уехала в его королевство и стала его супругой. Целых три года юный принц страдал и слал своей возлюбленной нежные послания. Но она уже была королевой соседнего королевства, и у неё уже родилась маленькая дочка. Безутешный принц

отправился странствовать, искать в дальних краях свою смерть.

Но судьба хранила его, и он каждый раз оставался жив. Прошло время. У его возлюбленной было уже пять маленьких очаровательных принцесс. И тогда принц примирился с судьбой, женился на другой девушке, и у них тоже родились дети.
(Задумалась.)

САША. А потом?

МАТЬ. А потом король умер. И молодая королева стала вдовой. Но принц имел уже свою семью, и всё, что он мог, – стать для своей бывшей возлюбленной нежным другом...

ДАША. И все время продолжал ее любить?

МАТЬ. И она его тоже...

Пауза. Потрескивают свечи. За окном пошёл снег.

КАТЯ. Да, сказка. В жизни такого не бывает.

САША. Снег идёт...

КАТЯ *(напевает на известный мотив)*. Ах, где мне взять такого принца? Перевелися мужики...

САША. Сне-го-пад...

ДАША. Никогда не поеду жить туда, где нет снега. Ни-ког-да!

САША. Мама, а почему ты не познакомила своих маленьких принцесс с этим другом?

Пауза.

Мама... Mam... Заснула...

За окном падает снег.

ДЕЙСТВИЕ 7

Прошло ещё несколько лет. Там же. Особых изменений нет, но на всём налёт некоторой заброшенности, вещам как будто неуютно. Стол накрыт на большую компанию. Мать сидит,

читает газету. Читает полушёпотом, как многие старики. Телефонный звонок.

МАТЬ. Алло... Оля! Вы где? В Шереметьево? Как не прилетите? Погода нелётная... Ну, как же так... И Серёжа? Ну конечно, Серёжа с вами... И Даша?.. Все завтра прилетите... Даша подарок мне хочет сделать? По телефону... Алло, Даша! Я сижу или стою? Чтоб не упасть... Сижу, сижу... Говори. Замуж выходишь? Дашенька! Ну, наконец-то! Джимми из Калифорнии... Кто он?.. Негр... *(Встаёт в ужасе.)* Как негр... Совсем черный... Зато крещёный... Крещёный негр... Подожди. *(Ищет таблетку под язык.)* Что? Ты его любишь... Ну хорошо, подробности узнаю завтра... *(Кладёт трубку.)* Крещёный негр... Бывает же...

Убирает со стола три прибора.

Телефонный звонок.

МАТЬ. Алло... Сашенька! Ты представляешь, Даша за негра замуж собирается... За негра!... Нет, они ещё не приехали. У них погода нелётная. А ты когда будешь?.. Совещание? Как же так? А нельзя никак отпроситься, скажи, у матери день рождения... Ах, ты его проводишь. Ну да, ты же начальница... Ну, не нервничай, Саша, не волнуйся. Я ни капельки не обижаюсь. Я понимаю, рубль падает, вы на грани банкротства... Конечно, понимаю, приедешь завтра. Всё, пока, совещай свой народ. Совещай, раз он без этого не может... Я не обижаюсь. *(Кладёт трубку.)* Скорее бы они до конца, что ли, обанкротились, столько нервов...

Уносит ещё один прибор.

Звонок телефона.

МАТЬ. Алло! Леночка, внученька! Спасибо, родная. Письмо от мамы из монастыря? Читай, читай... Да... *(Слушает.)* Ой, как хорошо... Ну да, слава Богу. А ты?.. Ночной эфир на радио... Ну да, работа есть работа. Удачи. *(Кладёт трубку.)* Ой, забыла ей сказать, что Даша за негра выходит.

Уносит ещё один прибор.

Звонит телефон.

МАТЬ. Алло. Смольный слушает... Это я так шучу, Катя. Звонков много. Один за другим. Что? С Сергей Михалычем плохо?... Опять инфаркт... Ну, не плачь, Катюша, может, обойдётся, он у тебя живучий. *(Ищет таблетку под язык.)* Сколько уже операций перенёс. Конечно, езжай в больницу, тебе сейчас не до праздника. А дети? Приедут? Ну, хоть кто-то... Я жду их очень. А ты из больницы звони, как там дела. *(Кладёт трубку, убирает со стола ещё один прибор.)* Другим сердца чинил, а себе вот испортил. Как всегда, сапожник без сапог... Господи, помоги рабу твоему Сергию, болящему... Добрый человек, светлый... Хорошо, что дети приедут... *(Звонок в дверь.)* Как они быстро добрались!

Идёт открывать, возвращается с незнакомой пожилой женщиной в чёрном. Пауза.

ЖЕНЩИНА. Вы, наверное, и есть Анна Дмитриевна.

МАТЬ. Да, садитесь. А вы?

ЖЕНЩИНА. Так вот вы какая...

МАТЬ. В каком смысле?

ЖЕНЩИНА. Я всегда пыталась представить, какая вы... Он написал вам 428 писем. И ни одного не отправил. Вот они. *(Кладёт на стол пачку писем.)* Это была его последняя просьба перед тем, как... Последняя воля.

МАТЬ. Что...

ЖЕНЩИНА. Он назвал ваш адрес и взял с меня обещание, что я отнесу их вам.

МАТЬ. Он...

ЖЕНЩИНА. Сначала я хотела их уничтожить. Потом очень хотела их прочитать. Потом пересчитала зачем-то... 428... И пошла к вам.

МАТЬ. Когда это случилось?

ЖЕНЩИНА. Вчера вечером.

МАТЬ. Как же я не почувствовала...
ЖЕНЩИНА. Если хотите, приходите на похороны, послезавтра.

МАТЬ. Вот почему он впервые за столько лет не поздравил меня с днём рождения...

ЖЕНЩИНА. Ну, вот и всё... *(Собирается уходить, возвращается.)* А знаете, все эти годы я вас ненавидела! Как я вас ненавидела!.. Сейчас это так глупо...

МАТЬ. Подождите. *(Достаёт из шкатулки деньги.)* Возьмите, пожалуйста. Похороны, поминки, крест поставить... Сейчас всё так дорого...

ЖЕНЩИНА. Да нет, что вы...

МАТЬ *(запихивает ей деньги в сумочку)*. А если вам когда-нибудь станет одиноко, не сейчас сразу, но потом, вы приходите. Адрес вы теперь знаете. Приходите, правда.

Женщина неопределённо кивает, уходит.
Пауза. Мать осторожно берёт письма, которые та оставила.

МАТЬ. 428 плюс 12, что он в своё время отправил, итого 440. У меня теперь есть что читать на всю оставшуюся жизнь. *(Плачет.)*

Звонок в дверь. Пауза. Ещё настойчивые звонки. Затем голоса.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА: Открыто, заходи...
Бабушка! С днём рождения!!! Бабуленька, ау... Бабуля!
Happy birthday to you!

З а н а в е с

Ирина Егорова

Так сложилось, что бежать по жизни приходится одновременно во всех направлениях: главный режиссёр московского театра «КомедиантЪ», актриса, поэт, драматург, преподаватель – и далее везде, со всеми остановками. Порою возникает подозрение, что в сутках далеко не всегда лишь 24 часа.

Сыграно около сотни ролей - в театре, кино, на радио и телевидении.

Поставлено больше 40 драматических и музыкальных спектаклей, несколько аудиоспектаклей. Написаны сценарии, в том числе для телевидения (телекомпания «Неофит»).

В 2007 г. в Нью-Йорке - TV RTN/WMNO - прошли 2 телепередачи «О творчестве Ирины Егоровой - театр, литература» из цикла «В мире поэзии и художественной прозы».

Опубликовано больше десятка авторских сборников прозы, стихов, пьес. Множество публикаций в журналах, альманахах, юмористических книжках, в Антологии мировой эротической поэзии (серия «Золотая библиотека»). Есть премии и победы в престижных литературных конкурсах. В частности на фестивале «Русский стиль», Германия, получен первый приз «За талант и женственность в поэзии».

Член Союза писателей, Союза театральных деятелей, МСП «Новый Современник», «Московского Салона литераторов» («Моссалит»), Международной гильдии писателей и т.д. Соавтор культурно-образовательного проекта «Театрализованный музей. Живая история». Короче, перечислять замучаешься.

Да и дело совсем не в этом. Просто жизнь прекрасна. Что и удивительно!

Букет куриной слепоты

Комедия

Действующие лица:

Жильцы дома 6 корпус 3:

Диспетчер, женщина по имени Люба, буквально горит на работе.

Денис, муж Любы, амбициозен, очень занятой человек.

Татьяна, домохозяйка с пылким воображением.

Михаил, муж Татьяны, его повышение по службе не даёт покоя жене.

Лариса, пытается тащить на себе больше, чем в состоянии вынести её хрупкие плечи.

Вова, муж Ларисы, не дурак выпить, темперамент пылкий.

Дина, женщина с замысловатой судьбой, владеет словом, как самурай – мечом.

Виталий, бывший одессит, остановился в этом доме.

Не жильцы упомянутого дома:

Коля, сантехник, в душе – Наполеон, но обстоятельства...

Валентина, курьер парфюмерной фирмы, смешная, наивная, слегка рассеянная девушка.

Картина 1. В квартире Виталия Голос диктора 1, 2; Виталий.

Одесса. Дикая жара. Виталий находится в квартире, которую он снимает. Пока звучит радио, Виталий выходит из ванной в плавках, мокрый, вытирается, обмахивается, достаёт из холодильника бутылку холодной воды, пьёт. По радио звучит передача на астрологические темы.

ГОЛОС ДИКТОРА 1. А сейчас для тех, кто не хочет слепо блуждать в лабиринтах своей судьбы, передаём астрологический прогноз: сегодня с 16 часов 34 минут до 19 часов 13 минут луна без курса.

ГОЛОС ДИКТОРА 2. Извините, не могли бы вы разъяснить мне, несведущей, что значит «луна без курса»?

ГОЛОС ДИКТОРА 1. О! Нет ничего проще. Это тот отрезок времени, когда переменчивая планета меняет свой прямой курс и идёт на попятный. В этот период рекомендуется быть особенно внимательными к своему самочувствию. Избегайте массовых мероприятий, не назначайте важных дел и встреч. Если учесть, что сегодня пятница, 13 число, то становится понятным, что меры предосторожности должны применяться с особой тщательностью.

ГОЛОС ДИКТОРА 2. Мы желаем вам успешно справиться с неординарными ситуациями и напоминаем, что мнение астрологов – это не приговор, а только предостережение о предстоящих трудностях: несмотря ни на какие испытания, судьба человека всё-таки находится в его руках.

Зазвучала музыкальная заставка, и сразу звонит телефон.

ВИТАЛИЙ (выключает радио). Какая чушь!.. (Снимает трубку, говорит вполне по-русски, но иногда произвольно произнося букву «р» на

*американский манер.) Алло!.. Серёга! Привет!.. Да... ну, что?.. договорился?! ...Когда?.. Сегодня, сейчас?! ...Ну, ты гигант!.. И всех обзвонил? Все могут?.. Да ты что!.. Ну да, завтра уже никак, завтра у меня самолёт... что делать, на подольше не получается... А где встречаемся?.. У Дюка, ну да, а как же!.. Спасибо тебе, страшно хочу всех видеть, ведь чёрт-те сколько лет... Скажи, а... Динка будет?.. Иди на фиг, какой там сюрприз? Не будь гадом – скажи – да или нет?.. Ну, я же всё равно приду, куда я денусь... Я должен знать, как одеваться... понятно, не во фрак... да, жара жуткая... думаешь, футболку и джинсы – будет нормально?.. Да, да, всё, уже бегу! *(Он лихорадочно отыскивает самую эффектную футболку, одевается.)**

Картина 2. В диспетчерской
Голос диктора 3, Диспетчер, Коля.

По радио звучит прогноз погоды.

ГОЛОС ДИКТОРА 3. А теперь о погоде. На Юге продолжается период повышенной солнечной активности, ближе к вечеру ожидается магнитная буря. Температура днём 37-40 градусов в тени, ночью 30-32 градуса. Осадков не предвидится.

ДИСПЕТЧЕР. Да когда же она кончится, эта бурная активность... без осадков!..

По радио звучит неназойливая музыка.

Сантехник Коля заходит в диспетчерскую, в одной руке чемоданчик с инструментом и листок с заявками, в другой – топор.

Звонок телефона.

ДИСПЕТЧЕР *(в трубку)*. Да... Квартира 89? Да... Заявка принята... будет электрик, ожидайте. *(Кладёт трубку, видит Колю с топором.)* О! Ты куда это собрался, Раскольников? На старушку пошёл? Охотничек...

КОЛЯ. К-к-кая ст-арушка! Я, это... т-топор одолжил, м-м-меня попросили...– выюн вы-вы-вырубить на-адо. Там окно всё за-аросло у д-девушки одной. Даже днём н-ничего не видать... *(Кладёт на стол перед диспетчером листок.)* Всё. На-а сегодня отбарабанил. Все з-заявки выполнил. Я бы п-пораньше...

ДИСПЕТЧЕР. Пораньше – это хорошо. Коля, слушай, я тебе совсем забыла сказать... ты на вызовы умчался, пока я тут на звонки отвечала. У меня дома в ванной кран гудит. Орёт как резаный, помыться невозможно. Все соседи уже обстучались – и в пол, и в потолок. А моего мужика не заставишь: «Я работаю от звонка до звонка!.. У меня руки не оттуда растут...» Короче, я тебе дам ключи. Пойди разберись. Это не долго.

КОЛЯ. Н-не, Люба... с-слушай, м-мне с-с-сегодня нужно...

ДИСПЕТЧЕР. Нужно – не нужно... вообще-то, рабочий день ещё не закончился. Не морочь голову! Я на тебя заявку оформлю. Квартира 63. В конце концов, я такой же жилец, как и все? А то хорошо получается – сапожник без сапог...

КОЛЯ. Л-ладно, Люба, н-не горячись. Ща сделаю. А п-потом – м-можно я сслиняю?.. у меня на с-сегодня г-г-грандиозные п-планы.

ДИСПЕТЧЕР. Ладно, линяй, только зайдёшь, ключи занесёшь, отметишься, и катись на все четыре...

КОЛЯ. Я т-тогда т-топор пока тут оставляю, а то та-таскаться с ним... по-птом з-захвачу. *(Уходит.)*

Звонок телефона.

ДИСПЕТЧЕР *(в трубку)*. Диспетчерская... да... слушаю...

Свет в этой части сцены гаснет.

Картина 3. В квартире Татьяны и Михаила
Ведущая, Психолог, Татьяна, Валентина.

Татьяна усердно конструирует на собственной голове какую-то немыслимую причёску.

По радио звучат советы психолога.

ВЕДУЩАЯ. Скажите, пожалуйста, а всё-таки что, по-вашему, является самым большим препятствием в понимании между людьми?

ПСИХОЛОГ. Самое большое препятствие, без сомнения, – это мы сами.

ВЕДУЩАЯ. В каком смысле?

ПСИХОЛОГ. Я имею в виду наши установки, предвзятые мнения. Я думаю, всем нашим слушателям доводилось видеть забавные картинки, на которых один человек видит, скажем, прелестную девушку, а другой – безобразную старуху, или один – запрокинутую голову с бородой, а другой – звездочёта в колпаке.

ВЕДУЩАЯ. Так в чём же дело? Выходит, кто-то из нас – слеп?

ПСИХОЛОГ. В каком-то смысле – да. Мы видим только то, что укладывается в нашу картину мира. Вот так же и в жизни – всё зависит от нашего угла зрения...

Звонок в дверь, Татьяна смотрит на часы, выключает радио, идёт открывать. На пороге Валентина.

ВАЛЕНТИНА. Ой!.. Здравствуйте. *(Роемся в бумажках.)* Мне нужен Михаил... Александрович, кажется... сейчас, сейчас... *(Роняет какие-то пакетики, поднимает.)*

ТАТЬЯНА. И зачем вам Михаил Александрович?

ВАЛЕНТИНА. Он заказывал духи.

ТАТЬЯНА. Духи? Какие?

ВАЛЕНТИНА *(роемся в сумочке)*. Женские. «О, фэнтэскую», кажется, если я не ошибаюсь. Где же этот заказ?..

ТАТЬЯНА. А вы ничего не путаете?

ВАЛЕНТИНА. О! Нашла... *(Смотрит в бумажку.)* Ой, извините, я и вправду напутала. Это же вчерашний заказ... ну да, я же вчера его уже отдала. Тьфу ты!

ТАТЬЯНА. А кому вы его вчера отдали?

ВАЛЕНТИНА. Ну, Михаилу Александровичу... я, главное, иду и думаю: а чего это он решил каждый день духи заказывать – так понравились, что ли?..

ТАТЬЯНА. Так, когда вы приносили заказ?

ВАЛЕНТИНА. Да вчера, часов в восемь... нет, чуть пораньше – в полвосьмого, кажется.

ТАТЬЯНА. Как интересно.

ВАЛЕНТИНА. Вы извините, я всё напутала *(смотрит в бумажку)*, ну да, тут же дом 6, корпус 2, а я пришла в дом 6, корпус 3. Совсем я малахольная с этой жарой... Ничего не вижу... Вы извините, я побегу.

ТАТЬЯНА. А вы уверены, что вчера приходили в нашу квартиру?

ВАЛЕНТИНА *(уходя)*. Ну да! Я этот дом вчера столько искала, что сегодня машинально сюда пришла. И дверь эта, и звонок... До свидания! *(Убегает.)*

Татьяна закрывает за ней дверь, бросается к шкафу, ищет, потом заглядывает в ящики письменного стола Михаила, ничего не находит.

ТАТЬЯНА *(идёт к телефону, набирает номер)*. Алло!.. да, это я... Слушай, Ирка! Можешь мне погадать?.. Да нет, на Мишу моего... да, серьёзно... Ирка, что мне делать? Я ревную не могу... Он вообще последнее время так изменился... красивый стал, весь из себя, деловой, на повышение пошёл... да как тебе сказать... ко мне, вроде, нормально... Но только что девица какая-то приходила, курьер, говорит, что она

вчера ему духи женские приносила на заказ... вечером. Меня как раз дома не было, я у мамы была... да нет, сегодня она по ошибке пришла, всё перепутала, якобы... дура-то дура!.. но кому он духи покупает?.. Мне? Ага, как же! Бежит и спотыкается... Он меня в упор не видит... На день рождения?.. ну, во-первых, у меня – не так уж скоро, а во-вторых, он сроду ничего такого не помнит... ни годовщины свадьбы... Я с ним вечно ругаюсь... Слушай, у него кто-то есть... я чувствую! Понимаешь?.. Хорошо, а зачем вот он в такую жару рубашку белую надевает и галстук?! ...Ну, раньше футболку нацепит и бежит... что?.. нет, он сейчас – зам. начальника... думаешь, поэтому?.. м-м-м, не знаю. Слушай, погадай?! ...Так ты быстренько раскинь картишки, а?..

Затемнение.

Картина 4. Лифт Виталий, Дина.

Виталий, поправляя одежду на ходу, выбегает из своей квартиры и бежит в лифт, там натывается на какую-то лужу, обходит её. Двери лифта закрываются, он облегчённо прислоняется к стенке, чувствует некоторое неудобство, дискомфорт сзади, в районе пояса, ощутив, обнаруживает, что ремень на спине перекручен, растёгивает его, поворачивает правильно, собирается застегнуть, в этот момент лифт останавливается, двери открываются, и заходит Дина (солидная дама, блондинка с пышной причёской, в дымчатых очках), застукивает его с растёгнутым ремнём. Она автоматически нажимает кнопку, грозно осматривает его, опустив взгляд, замечает внизу лужицу.

ДИНА. Ну, и что же это такое там, на полу?

ВИТАЛИЙ *(продолжая застёгиваться)*. Не знаю.

ДИНА *(возмущённо фыркает)*. Ну конечно!

ВИТАЛИЙ *(вглядываясь в лужицу)*. Это масло... или олифа... кто-то пролил, наверное.

ДИНА. А поумнее вы ничего не придумали? Какое свинство!

ВИТАЛИЙ. Что вы себе позволяете!

ДИНА. Это я что себе позволяю?! Ну и ну! Неужели трудно дойти до туалета? Ведь в лифт войти невозможно! Если у вас недержание, сидели бы дома себе!

ВИТАЛИЙ. Нет у меня никакого недержания. И дом у меня отсюда слишком далеко.

ДИНА. Вот и сидели бы там, а не ходили бы к нам... гадить.

ВИТАЛИЙ *(с трудом справляясь с ремнём)*. Да нет, что это я перед нею оправдываюсь? Наглые бабы в этой стране как были, так и остались!

ДИНА. Ох! Ох! Он ещё иностранца из себя будет корчить! Молчал бы уж! Ино~~с~~ранец фигов! Памперсы носить надо!

ВИТАЛИЙ *(задохнулся от негодования)*. Да вы... да как вы смеее так со мной разговаривать!.. Я буду...

ДИНА. Это я сейчас милицию вызову...

Она тянется к кнопке, он протягивает руку одновременно с ней. Минутная заминка, они оба что-то нажимают. Внезапно лифт останавливается и застревает.

ДИНА. Вот чёрт!

ВИТАЛИЙ. Что вы делаете?! Этого только не хватало!!!

Картина 5. Квартира диспетчера Любы и Дениса
Коля.

Коля открывает дверь ключом, заходит, осматривает кран, включает его. Раздаётся истошный стон крана. Коля закрывает кран, проверяет ещё раз, звук повторяется с новой силой. Коля приступает к работе. У него звонит мобильник. Сантехник разговаривает, продолжая копать в кране.

КОЛЯ. Д-да... О! Ва-валюшка, п-привет... Д-а что!.. со-овсем я тут у-упахался, в мыле весь... д-думал, уже всё, а тут ди-испетчерша Ль-любка ещё ра-аботёнки по-одбросила... да н-не, эт-то быстро... к-к-кран починю... А т-ты уже освоб-одилась?.. А с-скоро?.. Н-ну, давай, н-не задерживайся... Л-ладно, я т-тоже с-сейчас, м-мигом! И к т-тебе! *(Кладёт мобильник рядом с чемоданчиком. Довинчивает кран, проверяет. Вода идёт без лишнего звуков. Он моет руки, критически оглядывает себя в зеркале.)* С-свет мой, з-зеркальце, з-заткнись! Я п-причесаться п-одошёл... *(Приглаживает волосы. Потом понимает, что ему придётся идти на свидание взмокишим.)* Вот ч-чёрт... л-липкий, как эс-скиммо н-на п-палочке... ос-с-вежиться, ч-что ли?..

Решившись, Коля разоблачается, залазит в душ, моется, задёргив шторку.

Картина 6. В лифте
Дина, Виталий, Диспетчер – голос.

ДИНА. Всё из-за вас. Нет! Мне никак нельзя опоздать. *(Жмёт кнопку «стоп», слегка подпрыгивает.)* Нужно нажать кнопку и немного попрыгать, тогда он поедет. *(Жмёт какие-то кнопки, прыгает.)* Ну, что вы стоите? Помогайте! Давайте вместе прыгать.

Он наблюдает с ненавистью за её прыжками, но всё-таки подпрыгивает пару раз. Это не помогает.

ВИТАЛИЙ *(отстраняет её)*. Уберите руки. Нужно вызвать диспетчера. *(Нажимает кнопку.)* Хелло!.. Алло, алло, девушка!.. Алло!.. вымерли они там, что ли? *(Дубасит по кнопке.)* Алло! Алло! Алло! Есть кто живой?

ДИСПЕТЧЕР *(устало)*. Да! Алло. Вас слушают.

ВИТАЛИЙ. Девушка, мы застряли в лифте!

ДИСПЕТЧЕР. Ну...

ВИТАЛИЙ. Что «ну»?

ДИСПЕТЧЕР. Где? Где вы застряли?

ВИТАЛИЙ. В доме... э...

ДИНА. Королёва 6, корпус три.

ДИСПЕТЧЕР. Какой подъезд?

ДИНА. Второй.

ДИСПЕТЧЕР *(через силу)*. Ожидайте.

ВИТАЛИЙ. Девушка, а скоро приедут? У меня встреча. Девушка! У меня очень важная встреча.

ДИНА. Девушка, миленькая, пожалуйста, сделайте побыстрее! У меня, можно сказать, жизнь решается. К тому же со мной здесь маньяк какой-то. Если что-то случится, так это будет на вашей совести.

ДИСПЕТЧЕР. Что вы хотите? Я передам, а когда они приедут – кто это знает? Я вам что – Господь Бог?

ДИНА. Здесь от духоты загнуться можно!

ВИТАЛИЙ. И поймите, у меня очень срочное дело – я не могу долго ждать.

ДИСПЕТЧЕР. Ой, не можете – не ждите! Я не настаиваю! *(Отключилась.)*

ВИТАЛИЙ *(вытирает пот со лба)*. О, боже, в этой стране никогда ничего не изменится!

ДИНА *(обмахиваясь)*. Ну и катитесь из этой страны... легче дышать будет!

ВИТАЛИЙ. С большим удовольствием! Только для начала нужно отсюда выйти.

Картина 7. В квартире Татьяны и Михаила
Татьяна, Михаил.

Татьяна, разговаривая по телефону, одновременно приводит себя в порядок, подправляет маникюр, макияж, но особое внимание уделяет своей новой причёске.

ТАТЬЯНА. Так... значит, всё-таки есть дама?.. Я чувствовала!.. я ночей не сплю, вытаращусь в темноту, и думаю – кто она, кто?.. Что ты говоришь?.. какая-какая?.. казенная?.. это – деловая, что ли?.. ну, и как он к ней?..

Звонок в дверь.

Ой! Это – он... Ладно, потом... только – обязательно... Пока... *(Вешает трубку, бежит открывать дверь.)*

МИХАИЛ *(входит домой с работы, усталый)*. Тань, поесть чего-нибудь есть? И пить – похолоднее... Жара адская.

ТАТЬЯНА *(пытаясь привлечь его внимание к своей новой причёске)*. А ты ничего не замечаешь?

МИХАИЛ. А что я должен замечать?

ТАТЬЯНА. М-м-да... *(как-то сникла)* всё... бесполезно.

МИХАИЛ. Что бесполезно?

ТАТЬЯНА. Всё. Всё бесполезно. Ты слепой, ты меня не видишь. Я не знаю, что с этим можно сделать...

МИХАИЛ *(смотрит на неё внимательно, старается понять, что именно он должен оценить)*. Ну что? Что?.. А! Кофточку купила? Хорошо, молодец, тебе очень идёт. *(Пытается приласкать её, поцеловать.)*

ТАТЬЯНА. Кофточку?!! *(Отстраняется.)* Всё понятно... *(принюхиваясь)* духи. Чьи это духи?

МИХАИЛ. Какие духи? Не сходи с ума. При чём тут духи?

ТАТЬЯНА *(обнюхивая его)*. Ты весь пропах чужими духами. Кто она, Миша?

МИХАИЛ. Ну что ты чушь несёшь?

ТАТЬЯНА. Не надо оправдываться. Ты должен был прийти полчаса назад. Лучше скажи мне правду.

МИХАИЛ *(вытаскивает из холодильника бутылку воды, пьёт)*. Слушай, ты совсем одурела. Мне пришлось задержаться. Мы сдаём отчёт. Тебе всё чудится что-то... а я голодный и устал как собака. Ты что, не видишь? По-моему, это ты слепая.

ТАТЬЯНА. Всё понятно. Отвлекающий манёвр.

МИХАИЛ. Какой манёвр? Ты же знаешь каждый мой шаг!

ТАТЬЯНА. Шаг-то знаю. А вот мысли... мысли – нет! Я же не могу влезть тебе в голову.

МИХАИЛ. Этого ещё не хватало... ты и так проверяешь все распечатки звонков... *(пьёт воду)* с моего мобильного, следишь за мной... пытаешься застать врасплох... может быть, ты уже начнёшь меня обыскивать? Давай! Давай обыщи! *(Поднимает руки, Татьяна проверяет его карманы, в одном из них находит увлажнённую салфетку, нюхает её.)*

ТАТЬЯНА. Вот! Вот этот запах! Чьё это?

МИХАИЛ. Таня! Это влажная салфетка. Я взмок от жары. Мне дали промокнуть пот с лица...

ТАТЬЯНА. Кто?!

МИХАИЛ. Что – кто?

ТАТЬЯНА. Кто это так волнуется о твоей гигиене?

МИХАИЛ. Какая разница?

ТАТЬЯНА. Нет, ты скажи, скажи!

МИХАИЛ. Ну, Лёха.

ТАТЬЯНА. Лёха?!! Ой! Х-х-а! *(Смеётся.)* За кого ты меня держишь?.. Так и вижу «аккуратиста» Лёху, который покупает гигиенические салфетки! И с таким рафинированным ароматом! И всё для того, чтобы потом одну тебе одолжить.

МИХАИЛ. О Господи! Ну, почему Лёха не может купить салфетки? Их продают где угодно и кому угодно.

ТАТЬЯНА. Хорошо. Я сейчас позвоню Лёхе и узнаю, где он покупает салфетки с таким дивным запахом.

МИХАИЛ. Не сходи с ума. Какая разница, кто мне дал салфетку в такую жару?! Ну, Вера дала мне салфетку. Вера Смирнова. Что это меняет?

ТАТЬЯНА. А почему ты сразу не сказал? Ты боишься о ней говорить? Боишься себя выдать!

МИХАИЛ. Ты дашь мне поесть, в конце концов?

ТАТЬЯНА. Я знала... знала, что ты мне врёшь! Я тебе не прислуга. Возьми сам. Или пусть за тобой ухаживает Вера! Смирнова.

МИХАИЛ. Слушай, я больше так не могу. *(Направляется к двери.)* Я пойду поем... где-нибудь.

ТАТЬЯНА. Ага! Хороший повод нашёл. К ней побежал! *(Преграждает ему путь.)*

МИХАИЛ. Таня! Окстись! Я хочу есть! Я просто хочу спокойно поесть! Пропусти меня.

ТАТЬЯНА *(разрыдавшись)*. Иди! Уходи к ней. Давай! *(Выталкивает его, захлопывает за ним дверь.)*

МИХАИЛ *(стучит в дверь)*. Таня! Перестань! Татьяна рыдает.

Ну, прекрати, не плачь. Нет у меня никого! Ты что, не видишь? Я люблю тебя, глупая. Пусти меня, я голодный, Таня!

ТАТЬЯНА *(навзрыд)*. Ты говоришь это в корыстных целях. Я всё, всё вижу! Нет! Ты меня не любишь. Я это чувствую.

МИХАИЛ *(Обхватив голову, сползает по стенке и садится на пол у двери)*. О-о-о!!! За что-о-о? *Затемнение.*

Картина 8. В квартире диспетчера Любы Коля, Денис.

Пока Коля принимает душ, ключ во входной двери поворачивается, домой возвращается муж Любы – Денис, слышит шум воды, заглядывает в ванную, шторка задёрнута.

ДЕНИС *(обрадовано)*. Куколка?

КОЛЯ *(за шторкой, после паузы, подражая голосу Любы, тонким голосом)*. А-ага...

Муж, выйдя из ванной, сбрасывает с себя одежду. Тем временем Коля в ванной лихорадочно одевается, с трудом попадая в штанины.

ДЕНИС *(раздеваясь)*. А я сегодня пораньше освободился... ну, жарница... думаю, ополоснусь хотя бы... Митьку-то из сада забирать пока рановато... надо же!.. и как это тебя вдруг отпустили в такую рань?.. *(В плавках распахивает дверь ванной и видит мокрого, полуодетого Колю.)* Опаньки... Это ещё что?

КОЛЯ. Я-я-я... э-э-это...

ДЕНИС. Какое – это?! Ты кто такой?

Коля пытается выйти из ванной, но Денис преграждает ему путь, Коля сопротивляется, тогда Денис вмазывает ему в глаз.

Аккуратные нынче домушники пошли... Что, решил грабить чистыми руками?

КОЛЯ *(держась за глаз)*. Я – н-н-не... М-м-меня Ль-люба поп-поп-росила...

ДЕНИС. Чего попросила? Помыться? О!!! Как интересно... А где же она сама?.. Люба?.. Люба! *(Заглядывает в комнаты, в кухню.)* Люба!!! Объясни, пожалуйста! Что здесь делает этот... бойфренд?

КОЛЯ *(пытается объяснить Денису цель своего визита)*. Я – к-к-к...

ДЕНИС *(орёт)*. Где она? Отвечай, быстро!

КОЛЯ. Н-н-на р-р-работе! Я к-к-к...

ДЕНИС. Уже на работе?.. Или ещё на работе?!
Отвечай!

КОЛЯ. Е-е-ещё... я к-к-кран...

ДЕНИС. Кран? А может быть, ты чайник? Хватит идиотом прикидываться! Ну-ка вон отсюда, и чтоб духу твоего здесь не было! *(Выталкивает сопротивляющегося полуодетого Колю за дверь.)* А с нею я сейчас разберусь! *(Кидается к одежде, начинает одеваться. Бросив это занятие, пытается дозвониться Любе, но там всё время занято.)*

Затемнение.

Картина 9. В лифте
Дина, Виталий.

ДИНА. Если бы вы тут не устроили это безобразие *(показывает на лужу)*, то все бы уже давно шли по своим делам!

ВИТАЛИЙ. Что вы разорались? Я никакого отношения к этому безобразию не имею.

ДИНА. Вот только не надо лапшу на уши вешать... я вас насквозь вижу!

ВИТАЛИЙ. Тоже мне, ясновидящая нашлась... Это масло! Можете попробовать, если не верите!

ДИНА. Спасибо, кушайте сами! Маслом он мочится! Какой необыкновенный человек! Такой мужчина в хозяйстве – просто находка. Может, вы по совместительству ещё и чудо-меленка? И яйца золотые несёте, вместо курочки Рябы?

ВИТАЛИЙ. Ну, вы что-то размечтались не по годам! Пойдёт направо – песнь завоет, налево – сказку говорит. В вашем... солидном возрасте могли бы вести себя и поскромнее.

ДИНА. Тю! Скромник нашёлся! Писающий мальчик! Скажите пожалуйста, а это случайно не вам памятник поставили в городе...

ВИТАЛИЙ. Или вы сейчас замолчите, или...
ДИНА. Я вызываю милицию. *(Жмёт кнопку вызова, но она не срабатывает.)* Зараза!..
Затемнение.

Картина 10. Возле квартиры Ларисы
Лариса.

Лариса, с базара, с полными сумками всякой зелени, овощей, фруктов и другой снеди, подбегает к двери на своём этаже, с трудом изловчившись, звонит в звонок, прислушивается. Никаких шевелений. Ставит сумки на пол, роется в сумочке, достаёт ключ, пытается открыть дверь, но она заперта изнутри и не поддаётся. Лариса звонит дольше, нервнее, звонки слышны со страшной силой, но результатов не дают. Она стучит руками, ногами, зовёт: «Вова! Вова!!!», упарившись, присаживается возле двери. Вздохнув, заглядывает в замочную скважину, обследует её опять, ковыряется ключом – безрезультатно. Набирает номер телефона на мобильнике. Из квартиры слышны телефонные звонки, но и они не дают результатов. Лариса звонит в дверь к соседям. Тишина. Звонит в другую дверь – результат тот же.

Картина 11. В диспетчерской
Диспетчер, Коля, Денис – голос.

Диспетчер обезвреживает телефон, сняв трубку и положив её на стол. Пытается перекусить, жуёт булку, запивает её соком. В диспетчерскую врывается негодующий Коля, одетый и застёгнутый как попало, держится за глаз.

ДИСПЕТЧЕР. Ну что, сделал? *(Замечает Колин вид и подбитый глаз.)* Что с тобой?

КОЛЯ. Ч-ч-что? Т-т-тебе с-пасибо! М-м-муж твой па-па-постарался! Й-й-я этого так не ост-тавлю! Я н-на него в с-суд п-подам!

ДИСПЕТЧЕР. Он-то откуда взялся? У него же работа ещё... а потом он в садик за Митькой должен был...

КОЛЯ. А он п-пораньше освоб-одился!.. и давай меня м-метелить... п-п-псих!

ДИСПЕТЧЕР. Да что случилось-то? С чего вы вдруг... сцепились?!

КОЛЯ. Ч-ч-чёрт знает, что п-про м-меня по-одумал...

ДИСПЕТЧЕР. Так ты бы сразу сказал, что ты – сантехник. Кран чинить пришёл. По моей просьбе. *(Дожевав, машинально кладёт трубку на рычаг.)*

КОЛЯ *(смотрит с ненавистью одним глазом, пытаясь выговорить)*. Тье-тье-тьебе ль-егко г-го-говорить!..

ДИСПЕТЧЕР. Извини, Коля... *(Хочет осмотреть травму.)* Дай посмотрю, что там с глазом.

КОЛЯ *(увёртывается)*. Н-не трогай м-меня!..

ДИСПЕТЧЕР. Может, примочку какую... стой, я в аптечке гляну... *(Направляется к аптечке.)*

КОЛЯ. Н-не надо!!! Я – в т-травмпункт. П-побой с-снимать! *(Кидает ей на стол ключи.)* В-в-в кои-то в-веки н-на св-видание с-собрался! А т-тут ты с-со своим нен-ненормальным!.. Ну, с-спасибо тебе! *(Отталкивает Любу, уходит.)*

ДИСПЕТЧЕР *(вслед)*. Да погоди! Я тебе сейчас примочку... Коля! Погоди!

Звонит телефон.

ДИСПЕТЧЕР *(в трубку)*. Диспетчер слушает... да...

ДЕНИС *(по телефону, издевательски)*. Работаете?

ДИСПЕТЧЕР. Ах, это ты? Ты что наделал?..

ДЕНИС. Не понял. Чем ты недовольна? Он что – плохо помылся?

ДИСПЕТЧЕР. Кто помылся? Ты зачем избил Колю?

ДЕНИС. А что же мне, молиться прикажешь на твоего Колю? В моей ванной!

ДИСПЕТЧЕР. Он такой же мой, как и твой.

ДЕНИС. Да, действительно! Я к нему чуть было под душ не влез!

ДИСПЕТЧЕР. Зачем?.. К кому?

ДЕНИС. К хахалю твоему.

ДИСПЕТЧЕР. К какому хахалю? Денис, разуй глаза!..

ДЕНИС *(перебивает её)*. Я уже разул! Спасибо! Так разул, что они у меня чуть не повылазили...

ДИСПЕТЧЕР *(перебивает его)*. Он там кран чинил!

ДЕНИС. Ах кран! Без штанов?

ДИСПЕТЧЕР. Почему без штанов?

ДЕНИС. А вот это я у тебя хотел спросить. Почему это он у нас в доме – без штанов? И душ принимает? В моё отсутствие?

ДИСПЕТЧЕР. С чего ты взял? Он пришёл чинить кран!

ДЕНИС. И промахнулся! Нечаянно под душ залез. А может, не только под душ? Это у вас что, затянувшийся обеденный перерыв?

ДИСПЕТЧЕР. Перерыв?! Много я тут перерывов вижу! Да я ишачу тут, как проклятая, вздохнуть некогда. Без конца у всех всё случается...

ДЕНИС. Не знаю, кто у вас... с кем случается!

ДИСПЕТЧЕР. Хватит из меня дуру делать! Сантехник это! Сантехник наш новый! Понимаешь? Кран он чинил. Откуда я знаю, с чего его под душ понесло? Пойди лучше Митьку из сада заberi. Время уже...

ДЕНИС. Нет уж. Теперь сама забирай. С сантехником новым шашни заводить у тебя время есть, а на родного ребёнка...

ДИСПЕТЧЕР. Какие шашни! Ты с что, сбрендил? Я сижу тут безвылазно...

ДЕНИС. Ага! Как же... Я не слепой! *(Бросает трубку.)*

Диспетчер лихорадочно набирает номер. Денис демонстративно уходит из квартиры, хлопнув дверью. В пустой квартире раздаются звонки. Диспетчер вешает трубку.

Картина 12. Диспетчерская
Диспетчер, Лариса.

Звонок телефона.

ДИСПЕТЧЕР. Да. Диспетчерская...

Лариса со своими экзотическими сумками спускается по лестнице и идёт в диспетчерскую.

ЛАРИСА. Здравствуйте!

ДИСПЕТЧЕР *(отвечая на телефонный звонок, одновременно кивает Ларисе)*. Здравствуйте... да... да... номер квартиры?.. слесаря-сантехника сегодня не будет!.. Он... на больничном... Не знаю... что делать?.. вызывайте аварийку. *(Вешает трубку, Ларисе.)* Да, я вас слушаю.

ЛАРИСА. Девушка, помогите, пожалуйста! Я не могу попасть в квартиру.

ДИСПЕТЧЕР. А что такое?

ЛАРИСА. Там муж заперся изнутри и, видно спит...

ДИСПЕТЧЕР. Ну, а я вам что – будильник? Позвоните подольше – проснётся.

Звонит телефон, она берёт трубку.

ДИСПЕТЧЕР. Алло, диспетчерская... слушай, ну посмотри ты на вещи трезво... ты ничего не хочешь видеть!.. Я тебе всё объяснила!.. прекрати... пойд

сходи за ребёнком... Ты соображаешь?... Там уже все на ушах... стемнеет скоро... Ух, побуывала бы!.. слушай, знаешь, что?.. тогда не мотай мне нервы!.. Всё, хватит, некогда мне, работаю я. *(Вешает трубку.)*

ЛАРИСА. Девушка, умоляю вас, помогите. Мне сегодня в командировку ехать, через полтора часа поезд. А он завалился пьяный, закрылся изнутри, и теперь его не разбудишь никакими силами.

ДИСПЕТЧЕР. Ну, а что я могу? *(Набирает номер.)* Алло!.. Алло! Марина!.. Мне жутко нужна твоя помощь!.. Ты можешь забрать моего Митьку из садика?.. Что?.. на совещание?.. прямо сейчас?.. О!!! ... Да, долго рассказывать...Ладно, пока...

ЛАРИСА. Может, мастера какого-нибудь вызвать – пусть хоть дверь ломает.

Звонок телефона.

ДИСПЕТЧЕР *(в трубку)*. Да... да, электрик вышел на участок, по вызовам... Не знаю, когда он до вас дойдёт... какая квартира?.. Все заявки у него. Вызовов много, ожидайте. *(Ларисе.)* Вы видите, у меня – никого нет. Электрик – на участке, сантехник... заболел!

ЛАРИСА. Ну... может быть, у вас хоть инструменты какие-нибудь есть? Я сама попробую. А то соседей вокруг – никого, все на дачах.

ДИСПЕТЧЕР. Нет у меня никаких инструментов!

ЛАРИСА. Хотя бы что-нибудь... ножик, что ли...

ДИСПЕТЧЕР *(роется в ящике стола)*. Ложка... и вилка одноразовая, пластмассовая.

Лариса издаёт звук отчаяния.

А хотя... посмотрите там, в углу, кажется, топор тут оставил... один деятель.

Звонок телефона.

ДИСПЕТЧЕР *(в трубку)*. Да... нет... я не знаю... это диспетчерская, звоните в справочную.

ЛАРИСА (*нашла топор*). Девушка, можно я возьму? Я верну сразу же...

ДИСПЕТЧЕР. Вы в какой квартире живёте?

ЛАРИСА. В 54-й. Этот же подъезд, второй этаж.

ДИСПЕТЧЕР. Только сразу занесите...

Лариса неловко пытается с сумками в руках, взять ещё и топор.

Вы сумки с продуктами пока оставьте, не удобно же...

Звонит телефон.

ЛАРИСА. Да, да, конечно. Спасибо вам!

ДИСПЕТЧЕР (*снимает трубку*). Да, слушаю...

Диспетчерская...

Затемнение.

Картина 13. На лестнице

Лариса, Михаил.

Лариса поднимается по лестнице, держа в руках топор, разминает уставшие от сумок руки. Михаил спускается по лестнице, сталкивается с Ларисой.

ЛАРИСА. Здравствуйте!

МИХАИЛ (*покосившись на топор*). Здравствуйте!

ЛАРИСА. Извините, вы мне не поможете?

МИХАИЛ. А что?

ЛАРИСА. Мне нужно дверь взломать.

МИХАИЛ (*оторопев*). Неожиданное предложение... Это у Вас – хобби или профессия?

ЛАРИСА. Нет... Понимаете, я не могу попасть домой – муж заперся и спит.

МИХАИЛ. А если проснётся?

ЛАРИСА. Ой, что вы! Он когда выпьет, спит как убитый.

МИХАИЛ. Извините, мне некогда. Вы подождите, он поспит и проснётся. Зачем же сразу двери ломать?

ЛАРИСА. Я в командировку сегодня еду... у меня поезд скоро... вещи, билеты, документы – всё дома заперто. (*Чуть не плачет.*) Помогите, пожалуйста!

МИХАИЛ (*колеблется, потом сдаётся*). Ну, ладно, попробую.

ЛАРИСА (*отдаёт топор Михаилу*). Спасибо Вам огромное!

МИХАИЛ. Да не за что пока.

Они идут к квартире Ларисы.

Картина 14. В лифте

Дина, Виталий, Диспетчер – голос.

ДИНА (*звонит диспетчеру*). Алло! Девушка! Алло!

ДИСПЕТЧЕР. Да, слушаю.

ДИНА. Девушка, скоро нас отсюда выпустят?

ДИСПЕТЧЕР. Бригада вызвана. Ожидайте.

ВИТАЛИЙ. Сколько можно ждать! Вы уверены, что они выехали к нам?

ДИСПЕТЧЕР. Я уверена, что они получили заявку.

ДИНА. Мы тут задохнёмся, пока они приедут.

ДИСПЕТЧЕР. Вы знаете, у нас тут тоже... не Антарктида. Имейте терпение, вы не в подводной лодке, не задохнётесь. (*Отключается.*)

Картина 15. У дверей Ларисиной квартиры

Лариса и Михаил.

Они подходят к её двери.

МИХАИЛ. А, так это вы недавно переехали? А то я смотрю – лицо что-то незнакомое.

ЛАРИСА (*со вздохом*). Да, это мы – недавно...

Она ещё раз звонит, прислушивается, копается ключом, стучит, звонит с мобильного – ничего. Квартира разрывается от грохота, результат – нулевой.

МИХАИЛ (с завистью). М-да! Мне бы такой сон!

Михаил пытается взломать дверь, Лариса помогает, они долбят её изо всех сил, дверь не поддаётся.

Картина 16. Лифт
Дина, Виталий.

В лифте прислушиваются.

ВИТАЛИЙ. О! Кажется, это нас вытаскивать собрались.

ДИНА. Ага, как же!.. Не обольщайтесь, это – не то... стучат где-то сбоку... а если бы – нас, то стучали бы строго над нами...

ВИТАЛИЙ. Вот влип... когда же это кончится!

ДИНА. Слушайте! Не нудите хотя бы!

Картина 17. На лестнице, возле квартиры Ларисы
Татьяна, Лариса, Михаил, Вова.

На эти же звуки из своей квартиры выглядывает Татьяна, жена Михаила, прислушивается.

МИХАИЛ. Помогите мне... Вот так подержите, пожалуйста...

ЛАРИСА. Да, да, конечно... Ещё чуть-чуть. Сейчас... уже почти... (тяжело дыша) сейчас всё получится... главное – продолжайте...

Татьяна, вслушиваясь в происходящее, явно истолковывает услышанное по-своему. Она осторожно идёт на голос мужа, медленно спускаясь по лестнице.

МИХАИЛ (утирая пот, показывает Ларисе в расщелину между дверью и притолокой). Вон... там такой язычок, видите? Подденьте его... (показывая на топор) вот этим, а я сейчас навалюсь посильнее... (рычит) гр-р-р... снять бы всё это хозяйство... о-о-о... с петель... (Ритмично долбит и расшатывает дверь со страшной силой.)

ЛАРИСА (опуская руки с топором). Нет... так не получается... устала...

МИХАИЛ (забирая у неё топор). Давайте, я. Как только я поддену, Вы тяните... только тихонько, не дёргайте. Я и так уже всё разболтал... Теперь нужно нежно, аккуратно... (Они действуют сообща, слаженно, сопя и крякая.) Так-так-так... ещё немножко... да, да...

ЛАРИСА. Ой, я такая неловкая...

МИХАИЛ. Ничего, ничего, это с непривычки... сейчас у вас всё получится. Ну ещё немножко... давайте вместе... Так... так...

Татьяна, вслушиваясь, держится за перила, чтобы не потерять сознание, ноги у неё подкашиваются, она садится на ступеньки.

Картина 18. У двери Ларисы
Лариса, Михаил, Вова, Татьяна.

ЛАРИСА. Всё! Есть... получилось!..

Дверь распахивается, на пороге стоит заспанный, но не протрезвевший муж Ларисы – Вова, ничего не соображая, смотрит на Ларису и Михаила с топором.

ОВОА. Что это?! ...Кто?..

ЛАРИСА. О! Проснулся! (Пытается войти.)

ОВОА (загораживает вход). Куда?

ЛАРИСА. Домой!

ОВОА. Ты – с ним... На меня – с топором?!!

МИХАИЛ *(не зная, куда девать топор)*. Это... извините. Это совсем не то, что вы подумали...

ОВОА *(куражится, спьяну)*. Конечно! Конечно – не то!.. А то я дурак! Ты сюда с топором ломился, чтобы с моей женой в шахматы играть!.. Я же вижу...

ЛАРИСА *(забирает топор)*. Перестань! Ничего ты не видишь! Залил глаза! *(Михаилу.)* Извините, пожалуйста... он у меня не совсем... *(Мужу.)* Пусти! Ты понимаешь, что я сейчас уезжаю... не задерживай меня, пожалуйста!

ОВОА. Уезжаешь?.. С ним?.. *(Хватает Михаила за грудки.)*

ЛАРИСА. При чём тут он?.. Прекрати! Отпусти его сейчас же!

МИХАИЛ *(обороняясь)*. Да поймите же!.. Просто вы спали и ничего не...

ОВОА. А! Так вы решили – пока я сплю... *(замахивается на Михаила.)*

ЛАРИСА *(не успев выпустить из рук топор, орёт, пытаясь остановить их)*. Не-ет! Не трогай его!

На лестничной площадке появляется Татьяна, жена Михаила.

ТАТЬЯНА *(увидев Ларису с топором и замахивающегося Вову, истошно орёт)*. А-а-а-а! Убивают!

Все застыли от неожиданности.

Вот она! *(Михаилу.)* Я знала... я так и знала... что ты мне врёшь! Это ж надо! – прямо под боком нашёл! С новосельем! Так ты знал её раньше?..

МИХАИЛ. Таня! Ты с ума сошла!.. Меня попросили... я просто помогал выломать...

ЛАРИСА *(защищая Михаила)*. Это я... я его просила... поймите же, он ни в чём не...

ТАТЬЯНА. Я рада. Я очень рада за вас. Это даже хорошо, что я вас увидела. *(Поворачивается, бежит по лестнице домой.)*

МИХАИЛ *(вырываясь от Вовы)*. Что ты увидела?! Пустите меня! Да пустите же... *(Вырывается, слышен треск рвущейся рубашки.)*

ОВОА *(пытаясь его удержать)*. Что, трус, бежишь?

ЛАРИСА. Да отпусти ты его!.. Сейчас же отпусти... *(Помогает Михаилу отцепиться от Вовы, вбегает к себе домой.)* Ты что – совсем опупел? Я опаздываю на поезд... Если я опоздаю... ты... ты...

ОВОА *(туго соображая, идёт вслед за женой)*. Какой поезд...

ЛАРИСА. Командировка у меня! Забыл?

ОВОА. А этот – что тут делал?.. *(Закрывает дверь.)*

Тем временем, Михаил бежит вслед за Татьяной, но дверь квартиры перед его носом захлопывается.

МИХАИЛ *(у себя на этаже лупит в свою дверь)*. Таня! Таня, пусти. Я тебе всё объясню. Таня! Ты всё не так поняла!..

ТАТЬЯНА *(собирает вещи)*. Я всё **так** поняла!.. Наконец-то... Я всё слышала... и всё видела!

Картина 19. В лифте

Дина, Виталий.

ВИТАЛИЙ. О-о-ох! *(Ощупывая карманы.)* Ёлки-молотки! Забыл. Мобильник с записной книжкой... ох ты ж!.. М-м-м!

ДИНА. Кстати! *(Достаёт из сумочки мобильник.)*

ВИТАЛИЙ. У-у, спешка проклятая. *(Демонстративно отворачивается.)*

ДИНА *(набирает номер, в трубку)*. Серёга!.. Да, я, привет!.. Нет! Представляешь, я тут в лифте застряла... Да я серьёзно!.. Где! Дома у себя... да ещё с каким-то маньяком... А вы там как – все уже

собрались?.. Так, так... отлично... молодцы... А как там наш... кто-кто – гвоздь программы... Нет?.. Интересно... Вы только никуда не уходите, ждите до посинения... Если меня долго не будет – Гринников пусть мобилизует отряд милиции... ага... Андрюшкиной скажи, чтобы вызвала своих сыновей-альпинистов, а Чуня пускай задействует все связи, чтобы аварийка побыстрее приехала... Ну, давай, Щепочка, держитесь там... Привет Дюку!

В процессе её разговора он застывает, потом медленно поворачивается к ней.

ВИТАЛИЙ (обалдело). Динка!

Она поворачивается к нему.

Динка Лёгенькая!

ДИНА (уставившись в него, выдыхает).

Витасик!..

ВИТАЛИЙ. Динка... (вглядываясь в её пышную блондинистую причёску, недоумённо) стрижечка... мальчишеская... чёрненькая...

ДИНА (глядя на его намечающуюся лысину, саркастически). Роскошная кудрявая шевелюра...

ВИТАЛИЙ (опуская взгляд на её величественный торс, растерянно). Худющая... (вспомнив, как её дразнили) ...шкиля-макарона... ты же всегда носилась, как глупый щенок.

ДИНА (саркастически). Однако во время пути... собака могла подрасти! (Небрежно кивнув на его брюшко.) Зато у тебя поистине атлетическое телосложение.

ВИТАЛИЙ (ошарашенно). А ты совсем не изменилась!

ДИНА. К сожалению, о тебе я этого сказать не могу.

ВИТАЛИЙ. Язва.

ДИНА. Ещё какая!

ВИТАЛИЙ. А помнишь, как физик наш, когда доходил до единиц измерения силы... всякий раз

говорил, к примеру: «Восемьсот сорок восемь дин... – и выразительно глядел на тебя, потом как бы взвешивал что-то на руке и добавлял: – Лёгеньких. О-очень Лёгеньких»?

ДИНА. Ты напрасно надеешься, что у меня склероз. К сожалению, я помню намного больше, чем хотелось бы.

Картина 20. Квартира диспетчера Любы и Дениса

В свою квартиру возвращается Денис с бутылкой пива, открывает ключом дверь, захлопывается изнутри, идет в сторону кухни. В ванной начинает звонить мобильник, забытый Колей. Денис идёт на звук.

Внезапно везде вырубается свет.

Картина 21. Лифт

Дина, Виталий.

ДИНА. Ой.

ВИТАЛИЙ. Да что они – с ума посходили?

В темноте тянутся руками к кнопке вызова диспетчера, нажимают, он продолжает держать её за руку.

Картина 22. В квартире Татьяны и Михаила

Татьяна, Михаил.

Свет вырубается, Татьяна ойкает, всхлипывая, ощупью продолжает собирать вещи. Михаил – у дверей, стучит.

МИХИАИЛ. Таня,пусти меня. Здесь темно.

ТАТЬЯНА (всхлипывая). Не волнуйся, здесь тоже.

МИХАИЛ. Тебе меня не жалко?

ТАТЬЯНА. А тебе меня?!

МИХАИЛ. Мне тебя – очень. Впусти – пожалею.
ТАТЬЯНА. Спасибо, я в твоей жалости не нуждаюсь!

Картина 23. У квартиры Ларисы и Вовы
Лариса, Вова.

Из квартиры Ларисы и Вовы выглядывает Лариса.

ЛАРИСА. Кошмар! Кажется, это везде отключилось.

Слегка протрезвевший Вова выходит посветить ей, идёт к счётчику, чем-то там щёлкает.

ОВОА. Да, кажись, это не только у нас...

ЛАРИСА. Осторожней, а то ещё шарахнет... не видно же ничего.

ОВОА. Ну почему... видно... *(светит спичкой)*
Сейчас-то видно...

ЛАРИСА. Вот кошмар, я опоздаю...

ОВОА *(подходит к ней)*. Не бойсь... *(обнимает её)* пошли, помогу собраться. *(Уходят в квартиру, дверь закрывается.)*

Картина 24. В лифте
Дина, Виталий, Диспетчер – голос.

Дина наконец нажимает кнопку вызова диспетчера.

ДИНА. Девушка! Алло! У нас погас свет! Алло!! Девушка!

ДИСПЕТЧЕР. Да слышу, слышу, не глухая! У нас тоже темно. Тут, похоже, авария во всём районе.

ВИТАЛИЙ. И когда же...

ДИСПЕТЧЕР *(на пределе)*. Спросите что-нибудь полегче. Сидите ждите.

Картина 25. Диспетчерская
Диспетчер.

ДИСПЕТЧЕР *(у себя, в темноте, набирает номер телефона)*. Ало! Алло!.. Люся!.. Люсенюка, какое счастье, что я хоть тебя застала... Слушай, выручай... забери, пожалуйста, моего Митьку из садика... ну, сделай доброе дело... я тебя очень прошу, в последний раз... да тут, понимаешь, авария во всём районе – свет погас!.. ой, с Денисом у нас такое... короче, потом расскажу... Ладно... Ладно... спасибо тебе огромное!.. проси чего хочешь... хорошо. Хорошо. Всё, беги... Пока.

Картина 26. В квартире диспетчера Любы и Дениса
Денис, Валентина – голос.

Денис в темноте заходит в ванную, нашаривает мобильник, оставленный Колей, отвечает.

ДЕНИС. Алло!

ВАЛЕНТИНА. Алло! Коля! Коленька! У нас тут свет погас... я уже собиралась к тебе...

ДЕНИС. Я не Коля. А вы – кто?

ВАЛЕНТИНА. Ой!.. Не Коля?.. Как не Коля? Это же его номер... или я ошиблась?.. извините, я перезвоню...

ДЕНИС. Алло, девушка, нет... это его телефон...

ВАЛЕНТИНА. Его?.. а почему же вы...

ДЕНИС. А он забыл свой мобильник в ванной... у моей жены...

ВАЛЕНТИНА. У какой жены?..

ДЕНИС. У моей. А вы что, с ним встречаетесь?.. выходит, он и вас обвёл вокруг пальца... а с виду не скажешь...

ВАЛЕНТИНА. Да вы что!.. как же это... он же мне звонил... что кран чинит...

ДЕНИС. Кран чинит?..

ВАЛЕНТИНА. Ну да, кран... сантехник же... говорит, его Люба заставила, диспетчерша ихняя... а потом, сказал, сразу – ко мне...

ДЕНИС. ...М-да...

ВАЛЕНТИНА. Аллё, аллё!.. А вы... кто? Как вашу жену зовут?

ДЕНИС. Люба... *(пауза)* диспетчер она.

ВАЛЕНТИНА. Так вы что, застали их... вместе... да?

ДЕНИС. Нет!.. в том-то и дело...

ВАЛЕНТИНА. Так почему же вы...

ДЕНИС. ...Девушка, я не знаю... не знаю...

ВАЛЕНТИНА. А где он, Коля? Он там, у вас? Дайте ему трубку...

ДЕНИС. Нет его тут... я же сказал, не знаю... *(Делает нетерпеливое движение и нечаянно ударяет ногу о чемоданчик с инструментом.)* О!!! А-а-а! Зараза...

ВАЛЕНТИНА. Что?!!

ДЕНИС. Да не вы!.. тут чего-то под ногами понаставили... всё... потом... *(Отключает мобильник, трёт ушибленную ногу, обшаривает окрестности, натывается на чемоданчик с инструментами, открывает его, ощупывает. Находит спички, зажигает, убеждается, что в чемоданчике инструменты сантехника.)* Вот чёрт... *(Кидается к крану, включает его, вода течёт без лишних шумов. Он пытается найти положение, когда кран заорёт как резанный, но этого не происходит.)* Блин!.. *(Ополаскивается под краном.)* Похоже, я всё-таки... идиот.

Картина 27. В лифте

Дина, Виталий.

ВИТАЛИЙ. Ну, ёлы-палы! А я тебя даже не разглядел толком.

ДИНА. Значит, в твоём преклонном возрасте пора носить бинокль.

ВИТАЛИЙ *(вспомнив фразу из прошлого)*. Будешь выступать – уши надеру. *(В темноте он протягивает руку, чтобы шутя потрепать её за ухо, гладит по голове. Неловко переступив, он поскользывается на масляной луже, чуть не падает, нечаянно срывает с неё парик и вскрикивает.)* А!! Что это? *(От неожиданности бросает парик в лужу.)*

ДИНА *(хватаясь за голову)*. Ай!! Мой парик!.. Отдай. Где он?

ВИТАЛИЙ. Он, кажется, упал...

ДИНА *(нашарив его на полу)*. Чёрт! Он весь в каком-то масле!

ВИТАЛИЙ *(торжествующе)*. Вот видишь! Я же говорил, что это масло!..

ДИНА. Ну, спасибо, утешил! Чтобы доказать, что ты не родственник писающего мальчика, ты решил меня обезглавить. *(Держит парик двумя пальцами.)* Теперь его можно выбросить. *(Бросает парик в угол.)*

ВИТАЛИЙ. Прости, я не нарочно... *(Обмахиваясь.)* И зачем ты его напаялила?.. с ума сошла – в парике в такую жару... И не жалко тебе себя?

ДИНА. Жалко. Особенно без парика. Как посмотрю в зеркало – плакать хочется.

ВИТАЛИЙ. Ну, что ты говоришь, бестолковая...

ДИНА. Уж какая есть. Ты, сильно умный... дай хоть платок – руки вытереть.

ВИТАЛИЙ. На. *(Отдаёт ей платок.)*

ДИНА. Спасибо тебе. За всё. Теперь его тоже можно выкинуть. *(Бросает платок.)*

ВИТАЛИЙ. Я куплю тебе новый парик... как только выберемся.

ДИНА. Не надо, я как-нибудь сама справлюсь. Слава Богу, не бедствую. Как-никак, бухгалтер. В трёх фирмах.

ВИТАЛИЙ. Ты – бухгалтер? Не ври. У тебя же мозги для математики – так себе...

ДИНА. Эти мозги в нашем математическом были «так себе», а в дальнейшей жизни оказались очень даже ничего.

ВИТАЛИЙ. Надо же!.. Так ты же ни одного примера без меня решить не могла!

ДИНА. Ага, конечно! Когда Берточка напишет на доске какой-нибудь наворочанный примерчик... от стены к стене, в несколько рядов, понапишет в него такого, что за неделю не разгребёшь...

ВИТАЛИЙ. Правильно. А как бы ты хотела?

ДИНА. Да ещё пальчики от мела оттряхнёт элегантно и говорит, вся такая довольная:

ВИТАЛИЙ И ДИНА ВМЕСТЕ (изображая математичку). «Ну, вот. Весь сыр – в один вареник!..» (Смеются.)

ВИТАЛИЙ. Если тебе это не нравилось, нечего было в нашу школу соваться. Сидела бы в своей занюханной и зубрила таблицу умножения!

ДИНА. Ой, ладно, опять завёлся. Хватит умничать. (Распахивает свою блузку, обмахивается.) Фух, не могу, духотища, прям хоть шкуру сбрасывай!

ВИТАЛИЙ. Да ты сними свой блузон и обмахивайся... всё равно ничего не видно.

ДИНА. Думаешь?

ВИТАЛИЙ. Уверен.

Дина снимает верхнюю блузку, остаётся в пикантном топике, блузкой начинает обмахиваться.

Картина 28. В квартире Татьяны и Михаила Татьяна.

Татьяна вываливает из шкафа бельё, на пол со стуком падает какой-то пакетик, она находит, ощупывает его, там оказывается коробочка с духами и открытка. Татьяна дрожащей рукой

находит зажигалку, читает, что написано в открытке.

ТАТЬЯНА. Моей любимой... самой дорогой, желанной... о!.. (руки трясутся, зажигалка гаснет, она снова с трудом зажигает её) так... желанной... и единственной... жене... Танюшке. В день рождения... Теперь я больше никогда не забуду этот день... Я хочу, чтобы ты была счастлива... Я нашёл те самые духи, которыми ты душилась, когда мы с тобой познакомились... Целую. Твой Миша.

Татьяна не может поверить своим глазам, снова и снова зажигает зажигалку, перечитывает, смеётся и плачет одновременно. Потом смотрит некоторое время в темноту, укладывает на место пакетик с подарком и медленно, ощупью начинает запихивать в шкаф все разбросанные вещи.

Картина 29. В лифте

Дина, Виталий, Диспетчер – голос.

ДИНА (обмахивается). А ты, гений, у нас теперь кто и где, если не секрет?

ВИТАЛИЙ. Ох, хорошо! (берётся за другой конец блузки, помогает махать.) Я в Нью-Йорке. Страховой агент.

ДИНА. Неплохая специальность для гения. И давно ты там?

ВИТАЛИЙ. Давно.

ДИНА. Насколько мне известно, ты тогда вроде... во Владивосток махнул?..

ВИТАЛИЙ. Тогда – да.

ДИНА. Ну. И – что?

ВИТАЛИЙ. Тебя забывал. Учился, женился... напился, лечился... ну и прочие интересные занятия... потом всё это мне осточертело, я развёлся и уехал в Штаты.

ДИНА. Понятно! Куда же ещё! Других интересных мест на Земле не существует! Ну, а там?

ВИТАЛИЙ. Там тоже всякого хлебнул. Женат был некоторое время, сын растёт – американец. Работаю. Зарабатываю хорошо. Меня ценят. Всё в порядке. *(Пауза.)* Слушай, не возражаешь, если я футболку скину?

ДИНА. Футболку – не возражаю. А с чего разводился-то? Все бабы – стервы?

ВИТАЛИЙ. Нет, ну почему? Первая вообще была тише воды, ниже травы. От тоски чуть не сдох.

ДИНА. Ну, вторая-то хоть – стерва?

ВИТАЛИЙ. Нет, нормальная. Просто нашла себе мужа побогаче. Только всё равно... безрадостно как-то всё. *(Пауза.)* А ты – как? Замужем? Счастлива?

ДИНА. Было и такое.

ВИТАЛИЙ. С Глебовым?

ДИНА. Ты чё, дурак?!!

ВИТАЛИЙ. Сама ты дура!

ДИНА. У тебя на Глеbove прямо свет клином сошёлся.

ВИТАЛИЙ. Вот и вали к своему Глебову!

ДИНА. Какой он – мой? Глебов спился. И вообще, с чего ты взял?..

ВИТАЛИЙ *(задохнулся)*. С чего я взял?!! С чего я взял?! ...С того, что видел! И чем же, интересно, вы занимались... в этой замысловатой позе на скамейке?!!

ДИНА. В этой замысловатой позе он мне соринку из глаза доставал!!!

ВИТАЛИЙ. Соринку?!! Какую ещё соринку?..

ДИНА. Обыкновенную!.. которую ветром вместе с пылью надуло! Пока вы там со Слушной песни горланили выпускные-прощальные, я три часа до тебя докричаться не могла... глаз красный, вся тушь размазалась... Спасибо, Глебушка помог, он умеет...

ВИТАЛИЙ. Он умеет! В этом я никогда не сомневался! Он всегда вокруг тебя ужом вился и зенки свои паялил... у-у-ух, поубивал бы! *(Замахивается футболкой на воображаемого Глебова.)*

ДИНА. Ты уже попробовал! Я потом четыре дня его к травматологам таскала... пока ты во Владивосток катил. *(Начинает лупить его своей блузкой.)* Идиот... идиот... идиот ревнивый!!!

ВИТАЛИЙ *(заслоняясь руками и с трудом осознавая)*. Ты... это... про соринку – что, правда?..

Она опускает руки, всхлипывает. Пауза.

А что, сказать нельзя было?!! По-человечески?!!

ДИНА. А что, спросить нельзя было?!! Перед тем как морду человеку расквасить? И усвистать с вокзала в неизвестном направлении? Даже родителей не предупредил, все тут с ума сходили!

ВИТАЛИЙ. Я им телеграмму прислал. Когда доехал...

ДИНА. Спасибо. Мы все были тронуты твоим гуманизмом.

ВИТАЛИЙ. Так ты... ты что, с Глебом – не...

ДИНА. «Не...»!!! Представь себе – «не...»! Больше того, даже – ни-ни! *(Шмыгает носом.)* Вот ведь как.

ВИТАЛИЙ. Как же так... Но пойми ты!.. Как всё это выглядело!

ДИНА. Знаешь, когда ты в лифте над лужей штаны застёгивал, это тоже выглядело как-то не очень.

ВИТАЛИЙ. Дурища ты! У меня ремень перекрутился! Знаешь, с какой скоростью я одевался? Когда понял, что есть шанс увидеть тебя!

ДИНА. А у меня тогда глаза на лоб повылазили из-за этой соринки клятой!

ВИТАЛИЙ. Но я же видел, как он на тебя всё время паялился...

ДИНА. И не он один! А чего же не паяться, когда есть на что? На меня, между прочим, и по сей день паяться, если хочешь знать! *(Пауза.)*

ВИТАЛИЙ *(тупо)*. Это ж надо быть таким... кретином!..

ДИНА. Таким кретином – лучше не надо!

ВИТАЛИЙ. Господи, мне всю жизнь не хватало именно этой язвы... *(Обнимает её.)*

Она припадает к нему. Внезапно загорается свет.

О! Как вовремя. *(Берёт её за плечи.)* Дай хоть разглядеть тебя... какая ты...

ДИНА *(уклоняясь от его взгляда, полураздетая, взъерошенная, зарёванная, но ужасно привлекательная)*. Чего меня глядеть?.. Эка невидаль... старая кляча...

ВИТАЛИЙ *(вглядываясь в неё)*. Н-нуу... Я бы не сказал.

ДИНА *(глядя на валяющийся парик)*. Ну вот! Стоило мне встретить тебя, и я тут же потеряла голову.

ВИТАЛИЙ. Ты знаешь, а без головы тебе намного лучше. И без всего остального тоже.

ДИНА. Как? И даже без тебя?

ВИТАЛИЙ. Нет уж, теперь я тебя никому не отдам.

Целуются.

ДИСПЕТЧЕР. Алло! Алло! Живы вы там? Пришла команда вас вызволять! Алло! Живые есть? Что молчите? Алло! Сейчас откроются двери. Алло!

В сумочке Дины звонит мобильник. Она тянется, чтобы ответить, он выключает мобильник. Двери открываются. Мобильник снова звонит. Они ещё долго продолжают целоваться.

ВИТАЛИЙ *(смотрит на неё)*. Нет, пожалуй, так ты слишком хороша. Придётся всё-таки купить тебе парик, чтобы на тебя поменьше паялись. *(Берёт её на руки.)*

ДИНА. И куда ты меня тащишь?

ВИТАЛИЙ. Тут недалеко. Ко мне, на двенадцатый. *(Берёт её на руки и выносит из лифта.)*

Картина 30. Квартира Татьяны и Михаила
Татьяна, Михаил, Виталий, Дина.

Татьяна выходит из квартиры с собранной сумкой, видит сидящего у двери Михаила, он преграждает ей путь.

МИХАИЛ *(обнимает её)*. Ну, что, попалась?

ТАТЬЯНА *(для виду сопротивляется)*. Пусти меня...

МИХАИЛ. Ещё чего!

Виталий проносит по лестнице Дину.

ТАТЬЯНА *(с завистью)*. Не тяжело?

ВИТАЛИЙ. Нет! Она – Лёгенькая! *(Уносит её дальше по лестнице.)*

МИХАИЛ. Кстати, ты у ведь меня тоже – не тяжёленькая. *(Сгребает Татьяну вместе с вещами, заносит домой.)*

Картина 31. Диспетчерская
Лариса, Вова, Диспетчер, Денис, Коля, Валентина.

Протрезвевший Вова идёт провожать Ларису на поезд, несёт её вещи, Лариса по дороге заносит в диспетчерскую топор.

ЛАРИСА. Вот топор, спасибо большое. Я поставлю на место. А можно, муж мой продукты на обратном пути заберёт? Вов! Покажись! *(Вова показывается диспетчеру.)* А то я уже опаздываю. Ладно?

ДИСПЕТЧЕР. Ладно, ладно, только не долго.

ЛАРИСА *(спохватившись)*. Я только колбаски с собой захвачу и пару помидорчиков. *(Роемся в сумке,*

что-то вытаскивает, перекладывает, потом бежит догонять Вову.)

Заходит Денис, муж диспетчера Любы, в одной руке – чемоданчик с инструментами сантехника, Колин мобильник, в другой – букет цветов «куриная слепота».

ДЕНИС (ставит чемоданчик, кладёт на стол мобильник). Люба!.. Тут вот... это... я нашёл.

ДИСПЕТЧЕР. Молодец.

ДЕНИС (опустив голову). Люб, прости, я, кажется, дурак...

ДИСПЕТЧЕР. Да, я заметила.

ДЕНИС (протягивает ей цветочки). Люб, я тут тебе нарвал... как их там... «анютины глазки», что ли?.. Ну, которые ты любишь... с детства...

ДИСПЕТЧЕР. Да, люблю... (берёт букетик), только они называются не «анютины глазки», а «куриная слепота»... (Лунит его.) Бестолочь, бестолочь, бестолочь! (Утыкается в его плечо, ревёт.) Дубинушка ты моя!..

Денис её успокаивает.

Входит сантехник Коля с повязкой на глазу. Он видит обнявшихся Любу и Дениса. Раздумывает, что же ему делать. Входит Валя. Пауза. Коля жестами показывает, что глаз ему подбил вот этот сумасшедший, и он сейчас ответит ему тем же. Валя жестами уговаривает его не делать этого и оставить парочку в покое. Коля нехотя соглашается, машет рукой, потихоньку берёт топор, чемоданчик с инструментами, мобильник и уходит вместе с Валей.

З а н а в е с

Литературно-художественное издание

МОСКОВСКИЙ ДОМ

Выпуск №2

ВОДОВОРОТЫ

Руководитель проекта «Московский Дом»
Ольга Грушевская

Подготовка оригинал-макета, дизайн
Группа «Московский Дом»

Редакторско-корректорская группа
Светлана Сударикова
Ольга Моисеева

Фото на обложке
Александр Грушевский
Анастасия Заринова

Подписано в печать 26.11.2010 г. Формат 60х90 1/16
Усл. печ. л. 20,6. Тираж 100 экз.
Заказ № Мо1.0810.002

Московский Салон Литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru

Отпечатано в «онтоПринт»
www.ontoprint.ru